

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. В. МАЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

9(M)
M18

Ответственный редактор
П. И. ПУЧКОВ

М $\frac{10605-209}{013(02)-81}$ — 126-81 0504000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

Глава I

ОТКРЫТИЕ ЕВРОПЕЙЦАМИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Семнадцатый век знаменовал собой падение морского владычества Испании. Освободившись от испанского ига, голландцы теснили своих недавних господ и в их заокеанских территориях. В начале столетия они вошли в Тихий океан, долгое время называвшийся «испанским озером».

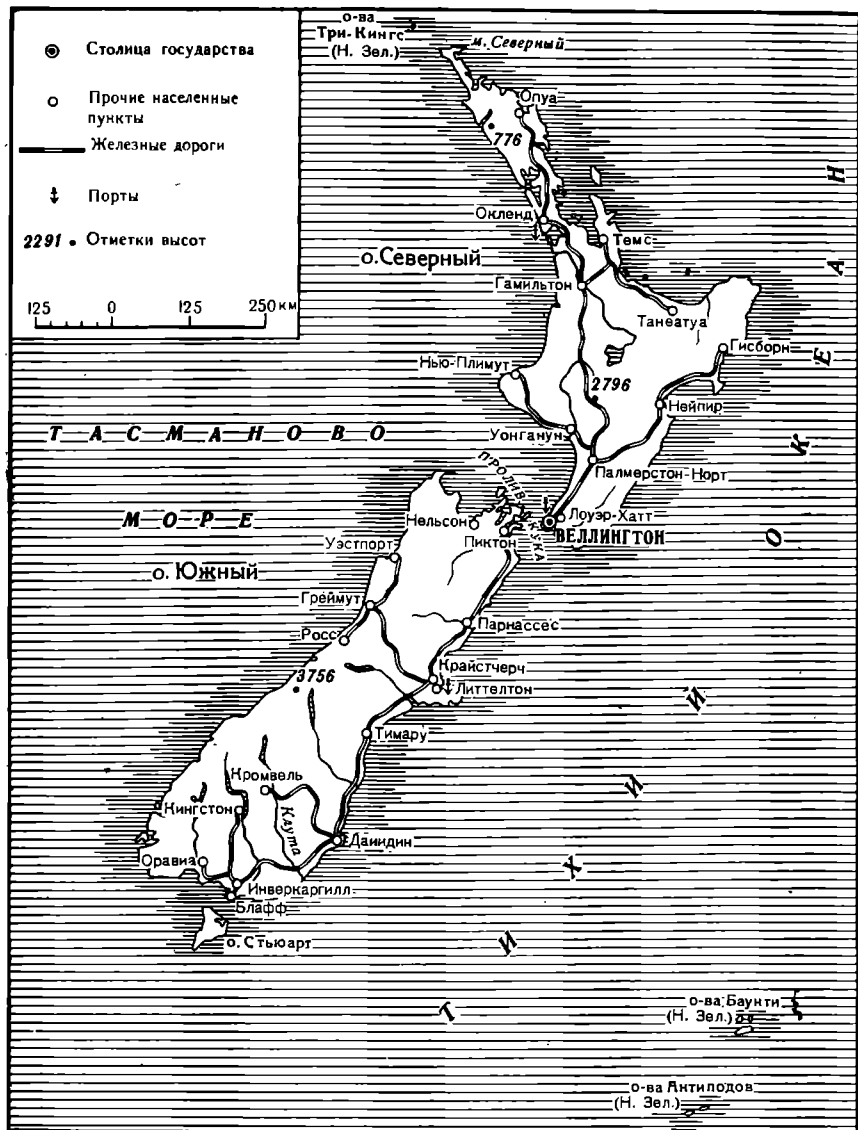
Голландцы захватили Молуккские острова. Власть над островами практически перешла к Нидерландской Ост-Индской компании. Компания сразу же возымела желание расширить свои владения. Особенно она мечтала обладать таинственной Terra Australia, о существовании которой говорили еще древние греки.

В письме от 16 сентября 1638 г. Совет директоров Нидерландской Ост-Индской компании поощрял генерал-губернатора Батавии Ван Димена в его стремлении найти Южный континент: «Ваша милость действует мудро, уделяя большое внимание открытию Южной земли и золотоносных островов, которые были бы весьма полезны компании, дабы возместить ей тяжелое бремя и увеличить доход ост-индской торговли...» [64, с. 67].

Верой и правдой служа интересам компании, Ван Димен снарядил новую экспедицию для поисков Южного континента во главе с хорошо известным компании капитаном Абелем Тасманом.

Тасману в ту пору было 39 лет, десять из которых он находился на службе у компании.

14 августа 1642 г. два корабля, «Хеемскерк» под флагом Тасмана с командой в 60 человек и «Зеехаен» с командой в 50 человек, покинули Батавию. Сохранился судовый журнал. В нем 13 декабря 1642 г., т. е. через четыре месяца после начала плавания, Тасман сделал следующую запись: «К полудню мы увидели обширную гористую землю, расположенную к юго-востоку от нас на расстоянии 15 миль; мы повернули на юго-восток и пошли прямо к этой земле...» [89, с. 30]. Однако вследствие неблагоприятной погоды корабли встали на якорь у берега неведомой земли лишь 18 декабря. В судовом журнале в этот день записано: «Спустя четыре часа после захода солнца мы увидели огни на берегу и четыре лодки, две из которых подошли к

нам... Люди в лодках что-то кричали нам грубыми, глухими голосами, но мы не могли понять ни слова. Мы, однако, обратились к ним в ответ, после чего они еще несколько раз возобновляли свои крики, но не подходили ближе, чем на расстояние брошенного камня; они также несколько раз протрубили в инструмент, звук которого напоминает звук мавританской трубы;

тогда мы приказали одному из матросов (который умел играть на трубе) сыграть им несколько мелодий в ответ. На борту „Зеехаена“ второму помощнику капитана... было приказано сделать то же самое; затем обе стороны несколько раз повторили все это, и, поскольку становилось все темней, аборигены в лодках прекратили наконец трубить и уплыли» [89, с. 34].

На следующий день рано утром лодка с 13 аборигенами подошла к голландским кораблям. Они опять что-то кричали на языке, не похожем ни на один из тех, которые голландские моряки когда-либо слышали за время своих странствий. «Насколько мы могли видеть,— записал Тасман в журнал 19 декабря,— эти люди с грубыми голосами были обычного роста и крепкого телосложения, цвет их кожи был коричневый и желтый; они собирали свои черные волосы на макушке, подобно японцам, завязывающим волосы на затылке, но у них волосы были длиннее и украшены белыми перьями... Их суда представляли собой две соединенные друг с другом лодки... На таких судах они могли достигать значительной скорости. В качестве одежды, как показалось нам, одни из них использовали нечто вроде циновок, другие хлопчатую ткань; почти все они были обнажены до талии» [89, с. 34].

Голландцы знаками приглашали аборигенов подняться на борт корабля, показывали им белые холсты и ножи, но аборигены продолжали держаться на расстоянии и вскоре уплыли к берегу. Прошло немного времени, и голландцы увидели семь больших лодок, отошедших от берега. Одна из лодок с 17 аборигенами направилась к «Зеехаену», а другая, с 13,— к «Хеемскерку». Лодки остановились на некотором расстоянии от голландских кораблей. Опять голландцы звали аборигенов на суда, соблазняя их полотняными холстами и ножами. Безрезультатно: лодки продолжали держаться подальше от кораблей. Когда же голландцы послали к ним свою шлюпку, то аборигены атаковали ее, убив при этом четырех матросов. Голландцы открыли огонь из мушкетов, а затем и орудий, но не смогли нанести никакого урона аборигенам, быстро отошедшим к берегу.

Тасман решил покинуть негостеприимные воды, так и не высадившись на берег. Когда голландские корабли уходили, у берега собрались уже 22 лодки, 11 из которых бросились в погоню за голландцами. «Мы дали им подойти на пушечный выстрел,— записал Тасман в журнал,— а затем один или два раза выстрелили из пушек, не причинив им, однако, никакого урона» [89, с. 36].

Место, где побывали голландские корабли, Тасман назвал бухтой Убийц. Сейчас эта бухта, расположенная на западном берегу Южного острова, называется Голден-Бей (Золотая бухта). Из бухты Убийц Тасман прошел вдоль Северного острова к мысу Северному, нигде не высаживаясь и не объявляя прав Голландии на открытую им землю (путем установки флага).

Покинув бухту Убийц, Тасман записал в судовом журнале: «Мы снялись с якоря и подняли паруса, поскольку, по нашему мнению, невозможно было установить дружественные отношения с этими людьми» [89, с. 35—36].

Открытую им землю Тасман назвал Землей Штатов. Голландское правительство впоследствии изменило название на Новую Зеландию, в честь голландской провинции, первой начавшей борьбу против испанского господства.

Тасман и не подозревал, что открыл два острова. Он был убежден, что перед ним открылся берег *Terra australis incognita*.

«Эта земля кажется прекрасной,— писал он,— и мы уверены, что это береговая полоса неизвестной Южной земли» [89, с. 37].

Но поскольку Тасман не привез из этой экспедиции никаких богатств и в его рассказах не упоминалось о золотых россыпях, Нидерландская Ост-Индская компания весьма холодно встретила сообщение об открытых им землях.

Примерно года через три после открытия Тасманом Новой Зеландии в Лондоне стали регулярно собираться (то на квартире доктора Годдарда, то в Билл-Таверн, в Чирсейде) «разные достойные люди», интересующиеся «новой философией» — научными методами исследований [64, с. 76].

На заседании 20 ноября 1660 г. они решили организовать общество, которое содействовало бы развитию физико-математических наук. Собрания общества проводились по средам в 3 часа дня. Вступительный взнос составил 10 шилл., кроме того, за участие в каждом заседании платился еще шиллинг.

Уже на заседании в первую среду председательствующий сэр Роберт Морей сообщил, что король одобрил цели общества. А через два года общество, в то время насчитывавшее 55 членов, получило статус королевского и стало называться «Королевское лондонское общество для развития естественных знаний».

Именно это Общество через сто лет предложило морскую экспедицию, которая вторично открыла Новую Зеландию, ибо плавание Тасмана с самого начала не афишировалось голландцами, а за сто с лишним лет и совсем стерлось из памяти европейцев.

Как ни странно это звучит, значительную роль в открытии Новой Зеландии британцами сыграла планета Венера.

Дело в том, что в начале XVIII столетия королевский астроном Эдмон Хелли установил, что Венера должна пройти мимо диска солнца в 1761 г., а затем, возможно, и в 1769 г. После этого подобный случай сможет произойти не раньше чем через столетие. (Кстати, первое наблюдение за проходом Венеры мимо солнечного диска было осуществлено английским астрономом Хороксом 24 ноября 1639 г.)

В 1760 г. Королевское общество обратилось с письмом в государственное казначейство с просьбой выделить средства для организации двух экспедиций для наблюдений за Венерой, одну из которых предполагалось послать к о-ву Святой Елены, а другую — к Суматре. Аргументируя свою просьбу, Общество писало, что эти экспедиции еще раз продемонстрируют миру достижения британской науки, ибо само исследуемое событие «было предсказано в прошлом столетии англичанином и исследовалось лишь один раз за все существование мира также англичанином» [125, с. 386]. Просьба Общества была удовлетворена. Астроном Невилл Маскелайн был послан на о-в Святой Елены. Но наблюдений провести не удалось из-за сильной облачности. Корабль, посланный к Суматре, во время плавания был атакован французским фрегатом и не прибыл к месту наблюдений.

Неудача 1761 г. заставила Королевское общество особенно тщательно готовиться к проведению наблюдений, которые должны были состояться 3 июня 1769 г.

В ноябре 1767 г. Королевское общество назначило специальный комитет для подготовки к наблюдениям во главе с Н. Маскелайном. По мнению членов комитета, наблюдения в Северном полушарии следовало вести в районе Нордкапа в Норвегии или Шпицбергена и Гудзонова пролива, а в Южном полушарии — в Тихом океане, не выше 30° южной широты и между 140° и 180° западной долготы. Королевское общество обратилось к британскому правительству с просьбой послать в Южные моря группу астрономов. Получив отказ, Общество в феврале 1768 г. обратилось прямо к королю, указывая в письме, что французы, датчане, шведы и русские также планируют проведение наблюдения за прохождением Венеры мимо солнечного диска, предсказанного англичанами, и они не могут устраниваться от этого, поскольку «британская нация справедливо славится во всем образованном мире своими знаниями в астрономии, в которых она превосходит любую другую нацию в мире, как современном, так и древнем» [125, с. 387]. Король одобрил проект экспедиции, обещал выделить 4 тыс. ф. ст. и специальный корабль для ее осуществления. 29 февраля 1768 г. государственный секретарь лорд Шелберн официально уведомил адмиралтейство о решении Георга III.

За восемь месяцев до королевского решения капитан Сэмюел Уоллис, совершавший на корабле «Дельфин» плавание по Тихому океану, открыл о-в Таити. Вернувшись в Лондон, он всячески рекомендовал Георгу III этот остров как наилучшее место для проведения наблюдений. Рекомендация Уоллиса была принята.

Выбор руководителя экспедиции, казалось, не представлял труда. Кандидатом на эту должность был Александр Далримпл — первый гидрограф британского флота, совершавший

экспедиции на Дальний Восток, убежденный сторонник теории существования Южного континента, видевший цель жизни в возможности подтвердить эту теорию открытием Terra Australis.

Королевское общество не видело лучшего руководителя экспедиции, а сам Далримпл страстно желал быть назначенным, что давало ему реальную возможность осуществить свою мечту.

Но адмиралтейство имело свои соображения. Оно считало недопустимым поручить руководство плаванием, совершаемым кораблем британского военного флота, гражданскому лицу. В начале марта первый лорд адмиралтейства Эдвард Хаук сообщил Обществу, что не согласится ни на назначение гражданского лица командиром военного корабля, ни на производство этого человека в ранг морского офицера, чтобы иметь возможность назначить его командиром корабля.

Решение адмиралтейства было сообщено Обществу его президентом на заседании 24 марта, но Общество настаивало на том, чтобы был назначен научный штат экспедиции во главе с Далримплом для наблюдений за прохождением Венеры мимо солнечного диска.

Тут уже начал возражать сам Далримпл. Ведь целью его в этой экспедиции было отнюдь не желание участвовать в астрономических наблюдениях, а быть первооткрывателем «его» континента. Он не хотел уступить честь этого открытия какому-то морскому офицеру. Он отказался участвовать в экспедиции в какой бы то ни было должности, кроме как ее командира.

Тогда адмиралтейство сделало свой выбор. Он пал на Джеймса Кука.

Морская карьера Дж. Кука началась в середине XVIII в. Это было время, насыщенное для Англии важными и сложными событиями.

Развитие промышленной революции внутри страны привело к победе фабричного производства, которая повлекла за собой кроме производственных громадные социальные изменения в британском обществе и обусловила выход на политическую арену пролетариата, сразу же начавшего упорную борьбу за свои права. Во внешней политике как никогда обострилась агрессивность английской буржуазии, видевшей теперь главного противника во Франции.

Война между этими державами началась еще в 1741 г. и, несмотря на заключение в 1748 г. Ахенского мира, не прекращалась. В 1751 г. борьба между ними вступила в решающую стадию. Воспользовавшись начавшейся семилетней войной, сковавшей французские силы в Европе, англичане вытеснили французов из Северной Америки и нанесли им тяжелые поражения в Индии.

По мирному договору 1763 г. Франция сохранила в Индии

лишь пять портовых городов, укрепления которых были скрыты [51, с. 490].

В операциях по захвату столицы Канады Квебека в 1759 г. отличился безвестный штурман 64-пушечного корабля Дж. Кук, что, впрочем, прошло незамеченным в потоке грандиозных событий.

Также не обратило на себя внимание бракосочетание в конце 1762 г. этого в то время уже 34-летнего моряка с 20-летней Элизабет Баттс. Они приобрели дом в Шедвелле и вскоре переехали на постоянное жительство в Майл-Энд. С этого времени Кук начал вести более оседлый образ жизни, насколько ему позволяла его морская профессия. Каждое лето он уходил в плавание, но зимы проводил в Англии.

В начале 1763 г. Парижский мир положил конец семилетней войне. Но Кук тем не менее вернулся в Ньюфаундленд.

В 1764 г. губернатором Ньюфаундленда стал земляк Кука Хью Паллисер, бывший в 1755 г. командиром корабля «Игл», на котором Кук начал свою карьеру военного моряка, добровольно уйдя из торгового флота.

Паллисер, взяв на себя роль покровителя Кука, уже не изменял ей. И теперь он назначил Кука капитаном корабля «Гренвилл».

Начиная с 1764 г. Кук регулярно производил съемки берегов Ньюфаундленда. В августе 1766 г., находясь в Ньюфаундленде, Кук наблюдал солнечное затмение. Записку о результатах своих наблюдений он послал в Королевское лондонское общество для развития естественных знаний. Там записка Кука обратила на себя внимание. Астроном Джон Бевис в статье, опубликованной в журнале общества «Философские труды» в 1767 г., назвал Кука «хорошим, весьма опытным математиком» [123, с. 85].

На зиму 1767/68 г. Кук, как обычно, привел свой «Гренвилл» к берегам Англии, вернулся домой и занялся обработкой материалов, накопленных во время летнего плавания, полагая с наступлением весны вернуться в Ньюфаундленд.

Однако судьба распорядилась по-другому. По воле адмиралтейства в следующее лето Джеймс Кук неожиданно для себя начал деятельность, навечно прославившую его имя и выдвинувшую его в первую шеренгу мореплавателей нашей планеты.

Возможно, что здесь ему помог Хью Паллисер, который в это время занимал уже пост инспектора флота и возглавлял Корабельную палату. Паллисер уже 6 апреля распорядился искать для «Гренвилла» нового капитана, поскольку Кук «будет использован в другом месте» [123, с. 93].

Одновременно выбиралось судно для экспедиции. 5 марта адмиралтейство запросило Корабельную палату о ее рекомендациях. Через три дня палата ответила, что для экспедиции может быть использован «Триал», но корабль будет готов к отплытию не раньше конца мая.

10 марта адмиралтейство сообщило палате, что это слишком поздняя дата, и просило выяснить о возможности использования корабля «Роз».

Ответ был получен 21 марта: «„Роз“ нельзя использовать вследствие того, что он не может взять продовольствие, необходимое для длительного плавания; но палата рекомендует угольщик, т. е. тип судна, вместительный и могущий взять большое количество провизии, столь необходимой для подобных плаваний, и в этом отношении более предпочтительный, чем военный корабль». При согласии адмиралтейства Корабельная палата может сразу же подобрать такого рода судно из стоящих в настоящее время на Темзе [123, с. 95].

В тот же день адмиралтейство дало согласие.

Столь быстрый ответ объясняется, вероятно, тем, что адмиралтейство еще до получения письма от палаты советовалось на этот предмет с Куком, а Кук был сторонником как раз того типа кораблей, который рекомендовала палата.

Три года спустя он так писал по этому поводу: «Корабль этого рода не должен иметь глубокой осадки, хотя способен брать большой груз и имеет как необходимые удобства для размещения команды, так и условия для осуществления длительного путешествия. Кроме того, он должен иметь такую конструкцию и размер, которые в случае необходимости позволили бы вытащить его на берег для устранения каких-либо повреждений. Такими данными не обладают ни сорокапушечные военные корабли, ни фрегаты, ни корабли Ост-Индской компании, ни трехпалубные вест-индские корабли, ни какие-либо другие суда, кроме кораблей-угольщиков» [123, с. 94—95].

Агенты Корабельной палаты обследовали несколько угольщиков, стоящих на Темзе, и 29 марта остановили свой выбор на корабле «Граф Пемброк». Судно было переименовано в «Индевр», но, поскольку министерство уже имело корабль под таким названием, официально угольщик был назван «Индевр барк». «Индевр барк» был построен в 1764 г. и имел водоизмещение 368 т.

В конце мая Кук, получив звание лейтенанта, вступил в командование «Индевром» и начал тщательную подготовку к экспедиции.

Королевское общество приступило к отбору членов экспедиции. Оно считало, что для наблюдения за Венерой должны быть взяты два астронома. Поскольку общество хорошо знало астрономические и математические познания Кука, оно возложило на него часть работы по астрономии, вторым астрономом был назначен Чарлз Грин.

В состав экспедиции вошли также ботаники Джозеф Бенкс, Даниель Соландер, Герман Сперинг. Экспедицию сопровождали два художника — Сидней Паркинсон и Александр Бьюкен.

В судовую команду «Индевра» было включено пять моряков

с корабля капитана Уоллиса, лишь недавно (20 мая) вернувшегося из кругосветного плавания и открывшего о-в Таити.

Кук внимательно изучал все имеющиеся материалы о Тихом океане. Особенно внимательно он знакомился с плаванием капитана Уоллиса.

Далримпл, хоть и был крайне раздосадован назначением Кука руководителем экспедиции, все-таки дал Бенксу экземпляр напечатанного, но не вышедшего в свет труда относительно существования Торресова пролива и Южного континента. Он был уверен, что через Бенкса его работа станет известной Куку и в случае успеха экспедиции можно будет сказать, что именно он, Далримпл, подсказал Куку направление плавания и предвосхитил открытия [123, с. 101].

Наконец все было готово к отплытию, и «Индевр» двинулся по Темзе, направляясь к Плимуту. На его борту было 97 человек: 74 моряка, 12 солдат морской пехоты и 11 гражданских (ученые и их слуги).

25 августа 1768 г. «Индевр» вышел из Плимута навстречу великим открытиям. Весь экипаж корабля, по словам Дж. Бенкса, был «здоров и находился в отличном расположении духа, приготовившись жизнерадостно переносить любые могущие встретиться испытания и опасности» [125, с. 395].

Когда Кук уже находился на борту «Индевра», шедшего по Темзе к Плимуту, он вскрыл только что доставленный ему тщательно запечатанный пакет из адмиралтейства с секретными инструкциями.

Только теперь ему стал ясен подлинный смысл начинавшегося плавания. Правда, в первой инструкции говорилось об обязанностях Кука как руководителя научной экспедиции, организованной для наблюдения за прохождением Венеры мимо солнечного диска. Но во второй инструкции Кук прочел следующее: «Поелику открытия неведомых доселе стран, а также приобретение сведений об удаленных землях, уже открытых, но еще недостаточно изученных, изрядно приумножают честь нации как морской державы, равно как и достоинство короны Великобритании, и премного могут способствовать успехам торговли и мореплавания и поелику есть основания думать, что может быть обнаружен континент или обширная земля к югу от маршрута, коим недавно проследовал капитан Уоллис на корабле его величества «Дельфин» (копию отчета его при сем препровождаем), или (к югу) от маршрута любых мореплавателей прежних времен, преследовавших те же цели, Вы, в соответствии с волей его величества, в этой инструкции выраженной и явленной, должны сразу же по окончании наблюдений за прохождением планеты Венера направиться в море на барке, коим Вы командуете, соблюдая следующие предписания:

Дабы открыть вышеназванный континент, Вы проследуете к югу до 40° широты, если оный континент не будет встречен

ранее. В том же случае, если континент не будет открыт или не будут выявлены явственные его признаки в этом плавании, Вы направитесь на поиски континента к западу, следуя вышеупомянутой широтой и широтой 35°, пока не откроете его или не достигнете восточного берега земли, открытой Тасманом и ныне называемой Новой Зеландией.

Если Вам удастся открыть упомянутый континент либо при плавании к югу, либо к западу, как о том выше указывалось, Вы обязаны приложить все свое старание для исследования возможно большего участка берега: тщательно определять истинное положение одного как по широте, так и по долготе, магнитное склонение, положение мысов, высот, направление и ход приливов и течений, глубины моря, мели, подводные скалы и т. д., а также снимать и составлять карты и делать зарисовки заливов, бухт и тех частей берега, сведения о коих могут быть полезны для навигации... Вы должны, также с согласия туземцев, именем короля Великобритании вступить во владение соответствующими землями в этой стране или, если Вы обнаружите, что она необитаема, вступить во владение ею для его величества в качестве первооткрывателей и первоуладетелей, устанавливая при этом необходимые знаки и надписи. Если, однако, Вам не удастся открыть упомянутый континент, Вы должны, достигнув Новой Зеландии, тщательно определить широту и долготу, на которых расположена эта земля, и исследовать елико возможно большую часть ее берегов в той мере, в какой это позволит состояние корабля, здоровье команды и ваши припасы... Вы должны также тщательно определить положение тех островов, кои будут открыты в течение Вашего плавания и кои доселе еще не были открыты европейцами, и вступить во владение ими для его величества, нанести на карту те острова, которые могут иметь значение, не отклоняясь, однако, при этом от той цели, каковую Вы всегда должны иметь в виду,— от открытия Южного континента, о коем столь часто упоминалось...» [59, с. 54—55].

13 апреля 1769 г. Кук прибыл на Таити. 3 июня были проведены астрономические наблюдения за планетой Венерой, которые прошли успешно, поскольку на небе не было ни облачка. Матросы же, воспользовавшись отсутствием капитана и офицеров, занятых наблюдениями за планетой Венерой, воздали хвалу прекрасной богине любви и пламенно отдались греховным утехам с таитянками, расплатившись с ними значительной частью имевшихся на корабле запасов гвоздей [125, с. 397]. Спустя пять недель Кук, выполняя предписание адмиралтейства, повел свой корабль на юг в поисках вожделенного Южного континента.

7 октября 1769 г. Николас Янг, мальчик-слуга судового хирурга, первым увидел среди волн океана белый мыс. На следующий день «Индевр» вошел в бухту и стал на якорь неподалеку

от устья небольшой реки, на берегах которой теперь расположен г. Гисборн.

Так же как и голландцы, англичане полагали, что достигли берегов *Terra australis incognita*.

Обитатели этой земли — маори, предчувствуя недоброе, встретили новых пришельцев враждебно. В завязавшейся схватке было убито несколько аборигенов.

Кука, так же как и Тасмана, поразило мужество маори, не боявшихся ни мушкетов, ни пушек европейцев.

Раздраженный действиями аборигенов, Кук назвал бухту, где бросил якорь его корабль, заливом Бедности (Поверти-Бей). Затем он пошел на север и наблюдал движение планеты Меркурий в пункте, называемом теперь Меркьюри-Бей. Там Кук, скрупулезно выполняя инструкцию адмиралтейства, провозгласил Северный остров британской собственностью «во имя и на благо его величества короля Георга III» [64, с. 98]. Затем, обогнув остров, «Индевр» прошел вдоль его западного берега до пролива, отделявшего Северный остров от Южного, который Дж. Кук назвал проливом Королевы Шарлотты¹.

Приказав бросить якорь в бухте, находившейся рядом с проливом, Кук сошел на берег, где была совершена церемония провозглашения власти британской короны над Южным островом.

31 января 1770 г. он записал в своем дневнике: «В самой высокой точке... установили столб, укрепив на нем британский флаг. Проход я назвал проливом Королевы Шарлотты и от имени его величества вступил в официальное владение близлежащими островами; за здоровье ее величества была распита бутылка вина...» [59, с. 250].

Кука нисколько не смущало то обстоятельство, что жители новозеландских островов не выражали никакого желания переходить в подданство короля Георга. Но его, как и других европейских мореплавателей, посещавших тихоокеанские острова, не могло не удивлять то обстоятельство, что все они были заселены людьми, несмотря на гигантское расстояние, отделявшее их от Азии и Америки.

У аборигенов Новой Зеландии — маори — не было письменности, и они хранили лишь устные легенды о появлении их предков на островах. В них запечатлелись не только имена легендарных вождей, приведших их праотцев в Новую Зеландию, но и названия каноз, на которых они приплыли. История заселения Новой Зеландии так передается в преданиях маори.

Много веков назад на о-ве Раиатеа (из группы о-вов Общества, которые маори считают своей прародиной) жил вождь Купе. Заметим, что длиннохвостая кукушка Кохопероа каждый год прилетает на остров откуда-то с юго-запада, а через несколько месяцев возвращается обратно, он решил найти землю,

¹ Впоследствии пролив получил название пролива Кука.

где живет Кохопероа. (Существуют и другие версии, объясняющие причину, по которой Купе отправился в плавание: говорят, что он погнался за громадным осьминогом, мешавшим ему ловить рыбу.) Он отправился в плавание на двух каноэ. Одной лодкой, называемой в предании «Мата-Хоруа», Купе командовал сам, другую, «Тауири-Ранги», он поручил некоему Нгаке.

После долгих странствий они достигли земли, которую называли Аотеароа, что значит «Длинное белое облако». Легенда говорит, что первой произнесла эту фразу жена Купе. Возникшая неожиданно среди океана земля показалась ей облаком. Это была Новая Зеландия.

Следующее путешествие на Новую Зеландию предание относит к XI в. Легенда рассказывает, что вождь с о-ва Таити — Тои — отправился на розыски своего внука, которого унесло в открытый океан во время состязаний на каноэ. В долгих поисках Тои достиг новозеландских островов, где и остался жить.

Но исторически достоверная колонизация этих островов началась в XIV в., когда около 1350 г. на Новую Зеландию прибыл большой таитянский флот. Названия восьми крупных каноэ дошли до нашего времени: «Таинуи», «Те Арава», «Матаатуа», «Курахаупо», «Токомару», «Аотеа», «Такитуму» и «Хороута». Лодки пристали в различных местах Северного и Южного островов: основные племена маори и ведут происхождение от экипажей этих каноэ.

Новая Зеландия в отличие от других островных групп Океании расположена, кроме самой северной своей части, в зоне умеренного климата. Древние мореходы, прибывавшие сюда из тропиков, попадали в суровую для них обстановку. Им приходилось заботиться и об устройстве надежных, защищающих от холода жилищ, об одежде, еде, ибо на новозеландских островах не росли кокосовые пальмы, хлебное дерево и бананы — три основных продукта питания полинезийцев.

Но пришельцы не отступили и вполне приспособились к новым условиям существования. Постепенно здесь сложился весьма своеобразный уклад жизни, отличный от уклада других полинезийских народов.

Начиная с середины XIV в. они, по-видимому, не имели никаких контактов с внешним миром.

Пришельцы называли себя маори, что значит «нормальный», в отличие от «пакеха» (чужеземный). Так маори называли в дальнейшем всех белых людей.

Маори расселились на всей территории Новой Зеландии, но большая их часть обосновалась на Северном острове, где были более благоприятные климатические условия. Места для поселений маори выбирали, естественно, около источников пропитания. На Южном острове маори селились в основном на побережье, а на Северном — на побережье, в долинах рек, а также

в лесах, где охотились на птиц и собирали плоды. Море и реки давали им в изобилии рыбу.

Маори были искусными мастерами по дереву, умелыми охотниками и рыбаками, опытными земледельцами (главными культурами были батат, таро и ямс), знали разнообразные ремесла, любили музыку. «Они очень деятельные, постоянны в своих занятиях,— писал П. М. Новосильцев, участник плавания шлюпов „Восток“ и „Мирный“ к берегам Антарктиды,—способны к искусствам механическим и понимают торговлю» [52а, с. 180].

Обмен товарами между племенами был широко распространен. Но маори не знали денег. Обмен производился как взаимное дарение.

Мужчина-маори был «довольно высок, крепко сложен. Участие в войнах, игры и разнообразный физический труд выработали в нем силу, гибкость, выносливость. Женщины тоже были сильными, широкоплечими и широкобедрыми, с одинаковой легкостью способными носить тяжелую ношу и детей. Они помогали мужчинам в различных тяжелых занятиях, если не было табу, и нередко даже участвовали в войнах. Грациозные и гибкие в раннем возрасте благодаря хака и пои, знаменитым туземным танцам, они в дальнейшем становились сутулыми от постоянного ношения тяжестей» [78, с. 52].

«Жители залива Королевы Шарлотты среднего роста, сложением тела крепки и довольно стройны,— отмечал Ф. Ф. Беллинсгаузен,—только колена несколько толстоваты; лицом и телом смугло-желтоваты, глаза черные, быстрые, волосы черные, у всех проколоты уши, а у большей части и средний носовой хрящ. Лица испестряют набивными, кривыми, но правильными линиями и натирают черно-синюю краскою, знатные люди более, нежели прочие» [47, с. 175].

Одежда маори отличалась от одежды других полинезийцев. Тапы на Новой Зеландии не знали; вместо нее употребляли ткань, сплетенную из дикого новозеландского льна [58, с. 695—697].

«Одежда,— писал П. М. Новосильцев,—состояла из ткани, которая покрывала их от груди до колен и застегивалась на груди базальтовой шпилькой или костью. На плечи наброшена была коротенькая нараспашку епанча вроде бурки, сделанная из новозеландского льна. Волосы на голове завязаны были на темени в пучок, в который воткнуты были белые перья» [52а, с. 177—178].

Маори жили в деревнях двух типов — «па» и «каинга». Па представляли собой укрепленные деревни, защищенные от нападения. Строились они в большинстве случаев на скалах и в других труднодоступных местах и окружались рвами или оградками. Каинги располагались на открытой ровной местности и окружались лишь оградой. Но обычно они строились вблизи па,

куда жители деревни уходили в случае опасности. Дома были бревенчатые. На Южном острове жилища для утепления до половины зарывали в землю, утепляли соломой [58, с. 694—695].

Вот как описывал Ф. Ф. Беллинсгаузен внешний вид дома новозеландского вождя, который он посетил: «Строение состояло из столбов, в три ряда поставленных; сделаны высотой в два роста человеческих... на сих столбах и на боковых, которые несколько ниже плеча, положена перекаладина и укреплена кровля, составленная из брусьев, покрытых листьями; на шесть футов от входа огорожена передняя комната. Вся внутренность опрятно обтянута тонкими рогожами; на полу, где живущие обыкновенно садятся или спят, также постлано несколько рогож. По стене вдоль домика повешены были пики длиной в двадцать четыре фута, жезл, начальнические знаки и разные человеческие изображения из дерева, выкрашенного красною краской» [47, с. 172—173].

Основной общественной единицей в Новой Зеландии было племя — *иви*. Более крупной общественной единицей был союз племен — *вака*, что значит «лодка». Он включал в себя племена, которые вели свое происхождение от команды одной из лодок, прибывших на Новую Зеландию в XIV в. Менее крупной, чем иви, единицей была *хапу*, патриархальная община. Обычно члены *хапу* жили вместе в одной деревне [58, с. 696—697].

Маорийское общество состояло из свободных и рабов. Свободные делились на *арики* — перворожденных, рангатира — младших по рождению и *варе* — зависимых. Арики возглавляли *хапу*. Из их числа выбирались вожди племен. К времени появления европейцев маорийское общество весьма существенно продвинулось по пути классового расслоения, но государства как формы классового подавления у маори не существовало [50, с. 95—117].

«В политическом отношении, — отмечал в своих записках П. М. Новосильцев, — новозеландцы делятся на разные поколения, напоминающие древние кланы в Шотландии. Каждое поколение имеет своего начальника, избранного из рангатирас, или благородных. Рангатирасы бывают различных степеней, начиная от тех, которые владеют многими землями и невольниками, до тех, которые, кроме звания воина, ровно ничего не имеют. Низший класс народа вроде невольников. Начальники управляют поколениями неограниченно; впрочем, степень власти их зависит некоторым образом от большего или меньшего влияния, которое они приобретают над народом или подвигами в битвах, или мудростью в советах, или, наконец, богатством в землях и невольниках... Родовые преимущества так важны между новозеландцами, что простолыдину решительно невозможно возвыситься до степени рангатираса. Рангатирасы очень важничают своими преимуществами. Встречаясь с нами, они тотчас сообщали о своем звании и желали знать, кто из нас ка-

кого ранга. Эти дикари легко поняли наши морские чины и тотчас капитана, лейтенанта и мичмана сравняли с соответствующими рангами на их острове» [52а, с. 180, 181].

Отчет Кука об открытиях в Тихом океане, описание Новой Зеландии вызвали большой интерес не только в самой Великобритании, но и в других странах. Так, Бенджамин Франклин был так воодушевлен описанием вновь открытой страны, что уже в 1771 г. опубликовал составленный совместно с Александром Далримплом план немедленной колонизации Новой Зеландии под названием «План извлечения пользы из обладания отдаленной неразвитой страной» [112, с. 7]. В 1783 г. Джеймс Матра опубликовал «Предложение о создании колонии в Новом Южном Уэльсе», где обращал внимание на целесообразность использования Новой Зеландии, находящейся относительно недалеко от Австралии, для снабжения будущих колонистов в Новом Южном Уэльсе.

При обсуждении в британском парламенте вопроса о создании ссыльного поселения в Южных морях не упускалась из виду и Новая Зеландия. Правда, в 1784 г. палата общин высказалась против организации поселения в этой стране. Объяснялось это весьма нелестной характеристикой, которую Кук и его спутники дали маори. Местом новой ссыльной колонии был избран Новый Южный Уэльс. Но предложения об экономическом использовании Новой Зеландии были учтены британским правительством.

В распоряжении лорда Сиднея относительно колонии кораблям, на которых доставлялись ссыльные, предписывалось (чтобы не возвращаться порожняком в Англию) забирать в Новой Зеландии лен и лес [120, с. 4].

Однако первый генерал-губернатор Нового Южного Уэльса, Артур Филлип, находился в таком трудном положении и заботы, связанные с организацией поселения, были так велики, что ему было не до Новой Зеландии.

Первым, кто из колониальной администрации Нового Южного Уэльса обратил внимание на Новую Зеландию, был Филлипп Кинг, помощник Артура Филлипа по управлению ссыльным поселением на о-ве Норфолк. Убедившись в невозможности заставить заключенных ткать льняное полотно, поскольку никто из них не знал, как это делается, Кинг решил доставить на остров несколько маори, которые научили бы колонистов этому делу.

Он предложил 100 ф. ст. капитану китобойного суда «Уильям энд Энн» за доставку на Норфолк двух маори с новозеландских островов. Капитан обещал, но обещания своего не выполнил.

Тогда настойчивый Кинг обратился за помощью к британскому правительству. Государственный секретарь Генри Дандес предписал адмиралтейству дать указание капитану Джорджу Ванкуверу доставить двух маори на о-в Норфолк [120, с. 5].

Но Ванкувер совершал в то время весьма важное для британских интересов в Северной Америке плавание к Нутка-Саунд, за обладание которым разгорелся ожесточенный спор между Англией и Испанией. Он перепоручил выполнить полученный приказ адмиралтейства лейтенанту Хэнсону, командиру корабля «Деделус». В апреле 1793 г. Хэнсон прибыл в Бей-оф-Айлендс. И, по правде говоря, украл двух маори, Хуру и Туки, доверчиво забравшихся по приглашению британского капитана на борт «Деделуса». Затем эти маори были доставлены Кингом в Сидней, а оттуда на о-в Норфолк.

Но оказалось, что украденные маори очень плохо были осведомлены о производстве льняного полотна, поскольку оба они принадлежали к туземной аристократии: один был жрецом, а другой военачальником. Тем не менее за шесть месяцев пребывания на острове они кое-чему научили здешних поселенцев.

В ноябре 1793 г. на Норфолк прибыл корабль «Британия». Кинг решил использовать эту представившуюся возможность и отправить маори на родину. Более того, он решил сам сопровождать их в этом четырехтысячемильном плавании. Эта его альтруистическая акция имела довольно простое объяснение. Кинг решил использовать свой вояж для знакомства с Новой Зеландией на предмет организации там британского поселения.

По прибытии в Бей-оф-Айлендс Кинг отпустил привезенных Хуру и Туки домой, щедро одарив их. На борту «Британии» Кинг принял маорийских вождей и подарил им несколько свиней, которых предусмотрительно захватил с Норфолка, а также семенной картофель. Среди вождей был Те Рахи, с которым Кингу предстояло еще раз встретиться в будущем.

Маори, в свою очередь, были приветливы и гостеприимны, но они не могли побороть в себе недоверие к бледнолицым, несмотря на их щедрые подарки и возвращение их соотечественников на родину живыми и невредимыми. Хуру и Туки поддерживали эти настроения.

В последующие годы участились заходы китобойных судов в Новую Зеландию. Объяснялось это тем, что китобойный промысел в Северных морях к тому времени серьезно сократился и взоры китобоев устремились на юг, после того как Кук сообщил, что видел стада китов в Южных морях, в частности в морях, омывающих Новую Зеландию. В начале 1775 г. в южной части Тихого океана был убит первый кашалот, и с этого времени китобойный промысел в Южных морях стал неуклонно расти.

Южные моря привлекали к себе внимание и изобилием морских котиков. Именно с этой целью было создано первое, недолго просуществовавшее британское поселение в Новой Зеландии.

В 1791 г. в Порт-Джэксоне возникло предприятие «Эндерби и сыновья», которое задалось целью организовать отлов коти-

ков в морях, омывающих Новую Зеландию, и для этого создать там береговое поселение.

В октябре 1792 г. Эндерби послал корабль «Британия» под командованием капитана Уильяма Ревена в Даски-Саунд. 3 ноября корабль прибыл туда и на берег высадился 41 человек для организации базы отлова котиков.

Через восемь месяцев «Британия» в сопровождении «Френсиса», первого корабля, построенного в Порт-Джэксоне, вернулась в Даски-Саунд, чтобы забрать оставленных там людей и шкурки добытых ими котиков. Результаты коммерческой деятельности первых британских промысловиков в Новой Зеландии были настолько малы, что фирме «Эндерби и сыновья» пришлось отказаться от дальнейших операций в этом районе.

Однако обескураживающие результаты попыток коммерческого использования Новой Зеландии не поколебали убежденность Кинга в больших потенциальных возможностях новозеландских островов. На свои средства он посылает в Новую Зеландию в 1795 г. судно «Френсис» для приобретения там леса и льна. Экспедиция прошла успешно. В марте 1795 г. судно вернулось в Сидней с большим грузом, который был выгодно продан.

Успех Кинга поднял настроение сиднейских дельцов, и рейсы Новая Зеландия — Австралия стали учащаться. Новую Зеландию начали также посещать корабли, плывшие в Австралию из Индии. Разгрузившись в Сиднее, они на обратном пути заходили в Новую Зеландию и наполняли свои трюмы грузом, который затем выгодно продавали в Китае и Индии.

Одновременно увеличилось число заходов в новозеландские гавани китобойных судов и охотников за морскими котиками. В экипажи этих судов зачастую включались маори.

Кинг, став генерал-губернатором Нового Южного Уэльса, не только не утратил интереса к Новой Зеландии, но, напротив, еще энергичнее пытался усилить там британское влияние и использовать острова в интересах империи. Пользуясь okazиями, он посылал в Новую Зеландию, прежде всего Те Рахи, различные подарки, куда также входили свиньи и козы.

В 1803 г. на борту «Венеры» Те Рахи и его пять сыновей посетили Норфолк и Сидней и в течение трех месяцев были гостями Кинга.

Торговые экспедиции британцев в Новую Зеландию все увеличивались. Но они отнюдь не были единственными, кто поддерживал контакты с маори. С первых же шагов англичане встретили сильную конкуренцию американцев. Это было не удивительно, поскольку американские китобои начали свои операции в Тихом океане еще в 1791 г.

К началу 30-х годов XIX столетия в новозеландских водах господствовали китобои Новой Англии. Они создали на побережье несколько станций, но главным их центром был Бей-оф-Ай-

лендс. Здесь команды отдыхали, запасались продовольствием и пресной водой. В мае 1836 г. десять американских судовладельцев обратились с просьбой к правительству США о введении должности американского консула в Корорареке, самом крупном поселении в Бей-оф-Айлендсе. Просьба была удовлетворена. 12 октября 1838 г. капитан Джеймс Клендон, британский купец и судовладелец, был назначен консулом США в Бей-оф-Айлендс. Правда, ни Клендон, ни его преемники до 50-х годов XIX в. не признавались британским правительством.

Во второй половине 30-х годов число американских судов, посетивших Бей-оф-Айлендс, увеличилось [83, с. 107].

Весьма активно действовали в тихоокеанских водах и французы.

Таким образом, контакты маори с европейцами стали заметно расширяться.

С начала XIX в. британские, американские и французские китобойные суда начали регулярный промысел у новозеландских берегов. Они часто заходили не только в Бей-оф-Айлендс, но и практически во все удобные заливы на новозеландских островах, вступая в торговые отношения с маори.

Зачастую на берег высаживались команды для ловли морских котиков, которые оставались в Новой Зеландии на месяцы и даже годы. Кроме того, на островах селились беглые матросы и каторжники, бежавшие из Нового Южного Уэльса.

Маорийские племена, жившие на побережье, находились в постоянном контакте с европейскими и американскими моряками и торговцами. Маори помогали рубить и грузить на корабли лес, их привлекали в качестве матросов на китобойные суда.

Естественно было бы ожидать какого-либо облагораживающего влияния представителей европейской цивилизации на «примитивных» аборигенов. И они действительно оказали весьма сильное влияние, но отнюдь не положительное. Появление на островах европейцев привело к тяжелым последствиям.

Маори тысячами умирали от жоры, гриппа и других болезней, завезенных европейцами. Колонизаторы познакомили островитян со спиртными напитками, и усиленное их «внедрение» привело к огромному распространению пьянства среди коренного населения.

Хотя колонизаторы и презрительно относились к аборигенам, тем не менее они оказались весьма чувствительны к красоте местных женщин, «темных Елен, туземных Мессалин», как мечтательно называл их один из первых европейских поселенцев в Бей-оф-Айлендсе [87, с. 15].

Амурные похождения любвеобильных посланцев Европы привели к массовому распространению венерических заболеваний, неведомых ранее этим «грязным дикарям».

Предприимчивые, нечистые на руку колонизаторы познакомили аборигенов с различными видами торговой деятельности.

Они не гнушались и таким видом бизнеса, как вывоз из Новой Зеландии высушенных человеческих голов. Дело в том, что у маори существовал древний обычай сохранять головы умерших родственников. С этой целью маори особым способом коптили их. Поскольку спрос превышал предложение, торговцы заключали договоры на головы живых людей. Они указывали местному вождю на понравившиеся им головы его рабов или пленных и к следующему посещению получали их [66, с. 33].

Но, пожалуй, самые тяжелые последствия имело для аборигенов распространение огнестрельного оружия.

Маори быстро поняли его преимущества и в обмен на свои товары просили именно мушкеты. В 1819 г. маори, жившие в районе Бей-оф-Айлендса, имели уже около сотни мушкетов.

В 1821 г. один из маорийских вождей, Хонги Хика, совершил поездку в Англию. Там он получил различные подарки от английского правительства, которые он, попав на обратном пути в Сидней, обменял на ружья. Вооружив приобретенным оружием людей своего племени нгапухи, Хонги Хика начал кровавую войну. В Окленде он убил тысячу человек, а в Уаикато — полторы тысячи. До его смерти, последовавшей в 1828 г., число жертв достигло 10 тыс. человек [112, с. 11]. «Его соперник Те Ропарага,— писал известный французский ученый П. Леруа-Болье,— послал своего двоюродного брата в Англию, достал там ружья и уничтожил почти всех маори на Южном острове. В этот период времени значительное число европейских авантюристов поселилось среди маори... Так как они умели обращаться с ружьями и чинить их, то они были хорошо приняты туземцами и играли значительную роль в войнах» [53, с. 15—16]. В междоусобную войну втягивались все новые и новые племена. Широкое применение огнестрельного оружия сделало эту войну беспрецедентно кровавой.

Конечным результатом «контактов» аборигенов с колонизаторами было катастрофическое падение численности маори. Если во времена Кука их было не менее 200—300 тыс. человек, то к 1840 г.— всего 100—150 тыс. [126, с. 101—102].

Отношения маори с европейцами все более ухудшались. Участились кровавые столкновения между ними. В ответ на нападения маори европейские капитаны проводили кровавые репрессии, убивая десятки маори. Одна из таких «операций» была проведена против самого Те Рахи и его людей.

Священник Сэмюел Марсден, тщательно исследовав это печальное событие, позднее писал: «В этом ужасном кровопролитии мой друг (Те Рахи) получил семь ран... Многие другие дружелюбно настроенные люди были убиты» [64, с. 152].

Первый историк Новой Зеландии, А. Томсон, в своей «Истории Новой Зеландии», вышедшей в 1859 г., назвал отношения, сложившиеся между европейцами и маори, «войной рас» [118, с. 23].

Хотя первые контакты с маори осуществляли моряки и торговцы, но создать первое постоянное поселение в Новой Зеландии, проложить дорогу для ее колонизации выпало на долю британских миссионеров.

17 ноября 1814 г. в Бей-оф-Айлендс вошел корабль «Эктив», на борту которого находились представители Церковного миссионерского общества в количестве 21 человека во главе с Сэмюелом Марсденом.

С. Марсден родился в Англии за три года до того, как Дж. Кук отправился в свое первое плавание по Тихому океану.

Двадцати восьми лет от роду он был назначен помощником капеллана в Новый Южный Уэльс, куда выехал вместе с женой в июле 1793 г.

Марсден поселился в Парраматте, в 15 милях от Порт-Джэксона, и прожил там всю жизнь. Через год после прибытия в Новый Южный Уэльс он был назначен старшим капелланом колонии и пребывал в этой должности почти сорок пять лет, до самой смерти.

В начале 1794 г., спустя лишь два месяца после приезда в Австралию, Марсден, сопровождая губернатора колонии Петерсона, посетил Норфолк, где познакомился с Кингом, рассказавшим ему многое о маори.

В последующие годы Марсден имел случаи встречаться с маори, которых британские китобои частенько привозили в Сидней. Постепенно в нем зрела мысль о создании христианской миссии в Новой Зеландии. Поскольку колониальные власти не были компетентны решать такие вопросы, Марсден в феврале 1807 г. на корабле «Буффало» отправился в Лондон. Руководители Церковного миссионерского общества одобрили план создания миссии на новозеландских островах. Трудность заключалась в наборе людей в эту миссию. Слишком страшна была молва о маори как о «наиболее варварских среди диких племен». Наконец Обществу удалось найти двух добровольцев, согласившихся сопровождать Марсдена в его путешествии в Новую Зеландию, но принадлежавших отнюдь не к духовенству. Это был плотник Уильям Холл и сапожник Джон Кинг. В сопровождении их Марсден в августе 1809 г. покинул Англию.

Церковное миссионерское общество выхлопотало у британского правительства приказ генерал-губернатору Нового Южного Уэльса Маккуори оказать необходимое содействие и помощь в организации британской миссии в Новой Зеландии.

На обратном пути в Австралию Марсден обнаружил среди команды корабля молодого маорийского вождя Руатара, с которым он познакомился несколько лет назад.

Вернувшись в Сидней, Марсден начал подготовку к организации миссии в Новой Зеландии с того, что принялся посвящать в таинства христианского вероучения Руатара и еще двух его

соотечественников. Одновременно Марсден использовал пребывание этих маори в Австралии для обучения австралийских аборигенов искусству производства льняного полотна.

Таким образом, первый миссионерский центр распространения христианского вероучения среди маори возник на австралийской почве — в Порт-Джэксоне.

Шли годы, а Марсден никак не мог добиться разрешения генерал-губернатора Маккуори на поездку в Новую Зеландию и организацию там христианской миссии. Обстоятельства толкали этого целеустремленного человека на более решительные действия.

Марсден задумал купить корабль и переправить миссию в Новую Зеландию за свой счет. В сентябре 1814 г. он купил бриг «Эктив». «Я хочу, чтобы все знали,— писал Марсден секретарю Церковного миссионерского общества,— что я приобрел „Эктив“ не на средства Общества, поскольку я не имел полномочий сделать это. Я беру на себя всю ответственность за покупку судна» [64, с. 154].

Но церковные обязанности не мешали Марсдену быть весьма оборотистым человеком с коммерческой жилкой. Впрочем, это уж не такое редкое сочетание. Он отнюдь не собирался расходовать свои деньги на чистую филантропию, а рассчитывал по возвращении из путешествия покрыть произведенные расходы продажей товаров, приобретенных в Новой Зеландии.

Но и на этот раз раз Маккуори не разрешил Марсдену выехать из Нового Южного Уэльса, а распорядился сначала отправить в Новую Зеландию сподвижников Марсдена: Холла, Кинга и незадолго до того приехавшего в Сидней из Лондона школьного учителя Томаса Кендалла. Капитаном брига «Эктив» был назначен Питер Диллон. Этот предприимчивый ирландец спустя тринадцать лет, в 1827 г., на корабле «Рисерч» совершил плавание с целью выяснить судьбу знаменитого французского мореплавателя Лаперуза и членов экипажей двух фрегатов, которыми он командовал во время плавания по Тихому океану в 1789 г. и которые бесследно пропали. Диллону удалось узнать обстоятельства гибели Лаперуза и его людей, за что французское правительство наградило его орденом Почетного легиона и присвоило графский титул.

Плавание в Новую Зеландию завершилось благополучно. На «Эктиве» были привезены в Сидней несколько вождей маорийских племен, населявших северную часть Оклендского полуострова. Среди них были Корохоро и Хонги Хика, с которыми нам еще не раз придется встречаться в ходе дальнейшего изложения.

Теперь уже у Маккуори не было оснований откладывать поездку Марсдена, и он освободил его с 12 ноября 1814 г. на четыре месяца от исполнения должности старшего капеллана Нового Южного Уэльса для поездки в Новую Зеландию.

9 ноября Маккуори опубликовал приказ, где выражал намерение «предоставить туземцам Новой Зеландии и Бей-оф-Айлендса все права и привилегии, которые распространяются на любую зависимую территорию Нового Южного Уэльса». Одновременно он назначил Кендалла судьей его величества «в Бей-оф-Айлендсе в Новой Зеландии и повсюду на островах Новой Зеландии и всех сопредельных с ними островах» [164, с. 155].

28 ноября 1814 г. бриг «Эктив» вышел в открытый океан, направляясь к берегам Новой Зеландии. На его борту кроме Марсдена, капитана брига Томаса Хансена с женой и сыном, четырех европейских и двух таитянских матросов находились три миссионера с женами и шестью детьми, слуга, кузнец, два лесоруба, восемь маори, пятеро из которых — Руатара, Корохоро, Хонги Хика, Туи и Тиратау — были вождями племен, а также житель Сиднея Джон Николас, ехавший в качестве частного лица и впоследствии описавший это путешествие в книге «Рассказ о плавании в Новую Зеландию», опубликованной в Лондоне в 1817 г.

На корабль были погружены многочисленные товары, а также скот самих колонистов и предназначенный в подарок вождям маорийских племен.

17 декабря «Эктив» бросил якорь у берегов Новой Зеландии в заливе Бей-оф-Айлендс. В течение трех дней маорийская знать наносила визиты Марсдену на борту брига. Наконец 20 декабря Марсден сошел на берег, где ему была устроена торжественная встреча.

Марсден с помощью Руатара объяснил вождям свое намерение создать в Бей-оф-Айлендсе постоянную христианскую миссию. Он прочитал приказ Маккуори от 9 ноября и заявил, что маори теперь не должны выступать самовольно против каких-либо притеснений со стороны экипажей европейских судов, посещающих Новую Зеландию, а направлять свои жалобы губернатору Нового Южного Уэльса, который призовет к ответу подданных «короля Георга и президента Джефферсона» за совершенные ими преступления на новозеландской земле, когда они прибудут в Порт-Джэксон.

Затем Марсден, как человек практический, показал вождям проект договора на покупку земли для миссии, который он предусмотрительно заготовил еще в Сиднее. Сделка состоялась. Марсден приобрел у двух вождей 200 акров новозеландской земли в обмен на двенадцать топоров.

Основав маленькую британскую колонию, Марсден 26 января 1815 г. покинул Новую Зеландию. Он вернулся в Сидней 23 марта.

В своем отчете о поездке Марсден писал, что было бы весьма полезно создать в Сиднее специальное учебное заведение для коренных жителей тихоокеанских островов, поскольку «они в течение одного месяца пребывания в Новом Южном Уэльсе при-

обрили бы больше знаний, чем за долгое время в своей собственной стране» [76, с. 128].

С одобрения Церковного миссионерского общества такая школа была создана в Парраматте в 1815 г. В ней было всего четыре ученика-маори. За весь семилетний период существования школы число учащихся в ней не превышало шестнадцати человек. Однако и после формального закрытия школы Марсден продолжал обучение молодых маори. Так, в 1829 г. он писал, что обучает около двадцати человек [120, с. 35].

В то же время оставленные в Бей-оф-Айлендсе миссионеры также пытались организовать обучение маори. Кендалл, выучив язык маори, предпринял даже попытку создать маорийскую письменность. В 1815 г. Кендалл с помощью прибывшего из Сиднея Уильяма Карлайла открыл первую в Новой Зеландии школу. В то же время профессор Кембриджского университета Сэмюел Ли работал над маорийским словарем, используя материал, полученный от двух молодых маори, обучавшихся в школе Марсдена в Парраматте.

В последующие годы Марсден не ослаблял своей деятельности в укреплении и еще большем расширении миссионерства в Новой Зеландии. Во время своего второго посещения страны он совершил новую сделку, купив 13 тыс. акров земли в Керикери, в Бей-оф-Айлендсе, за двенадцать топоров. На приобретенном участке он основал новую миссию во главе с Джоном Батлером.

Вернувшись в Сидней, Марсден стал настойчиво советовать представителю методистской церкви в Порт-Джэксоне Сэмюелю Ли посетить Новую Зеландию с целью организации там методистской миссии.

В 1822 г. Ли отправился в Новую Зеландию и основал там миссию. В следующем году уже сам Марсден создал в Паихиа, на расстоянии мили от впадения р. Уаитанги в Бей-оф-Айлендс, еще одну миссию, во главе которой был поставлен Генри Уильямс. В 1827—1828 гг. христианские миссии были созданы в западной части Оклендского полуострова. Во время своего шестого посещения Новой Зеландии в марте 1830 г. Марсден основал новую миссию в двенадцати милях от Паихиа во главе с Дэвисом. Еще целый ряд миссий был создан в 1835—1845 гг. Миссионеры, несмотря на свою малочисленность (в 1838 г., например, их было всего 35 человек), действовали весьма энергично. К середине 40-х годов 60% коренного населения Новой Зеландии было обращено в христианство (40% принадлежало к англиканской церкви, 15% — к методистской, 5% — к католической).

Вместе с христианскими миссионерами Новую Зеландию «осваивали» и представители европейского бизнеса. Однако в первое двадцатилетие такого рода посещения носили эпизодический характер. По сообщениям миссионеров, за 1816—1819 гг.

лишь 14 кораблей посетило Бей-оф-Айлендс [120, с. 22—23]. Однако благодаря быстрому развитию китобойного промысла в Тихом океане, в который втягиваются и английские, и французские, и особенно интенсивно североамериканские предприниматели, значение Новой Зеландии возросло.

Налаживалась торговля между Новой Зеландией и Новым Южным Уэльсом. Стоимость новозеландского экспорта в Новый Южный Уэльс возросла за период 1826—1839 гг. с 30 тыс. до 71,7 тыс. ф. ст., а импорт из Австралии увеличился за тот же период с 1,7 тыс. до 95,2 тыс. ф. ст. [112, с. 16].

В Новую Зеландию ввозились зерно, мука, рис, сахар, сыр, чай, спиртные напитки, изделия из железа, полотно, кожи, одеяла и т. д. Но главными предметами импорта были мушкеты и порох. Из Новой Зеландии в Австралию поставлялись лен, лес, лярд, картофель, маис, свинина, китовый жир, мех морских котиков.

Европейское население Новой Зеландии росло довольно медленно. К 1832 г. оно составляло не более 100 человек. В 1838 г. на Северном острове жило около 1 тыс. человек. Небольшие поселения, в основном станции китобоев, находились и на Южном острове.

Глава II

НАЧАЛО БРИТАНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Английское правительство после открытий Дж. Кука не торопилось объявить официально Новую Зеландию колонией и форсировать эмиграцию туда своего населения. Такова была тогдашняя позиция правительства Англии к эмиграции населения за океан. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. эмиграция весьма поощрялась, то во второй половине XVIII — начале XIX в. были приняты законодательные акты, препятствующие выезду населения с Британских островов. Эволюция взглядов правительства на эмиграцию населения объяснялась следующим.

Развитие капитализма в Англии сопровождалось обнищанием народных масс. С конца XV в. в сельском хозяйстве Англии начало наблюдаться быстрое развитие овцеводства за счет земледелия. Крупные землевладельцы превращают свои поместья в пастбища. Более того, они захватывают общинные земли, их совместные владения с крестьянами-держателями или же вообще сгоняют крестьян с их наделов и обращают последние в пастбища, при этом сносят не только отдельные крестьянские дома, но и целые деревни [51, с. 318].

Согнанные с земли и оказавшиеся без работы крестьяне превратились в огромную армию бродяг, скитающуюся по дорогам страны без средств к существованию и крыши над головой. Когда же им удавалось найти работу на мануфактурах или крупных фермах, они попадали в условия безжалостной эксплуатации и были совершенно бесправны перед законом. В мануфактурной мастерской, где господствовал неограниченный произвол хозяина, рабочий день продолжался 14—16 часов и более. Заработной платы не хватало на пропитание семьи, в связи с чем распространилось нищенство. На мануфактурах широко применялся детский труд. Дети часто начинали работать с пяти лет [51, с. 483]. «Несчастливые дети в возрасте шести-семи лет должны были работать по двенадцать часов в сутки, шесть дней в неделю в страшном шуме на ткацких фабриках или под землей в темных как ночь угольных шахтах» [97, с. 6].

Тем не менее родители посылали своих детей работать. «Го-

лодные женщины даже «продавали» своих детей на шахты и фабрики, ибо сами не в силах были найти себе работу. Тысячи и тысячи безработных, бездомных людей стояли перед дилеммой „украсть или умереть“» [90, с. 6].

«Этот поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с такой быстротой, с какой он появился на свет» [1, с. 744].

Так в Англии создалась огромная масса «лишних людей». В то же время английские колонии испытывали нехватку рабочих рук. Идея выгоды эмиграции в колонии как для Англии, так и для колоний родилась еще в XIV в. Ричард Хаклюйд писал в 1584 г.: «Многие тысячи людей находятся в нашем королевстве в праздности; не имея работы, они делаются мятежными и ищут изменений в государстве либо становятся обузой для общества, занимаются воровством и совершают другие преступления; все тюрьмы в стране забиты ими» [52, с. 49].

Британское правительство вполне разделяло эти взгляды и способствовало выезду «лишнего» населения в колонии. Для снабжения колоний рабочей силой туда ссылались осужденные преступники, которых тогда было огромное количество.

«Правящая каста, уstraшенная неуправляемыми толпами мужчин и женщин, обрушилась на них всей силой варварских уголовных законов» [90, с. 6].

Уголовные законы того времени отличались необычайной жестокостью. В XVIII в. 300 видов преступлений — от убийства до кражи носового платка — наказывались смертной казнью. Разрешалось вешать семилетних детей.

В XVIII в. были значительно расширены права судей заменять смертную казнь ссылкой. Эта мера широко практиковалась в отношении политических заключенных. Плантаторы североамериканских колоний охотно и щедро оплачивали транспортировку даровой рабочей силы. Они платили от 10 до 25 ф. ст. за человека в зависимости от его квалификации [90, с. 5]. В период между 1717 и 1776 гг. примерно 30 тыс. заключенных из Англии и Шотландии и 10 тыс. из Ирландии были высланы в американские колонии [52, с. 91]. Общее число эмигрантов из Англии, Шотландии и Ирландии на протяжении семидесяти лет XVIII в. составило не менее 300 тыс., а возможно, и 500 тыс. человек [69а, с. 61].

Начавшийся в Англии во второй половине XVIII в. промышленный переворот вызвал увеличение потребности в рабочей силе, чему способствовали и войны, которые вела Англия в конце этого столетия. Страх перед избыточным населением сменился тревогой о нехватке рабочих. Эта тревога возникла еще и оттого, что переписи населения в то время не проводились и было совершенно неясно, растет оно или уменьшается. Учитывая настроение деловых кругов, английское правительство принимает целый ряд законодательных актов, направленных, с одной

стороны, на поощрение рождаемости в стране, а с другой — на ограничение эмиграции [52, с. 221—231].

С начала XIX в. отношение к проблеме народонаселения и, следовательно, эмиграции начало меняться. Проведенные в Англии в 1800 и 1810 гг. переписи населения показали его очень быстрый рост, что способствовало широкому распространению идей Мальтуса, опубликовавшего свои труды еще до проведения переписей, в 1798 г.

Стремительное развитие механизации в первой половине XIX в., особенно в 30—40-х годах, привело к огромной безработице, обнищанию трудящихся масс. «Ни одна страна мира, — писал Ф. Энгельс, — не знает таких вопиющих контрастов между крайней нищетой и колоссальным богатством...» [2, с. 300—301]. «Лишние люди» опять вызывают большую тревогу у имущих классов Англии. Британское правительство во второй половине 20-х годов снимает ограничения на эмиграцию.

В 30—40-х годах эмиграция из страны достигает громадных размеров. На протяжении 30-х годов из Великобритании эмигрировало 678,6 тыс. человек, а 40-х — более 1,6 млн. [52, с. 138].

Именно в этот период начинается британская эмиграция в Новую Зеландию. Правда, первые попытки были предприняты еще в конце первой половины 20-х годов.

В 1825 г. группа видных политических деятелей и коммерсантов во главе с Джоном Лембтоном, который впоследствии получил титул лорда Дарема и стал генерал-губернатором Канады, обратилась к британскому правительству с петицией о создании Новозеландской компании с целью торговли новозеландским лесом и льном. Кроме того, подчеркивалось также, что компания смогла бы снабжать британские военные и торговые суда парусами, канатами, снастями, превосходящими по качеству импортируемые. Это, в свою очередь, освободит Англию от необходимости приобретать эти товары у стран-соперниц или враждебных государств. В петиции далее говорилось, что компания может взять на себя обработку земли и снабжение судов, занимающихся китобойным промыслом в Южных морях. И заканчивалась петиция заявлением о глубокой озабоченности ее составителей греховой жизнью новозеландских аборигенов и христианским стремлением способствовать их духовному спасению [112, с. 12—13].

Предложение о создании Новозеландской компании было принято. В 1826 г. корабль компании «Розанна» под командой капитана Джеймса Херда вошел в гавань Хонианга. На борту корабля находилась группа британских колонистов из 60 человек. Они должны были поселиться на купленном компанией участке земли в районе гавани. Но, увидев маорийские воинственные танцы, колонисты так испугались, что решили вернуться в Англию. В гавани осталось лишь четыре человека. «Розанна» вернулась в Сидней, где решило поселиться еще несколько ко-

лонистов. Остальные вернулись в Англию. На этой операции Новозеландская компания потеряла 20 тыс. ф. ст.

После этой неудачи были сделаны новые попытки колонизации Новой Зеландии. В 1829 г. премьер-министр Англии герцог Веллингтон принял депутацию, требовавшую официального объявления британского суверенитета над Новой Зеландией и ее колонизации. Веллингтон отказался, однако, рассматривать это предложение, заявив, что «Великобритания уже имеет достаточно колоний» [68, с. 2].

Индифферентность британского правительства к захвату Новой Зеландии вызывала острое недовольство в Новом Южном Уэльсе, чьи дельцы к тому времени уже хорошо осознали открывавшиеся потенциальные возможности Новой Зеландии. Очень беспокоила колонистов Нового Южного Уэльса возросшая активность иностранных судов в водах Новой Зеландии. Они подталкивали колониальные власти к захвату новозеландских островов.

Подобные настроения отразились, например, в обращении в июне 1831 г. бывшего морского офицера Томаса Макдоннелла к губернатору Нового Южного Уэльса Дарлингу, где он высказывал опасение, что страна, столь богатая льном, лесом и минералами, может попасть в руки иностранной державы, и рекомендовал послать в Новую Зеландию консула, наделенного необходимой властью и опирающегося на военную силу [120, с. 79].

Большую тревогу в Новом Южном Уэльсе вызвало появление в 1831 г. в Южных морях Лапласа. В конце октября 1831 г. в Сиднее распространились слухи, что Лаплас увез с собой петицию маорийских вождей к французскому королю об установлении суверенитета Франции над Новой Зеландией. Обеспокоенные власти Нового Южного Уэльса послали в начале ноября шлюп «Зебра» под командованием капитана де Саумареца в Бей-оф-Айлендс для проверки этих слухов. В случае их правдивости они собирались направить протест французскому капитану, указав на факт первооткрытия новозеландских островов британцами.

Прибыв в Бей-оф-Айлендс, де Саумарец узнал, что Лаплас пробыл у берегов Новой Зеландии лишь несколько дней. Но маори действительно в это время успели написать петицию. Однако петиция эта благодаря работе британских миссионеров была обращена не к французскому королю, а к британскому монарху — королю Уильяму IV. В ней говорилось следующее:

«Королю Уильяму, все милостивейшему вождю Англии.

Король Уильям,

Мы, вожди Новой Зеландии, собравшиеся в этом месте, называемом Керикери, пишем тебе, ибо с тех пор, как многие корабли, посланные тобой, пришли к нашей земле, мы знаем, что великий вождь по другую сторону моря — это ты.

У нас нет ничего, кроме леса, льна, свинины и батата. Ко-

гда мы продаем это вашим людям, мы видим, что есть у европейцев. Только твоя страна дружественно относится к нам. От тебя также пришли миссионеры, которые учат нас верить в Господа Бога и Иисуса Христа, Сына Его.

Мы слышали, что племя марион² собирается захватить нашу страну, поэтому мы просим тебя стать нашим другом и опекуном этих островов, чтобы защитить нас от других племен, если они пойдут войной на нас, и от чужеземцев, которые захотят завладеть нашей землей. И если кто-либо из чужих людей будет причинять нам беспокойство (ибо такие люди живут здесь — это беглецы с кораблей), мы молим тебя быть суровым к ним, чтобы они боялись и не возбуждали злобы жителей этой страны против себя» [68, с. 11].

Петиция была подписана 13 маорийскими вождями Северного острова.

Сами же миссионеры переслали эту петицию губернатору Нового Южного Уэльса Р. Берку, а последний не замедлил отправить ее в Лондон министру колоний. В сопроводительном письме Берк писал, что считает необходимым установить британский протекторат над Новой Зеландией.

Несмотря на то что слухи о враждебных действиях Лапласа не подтвердились, заходы иностранных судов в новозеландские воды продолжали причинять беспокойство Сиднею. Так, в марте — апреле 1832 г. сиднейская газета подняла тревогу по причине «русской активности в Южных морях» и призвала в связи с этим к установлению власти Нового Южного Уэльса над Новой Зеландией [120, с. 80].

Губернатор Берк предпринял решительные меры для расширения власти Нового Южного Уэльса над Новой Зеландией. Он вынес на рассмотрение исполнительного совета колонии предложение об учреждении должности резидента колонии в Новой Зеландии. Совет одобрил предложение губернатора, но, считая, что деятельность резидента будет действительной в том случае, если она будет опираться на военную силу, рекомендовал отправить в Новую Зеландию солдат из Нового Южного Уэльса.

Но в этом случае губернатор не мог действовать самостоятельно, а лишь с санкции британского правительства. Берк в конце декабря 1831 г. обратился с соответствующим письмом в Лондон. Письмо Берка встретило поддержку в министерстве колоний. Вскоре был назначен и сам резидент. Им стал Джемс Басби, житель Сиднея, который в ту пору находился в Лондоне. Басби работал клерком в земельном совете Нового Южного Уэльса, был недоволен своей должностью, уволился и отправился в Лондон в поисках лучшего места. Во время своего путеше-

² «Племенем марион» маори называли французов после посещения Новой Зеландии в 1772 г. французским капитаном Марионом де Фрезне, которого они убили.

ствия он побывал в Новой Зеландии и написал записку о целесообразности распространения на эту землю британской юрисдикции и направления туда резидента, главными задачами которого явилась бы поимка бежавших из Австралии заключенных и помощь в расширении торговых операций. Используя протекцию лорда Хаддингтона, он добился своего назначения в Новую Зеландию. Министр колоний лорд Годрич в письме к губернатору Берку от 18 марта 1832 г. сообщал, что британское правительство назначило Д. Басби резидентом в Новой Зеландии с окладом 500 ф. ст., который должна выплачивать казна Нового Южного Уэльса. Бесцеремонность министерства колоний, не посчитавшего нужным согласовать кандидатуру резидента с колонией, столь заинтересованной в судьбе Новой Зеландии, вызвала большое недовольство в Новом Южном Уэльсе. Басби ощутил это, вернувшись в Сидней в октябре 1832 г. Сего отправкой в Новую Зеландию не спешили. Долго и сложно дебатировался в Законодательной ассамблее вопрос о его жалованье. Ряд видных деятелей колонии, в их числе У. Уэнтворт, выступили против того, чтобы Новый Южный Уэльс выплачивал жалованье резиденту, назначенному британским правительством. В конце концов 21 апреля 1833 г. Д. Басби был отправлен в Новую Зеландию. 17 мая корабль вошел в Бей-оф-Айлендс, и Басби сошел на берег у Корорареки. Его встретили британские миссионеры и толпа маори. Около небольшой миссионерской церкви был поставлен стол, за который сели Д. Басби, капитан корабля Блэквуд и миссионер Генри Уильямс.

Басби прочитал собравшимся маори ответ британского короля на их петицию. Переводил Г. Уильямс. В письме короля говорилось, что он рад сообщить, что угроза захвата новозеландских островов французами ликвидирована. В то же время король обещал наказывать тех своих подданных, которые будут причинять маори какой-либо ущерб. Именно с этой целью он направил сюда своего резидента.

Однако пребывание британского резидента в Бей-оф-Айлендсе не внесло каких-либо изменений во взаимоотношения европейцев с маори. Надо сказать, что Басби, по сути дела, не имел никакой власти. В инструкции, которую он получил от Р. Берка, говорилось: «Вам следует знать, что Вы не наделяетесь никакой правовой властью, вследствие чего Вы не можете арестовать британского подданного, обвиненного в нарушении британского или колониального права в Новой Зеландии» [68, с. 17]. От местных жителей британский консул получил прозвище «неавторитетный Басби». Кровавые столкновения не только не прекратились, но, напротив, усилились. Не помогло и назначение в июне 1835 г. второго резидента — бывшего морского лейтенанта, владельца большого земельного участка в Хонианге Томаса Макдонелла.

Обстановка в Новой Зеландии нагнеталась все усиливавшимся интересом Франции и США к этим островам. Французы, ревниво следившие за действиями англичан в Новой Зеландии, отнюдь не отказались от попыток прямого захвата островов. Поэтому англичане были немало обеспокоены действиями барона де Тьерри, появившегося на тихоокеанской сцене в 1835 г. Побывав сначала на Нукухиве (Маркизские острова), он в августе, находясь уже на Таити, опубликовал прокламацию, в которой объявлял себя «суверенным вождем Новой Зеландии и королем Нукухивы».

Этому событию предшествовала следующая история. Будучи студентом Кембриджского университета, де Тьерри в 1822 г. встречался в Лондоне с маорийскими вождями, которые помогали в то время проф. Ли в составлении маорийского словаря. Де Тьерри настолько заинтересовался далекой страной, что через посредство одного британского капитана заочно купил у трех маорийских вождей землю в районе р. Хокианга, уплатив за это тридцать топоров. Позже, видя, что британское правительство официально не объявляет Новую Зеландию своей собственностью, де Тьерри приобрел у голландского правительства «права» на острова за 50 тыс. ф. ст. После этого он обратился к французскому правительству за помощью в «освоении» приобретенной земли. Медлительность французского правительства в рассмотрении этого предложения привела его к решению действовать самостоятельно, и он объявил себя сувереном Новой Зеландии. Де Тьерри быстро собрал желающих поехать в «его королевство» и в 1834 г. отбыл на Тихий океан. По пути он получил у властей Новой Гренады право на постройку канала в районе Панамского перешейка. Затем де Тьерри обратился к британскому королю Уильяму IV за помощью в осуществлении этого мероприятия, аргументируя это тем, что Британия первая извлечет из постройки канала большие выгоды, ибо путь из Англии в Новый Южный Уэльс и Землю Ван Димена будет занимать семьдесят пять дней вместо обычных пяти месяцев [21, с. 824—825].

Британское правительство, не принимая всерьез этого авантюриста, ответило отказом. Однако никто ни в Новом Южном Уэльсе, ни тем более в Новой Зеландии об этом не знал. Поэтому, когда известия о выпущенной де Тьерри прокламации достигли британских поселенцев в Новой Зеландии, они вызвали величайшую тревогу, усиливавшуюся еще и тем, что в новозеландских водах все время находились вооруженные французские китобойные суда.

Д. Басби решил действовать немедленно, боясь, что, пока он будет консультироваться с властями Нового Южного Уэльса, французы захватят острова. Но поскольку практически Басби не имел в своем распоряжении вооруженных сил, чтобы дать отпор французам, он решил создать какую-нибудь, пусть совсем

эфемерную, правовую конструкцию, которая затрудняла бы французам распространение их суверенитета на Новую Зеландию.

С этой целью Басби собрал у р. Уаитанги 28 октября 1835 г. всех маорийских вождей, племена которых жили в районе Бей-оф-Айлендса. По его наущению 35 вождей подписали документ, провозглашавший независимость «Объединенных племен Новой Зеландии». Он так и назывался: «Декларация о независимости Новой Зеландии». В Декларации говорилось следующее:

«1. Мы, наследственные вожди и главы племен северной части Новой Зеландии, собравшись у Уаитанги, объявляем независимость нашей страны, которая этим документом создается и объявляется независимым государством, называемым Объединенные племена Новой Зеландии.

2. Вся суверенная власть в пределах территории Объединенных племен Новой Зеландии целиком объявляется находящейся исключительно у упомянутых здесь вождей и глав племен...

3. Упомянутые вожди и главы племен согласились ежегодно осенью встречаться у Уаитанги с целью осуществления правосудия, сохранения мира и порядка, регулирования торговли и призывают племена Южного острова прекратить их враждебность и совместно обсуждать вопросы безопасности и процветания нашей общей страны, присоединившись к конфедерации Объединенных племен.

4. Они также согласились послать копию Декларации его величеству королю Англии... Они надеются, что он и в дальнейшем будет отцом их молодого государства и станет защитником от всех посягательств на его независимость» [68, с. 28].

Басби отправил Декларацию Берку, а тот переправил ее в Лондон министру колоний лорду Гленелгу. Последний одобрил действия Басби в письме к Берку от 25 мая 1836 г. Что касается дальнейших действий де Тьерри, то он пытался, но безуспешно, получить поддержку властей Нового Южного Уэльса и в октябре 1837 г. отбыл в «свое королевство» Новую Зеландию, где британские колонисты, видя, что за де Тьерри не стоит французское правительство, быстро превратили кичливого «монарха» в рядового европейского поселенца, причем вместо «купленных» им когда-то 40 тыс. акров земли выделили ему только 300 акров. Де Тьерри прожил в Новой Зеландии шестьдесят лет и умер в Окленде накануне нового века, в 1897 г.

Но беспокойства британских колонистов на этом не кончились. В том же, 1837 г. в Хокиангу прибыл тридцатисемилетний французский епископ Жан Батист Помралль, назначенный главой римско-католической церкви в Океании. Вскоре он, сопровождаемый двумя священниками, переехал на постоянное жительство в Корорареку.

Одновременно увеличивались земельные участки, приобретенные французами в Новой Зеландии. Так, в 1837 г. француз-

ский капитан Ланглуа приобрел огромный участок земли на п-ове Банкс.

Земли приобретали и европейские поселенцы других национальностей. Весьма большой интерес к островам проявляли и американцы. Достаточно сказать, что число американских кораблей в новозеландских портах в 1838 г. в два раза превышало число английских, а численность американских китобоев, действующих в новозеландских водах, еще в середине 30-х годов превышала 9 тыс. человек [83, с. 102].

В 1839—1840 гг. в Бей-оф-Айлендс уже заходило более 60 американских судов с грузом стоимостью свыше 1,5 млн. долл. [66, с. 103]. Американские предприниматели начали вкладывать капитал в новозеландскую лесоторговлю, в строительство факторий на островах.

Обстановка в Новой Зеландии принимала все более сложный характер. Это усугублялось и тем, что европейцы всячески разжигали и без того не утихавшие межплеменные столкновения у маори.

Для выяснения общей ситуации в Новой Зеландии туда в 1837 г. был направлен капитан У. Гобсон на корабле «Реттлснейк».

В течение двух месяцев Гобсон посетил наиболее важные поселения европейцев и маори и, вернувшись в Сидней, составил доклад, датированный 8 августа 1837 г.

В докладе Гобсон проводил мысль о нецелесообразности прямого захвата Великобританией Новой Зеландии. Он предлагал создать в нескольких пунктах страны британские фактории, которые находились бы под полной британской юрисдикцией и представляли бы собой зависимые территории Нового Южного Уэльса.

Препровождая доклад Гобсона в Лондон, губернатор Берк выражал одобрение содержащимся в нем предложениям [21, с. 84].

Но план Гобсона не удовлетворял британских поселенцев в Новой Зеландии. Они настойчиво добивались установления над островами власти британской короны. Об этом они писали в петициях, обращенных к королю Уильяму IV.

Выражая интересы британских поселенцев и миссионеров, Басби в письме к Берку предложил иной план. По его мнению, новозеландские острова должны стать протекторатом Англии.

Правительство не торопилось с ответом. Тогда британские поселенцы в Новой Зеландии решили в этой «особой ситуации» действовать более энергично. 23 мая 1838 г. британцы, жившие в районе Бей-оф-Айлендса, создали Ассоциацию бдительных, целью которой являлась защита интересов и благосостояния британских поселенцев.

В свою очередь, в деловых кругах Англии усилился интерес к Новой Зеландии.

Духовным вождем движения за колонизацию Новой Зеландии стал Эдвард Гиббон Уэйкфилд, личность весьма примечательная в истории британского колониализма.

За десять лет до рассматриваемых нами событий, в 1827 г., Эдвард Уэйкфилд пребывал в Ньюгейтской тюрьме в Лондоне, куда он был заключен на три года в результате довольно пикантной истории, начавшейся за год до его ареста. Его респектабельная жизнь до этого представляла собой резкий диссонанс со столь печальным поворотом событий. Э. Уэйкфилд родился в Лондоне в 1796 г. Кончил Вестминстерскую и Эдинбургскую школы. В семнадцать лет он был назначен на дипломатическую службу в британское посольство в Турине. В дальнейшем он в качестве секретаря посольства служил в Париже, Турине и опять в Париже.

К тридцати годам Уэйкфилд был вдов, имел двух детей, должность секретаря британского посольства в Париже и честолюбивую мечту попасть в члены британского парламента, для осуществления которой ему не хватало денег. Размышляя, каким бы путем ему разбогатеть, он вспомнил о старинном испытанном способе — жениться на богатой. Он узнал, что у богатого промышленника Тарнера есть пятнадцатилетняя дочь Эллен — единственная наследница.

Нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что он никогда не видел эту девушку, Уэйкфилд прибыл в ливерпульскую школу и попросил директора школы отпустить Эллен с ним под тем предлогом, что ее мать серьезно больна. Девушке же он сказал, что отец ее внезапно разорился и единственное спасение семьи в том, чтобы она вышла за него замуж. То ли Уэйкфилд был достаточно красноречив, то ли девица оказалась решительной, но повенчались они незамедлительно. Затем новобрачные поспешно покинули Англию, выехав во Францию.

Однако их медовый месяц был прерван в самом начале приездом во Францию двух дядей Эллен, которые и вернули ее отцу. Возвратившись вскоре после этого в Англию, Уэйкфилд был арестован и приговорен к трем годам тюрьмы. Так кончилась его дипломатическая карьера и не осуществилась мечта об избрании в парламент.

Но честолюбие указало ему иную сферу деятельности, вполне прославившую его имя: он стал одним из идеологов колониализма, создателем теории «систематической колонизации» и «достаточной цены» за землю в колониях. Свои идеи он развивал в написанной в тюрьме работе «Письма из Сиднея».

Уэйкфилд доказывал, что надо колонизовать заокеанские территории не путем высылки туда каторжников, а систематически привлекая туда вполне добропорядочных людей. Цены же на землю в колониях должны быть установлены не минимальные, а достаточно высокие. Во всяком случае, такие, чтобы колонисты не были в состоянии приобретать ее сразу по приезде,

и лишь проработав ряд лет. «Достаточная цена» не даст колонистам возможность сразу по приезде «превращаться в незанятых крестьян до тех пор, пока не появятся другие, готовые занять их место на рынке наемного труда» [1, с. 782]. Они составят необходимую капиталистам армию наемных рабочих.

Деньги, полученные от продажи земли, должны направляться в первую очередь на привлечение новых колонистов, а затем уже на нужды самой колонии.

В результате этого в колониях постепенно будет укрепляться и расти слой «мелких капиталистов», которые явятся твердой основой для заморских англосаксонских обществ — форпостов Британии в различных частях земного шара. Таким образом, та часть английского общества, которая в результате промышленного развития страны оставалась без работы и являла собой не только видимый укор, но и реальную угрозу существующему порядку вещей, превращалась, по мысли Уэйкфилда, в среду, цементирующую Британскую империю.

По выходе из тюрьмы в 1830 г. Уэйкфилд развернул необычайно активную деятельность, чтобы практически осуществить выношенные в Ньюгейте идеи. Он немало способствовал быстрой организации Национального общества колонизации, которое в том же, 1830 г. выпустило брошюру, озаглавленную «Изложение принципов и целей предполагаемого национального общества для исцеления от пауперизма и его предупреждения посредством систематической колонизации».

С согласия министерства колоний Уэйкфилд проделывает свои эксперименты в Австралии и Канаде. Но все больше и больше его внимание сосредоточивается на Новой Зеландии, особенно после того, как он терпит фиаско в Австралии.

В июне 1836 г. Уэйкфилд писал в английский парламент: «Совсем близко от Австралии есть страна, которая во всех отношениях может быть признана самой подходящей страной для колонизации, самой красивой страной, с прекрасным климатом и самой плодородной землей. Я говорю о Новой Зеландии. Мне могут заявить, что Новая Зеландия не принадлежит британской короне, и это правда, но англичане уже начали колонизовать Новую Зеландию. Новая Зеландия переходит во владение британской короны. Искатели приключений из Нового Южного Уэльса и Земли Ван Димена... за несколько безделушек и немного порошу приобретают землю... Мы начали, я думаю, колонизацию Новой Зеландии, хотя и делаем это в самой безобразной и постыдной манере. Страна, я считаю, должна быть открыта для колонизации...» [45, с. 3—4].

По инициативе Уэйкфилда 12 мая 1831 г. была образована Новозеландская ассоциация во главе с членом парламента Фрэнсисом Бейрингом. Ассоциация поставила своими целями: содействовать установлению британского суверенитета над Но-

вой Зеландией, находить пути для выгодного помещения там британского капитала, вывоза британских колонистов в новую колонию, способствовать уменьшению армии безработных в Великобритании [68, с. 47].

В июне 1837 г. представители ассоциации были приняты премьер-министром лордом Мельбурном и членом правительства лордом Хауиком, тогда еще не министром колоний, но уже пристально интересовавшимся колониальными делами империи. Ф. Бейринг познакомил Мельбуерна с целями и задачами ассоциации, а также передал ему проект парламентского акта об учреждении Новозеландской ассоциации. Мельбурн заявил, что лично он не имеет никаких возражений против выдвинутых предложений, и далее представители ассоциации продолжили переговоры с Хауиком. Лорд Хауик тщательно рассмотрел билль об учреждении ассоциации и внес кое-какие изменения, многие из которых не понравились учредителям ассоциации, но тем не менее были ими приняты; они боялись потерять поддержку влиятельного члена правительства.

Смерть короля Уильяма IV задержала дальнейшее обсуждение проекта, но учредители ассоциации были так уверены в благоприятном исходе затеянного ими дела, что через печать пригласили всех желающих присоединиться к ассоциации и эмигрировать в Новую Зеландию. Желающих эмигрировать в новую колонию оказалось очень много.

13 декабря 1837 г. представители ассоциации во главе с Ф. Бейрингом были приняты лордом Мельбурном.

Мельбурн совершенно забыл о своей первой встрече с представителями ассоциации и своим благосклонном ответе на их предложения и поэтому отправил депутацию к министру колоний лорду Гленелгу.

Лорд Гленелг сразу же выразил отрицательное отношение к проекту учреждения Ассоциации по колонизации Новой Зеландии. По его мнению, превращение Новой Зеландии в британскую колонию ухудшит отношения Англии с другими державами, а у Англии и так уже достаточно колоний. Управление ими дорого и сложно, и увеличивать их число нецелесообразно.

Столь неожиданный ответ ошеломил представителей ассоциации, многие из которых уже произвели большие затраты, связанные с предполагаемым выездом в Новую Зеландию. Беседа, длившаяся более часа, показала, что мнение Гленелга непоколебимо. Тогда они опять обратились к Мельбурну. И один из членов ассоциации рассказал премьер-министру о произведенных им расходах. В ответ Мельбурн заметил, что только сумасшедший мог это сделать. Пришедший в ярость представитель ассоциации тем же словом назвал британского премьера. Назревал скандал. Но Мельбурн вдруг вспомнил первую встречу с членами ассоциации, свой положительный отклик на их

предложения и пообещал им, что проект закона о создании Новозеландской ассоциации будет еще раз рассмотрен правительством и в течение недели через лорда Гленелга они получат благоприятный ответ.

20 декабря Гленелг сообщил представителям ассоциации, что предложение о колонизации Новой Зеландии рассмотрено правительством, которое в основном разделяет взгляды ассоциации, но не определило еще юридическое оформление ее учреждения.

Столь резкое изменение позиции Гленелга, очевидно, объяснялось поступившими в течение недели сообщениями от Басби и Гобсона о необходимости занятия министерством колоний более энергичной позиции в вопросе колонизации Новой Зеландии.

Одновременно Гленелг заявил, что сотрудники его министерства изучают возможности формального учреждения ассоциации правительственным актом, минуя парламент, подобно тому как в свое время были созданы компании по колонизации Северной Америки.

29 декабря ассоциация получила официальное письмо от Гленелга, в котором он отказывался от первоначальной мысли об оформлении ассоциации как компании, субсидируемой правительством, и предлагал учредить ее в виде частного акционерного общества.

Это предложение министра колоний было совершенно неприемлемо для ассоциации. Во-первых, потому, что ее руководители уже оповестили британцев о том, что колонизация Новой Зеландии будет осуществляться под эгидой правительства, во-вторых, потому, что в составе ведущих членов ассоциации были высокопоставленные деятели англиканской церкви, которые не могли участвовать в частных коммерческих предприятиях.

Ассоциация ответила отказом на предложение Гленелга. Теперь для нее оставался один путь: перенести вопрос в парламент.

В 1838 г. ассоциация широко пропагандировала в британской публике идею колонизации Новой Зеландии. Одним из активнейших пропагандистов этой идеи был доктор Хиндс. Он указывал прежде всего на опасность большой концентрации на Британских островах «избыточного» населения, а также на все увеличивающийся «избыточный» капитал. «В Великобритании имеется избыток капитала и избыток рабочих,— говорил он.— Капиталисты не могут выгодно помещать внутри страны избыток капитала. В то же время существует огромная масса рабочего населения, которая не может более получать достаточный заработок, обеспечивающий им необходимый жизненный уровень. Поэтому предполагаемая колония выручит как капиталистов, так и рабочих» [68, с. 52].

По мнению Хиндса, ассоциация должна находиться в Англии и действовать в Новой Зеландии через своих уполномочен-

ных. Ассоциации необходимо получить от правительства достаточно широкие права, чтобы успешно осуществлять колонизацию в первоначальный период, по крайней мере в течение двух десятилетий, а затем она вернет власть британскому правительству.

Свои предложения Хиндс направил в палату лордов. Специальная комиссия палаты отклонила эти предложения, заявив, что «колонизация должна осуществляться исключительно под контролем правительства страны» [68, с. 53].

Следует сказать, что Церковное миссионерское общество внимательно следило за деятельностью ассоциации и энергично выступило против нее, опасаясь за положение миссионеров в Новой Зеландии.

Сразу же после опубликования ассоциацией своих планов общество обратилось к миссионерам Новой Зеландии, призывая последних выступить против предложений ассоциации. Но, не дожидаясь их ответа, созданный обществом комитет 6 июня 1837 г. принял резолюцию, где утверждалось, что «осуществление тех планов, которые предлагает ассоциация... прервет, если не уничтожит, все меры по религиозному воспитанию и цивилизованию туземцев Новой Зеландии, успешно осуществляемые миссионерами». Резолюция заканчивалась призывом: «Все возможные средства должны быть использованы, чтобы предотвратить проведение в жизнь плана Новозеландской ассоциации» [68, с. 55].

Подобное же отношение к ассоциации было выражено в годовом отчете Общества, опубликованном 1 мая 1838 г.

Выступая 14 мая 1838 г. в Комитете по Новой Зеландии палаты лордов, секретарь Церковного миссионерского общества Д. Котс еще раз отметил негативную позицию общества к идеям ассоциации. В качестве юридического основания, не допускавшего возможности создания подобной организации, Котс сослался на Декларацию о независимости Новой Зеландии, принятую конференцией маорийских вождей 28 октября 1835 г. «Поскольку Англия признала независимость Новой Зеландии,— говорил Котс,— ни правительство, ни законодательные органы Великобритании не могут совершить какого-либо акта, подрывающего суверенитет этой страны» [45, с. 7].

В июне 1838 г. Бейринг передал на рассмотрение парламента законопроект об учреждении ассоциации по колонизации Новой Зеландии. Все министры, включая лорда Хауика, выступили против законопроекта. Тем не менее палата общин в первом чтении одобрила законопроект 74 голосами против 23, но во втором чтении законопроект был отклонен 92 голосами против 32.

В период рассмотрения законопроекта в парламенте лорд Дарем и Э. Г. Уэйкфилд находились в Канаде.

По возвращении из Канады Уэйкфилд превратил ассоциацию

и частное коммерческое предприятие — Новозеландскую земельную компанию, целью которой стала покупка у маори земельных участков и перепродажа их британским подданным, пожелавшим выехать на жительство в Новую Зеландию. Номинальный капитал Новозеландской компании был установлен в 400 тыс. ф. ст. Он был поделен на 4 тыс. акций стоимостью 100 ф. ст. каждая. Фактически капитал компании составил 100 тыс. ф. ст. Компания, не купив у маори ни одного акра, продала в Англии 100 тыс. акров новозеландской земли.

Новозеландская компания оказалась преемником как Новозеландской ассоциации, так и первой Новозеландской компании, созданной в 1825 г. Президентом компании стал лорд Дарем. Если в программе Новозеландской ассоциации провозглашались филантропические принципы британской колонизации новозеландских островов, то Новозеландская компания не скрывала своих откровенно корыстных целей: скупка за бесценок земли у маори и перепродажа ее по высоким ценам британским подданным.

Уэйкфилд, выступая в парламентском комитете по Новой Зеландии, признал, что управление компанией попало в руки людей, для которых «принципы колонизации и колониального управления были ничем в сравнении с фунтами, шиллингами и пенсами» [68, с. 57].

С первых шагов своего существования компания встретила с большими трудностями. В начале февраля 1839 г. министром колоний вместо Гленелга стал лорд Норманди.

Когда Норманди познакомился с тем, чем намеревалась заниматься Новозеландская земельная компания, он стал ее ярым противником. Он считал недопустимым предоставить компании монопольные права на приобретение земельных участков в Новой Зеландии.

Компания между тем спешила начать свою деятельность: готовилась отправить в Новую Зеландию представителей для покупки земли, а также первых колонистов.

Это заставило лорда Норманди действовать быстро и решительно. 15 марта 1839 г. Джеймс Стерджен, постоянный заместитель министра колоний, сделал заявление, определявшее политику министерства в вопросах колонизации Новой Зеландии. В этом заявлении предлагался следующий план приобретения новой колонии: «Прежде всего должен быть назначен британский консул. Ему поручается добиться от туземцев передачи британской короне суверенитета над районами, которые покажутся ему наиболее подготовленными для этого. Он получит полномочия управлять от имени его величества той территорией, которую ему удастся получить. Затем в парламент будет внесен законопроект об образовании Законодательного совета из пяти-семи лиц для управления предполагаемой колонией. Законопроект должен предусматривать уч-

реждение суда в этой колонии с правом судить всех британских подданных, совершивших преступления в любой части новозеландских островов. Кроме того, законопроектом должны быть объявлены недействительными любые будущие приобретения земли британскими подданными в Новой Зеландии у туземцев или их вождей» [45, с. 9].

Когда в апреле 1839 г. Уильям Хитт, новый президент Новозеландской земельной компании, обратился в министерство колоний с просьбой дать представителям компании, отправляющимся в Новую Зеландию, рекомендательные письма к губернаторам австралийских колоний, то получил ответ: «Лорд Норманди лишь теперь впервые узнал, что группа подданных его величества собралась в Новую Зеландию для покупки больших участков земли и создания там системы управления, независимого от власти британской короны. Невозможно, чтобы его лордство приняло бы какие-либо меры, которые прямо или косвенно санкционировали подобные действия». Далее в письме говорилось, что правительство не признает как полномочия агентов, которых компания пошлет в Новую Зеландию, так и законность приобретения ими земельных участков у аборигенов. «При этих обстоятельствах,— заканчивалось это послание,— лорд Норманди вынужден отказать компании в ее просьбе дать ее представителям рекомендательные письма» [68, с. 61—62].

В течение мая и первой половины июня 1839 г. британское правительство обсуждало вопрос о колонизации Новой Зеландии. В результате было принято следующее решение: направить в Новую Зеландию офицера с правами консула, первой обязанностью которого должно стать обеспечение передачи суверенитета над островами британской короне, после чего острова будут включены в состав колонии Новый Южный Уэльс, а консул возведен в ранг губернатора, действующего от имени генерал-губернатора Нового Южного Уэльса, но обладающего достаточными полномочиями, чтобы обеспечить законность и порядок в Новой Зеландии. Его ежегодное жалованье в 500 ф. ст. должно первое время выплачиваться из доходов Нового Южного Уэльса, а после введения налогов в Новой Зеландии — из местных фондов.

Тем временем Новозеландская компания, не ставя в известность правительство, 2 мая 1839 г. послала в Новую Зеландию клипер «Тори», оснащенный восемью пушками. Все участники экспедиции были вооружены на случай, если маори встретят их враждебно. Экспедицией руководил полковник Уильям Уэйкфилд, брат создателя теории «систематической колонизации».

18 августа «Тори» достиг пролива Королевы Шарлотты. Полковник Уэйкфилд как агент Новозеландской земельной компании приступил к переговорам с маорийскими вождями о покупке земли.

В сентябре он приобрел землю в Порт-Николсоне и объ-

явил права Новозеландской земельной компании на 20 млн. акров земли, расположенной от 38° до 43° южной широты на западном побережье и от 43° до 44° южной широты на восточном побережье Северного острова. 48 маорийских вождей подписали договор купли-продажи земли. Уэйкфилд отдал им за землю 200 мушкетов, 200 железных топоров, 3,2 тыс. рыболовных крючков, 276 рубашек, 92 жакета, 300 ядров хлопчатого полотна, 1 тыс. карандашей, 6 ящиков мыла, 204 зеркала и т. п. [112, с. 26].

Вскоре появились и колонисты, направленные Новозеландской земельной компанией. Уже 22 января 1840 г. снаряженный компанией корабль «Аврора» с первыми колонистами на борту подошел к Порт-Николсону. Здесь был заложен город Веллингтон. Через месяц пришли еще три корабля компании, доставив 482 колонистов.

Действия Новозеландской земельной компании заставили правительство поторопиться с присоединением Новой Зеландии к владениям Британской империи.

Осуществить это было поручено Уильяму Гобсону. Тридцатилетний Гобсон был опытным морским офицером, проявившим большие познания в навигации и личное мужество во время нелегкой службы в Средиземном море и в Вест-Индии. Не случайно именно он был послан в 1837 г. в Новую Зеландию для выяснения обстановки в стране. Сделанные им рекомендации по возвращении из плавания обратили на себя благосклонное внимание правительства. Было вполне логично, что именно на Гобсона были возложены обязанности британского консула в Новой Зеландии.

В пространных инструкциях, полученных Гобсоном от лорда Норманди, говорилось: «Мы не можем оставаться безразличными к важности Новой Зеландии для интересов Великобритании в Австралии, ни к ее богатым природным ресурсам, ни к ее выгодному географическому положению...» Далее с лицемерием, свойственным всем инструкциям буржуазных правительств относительно колониальных захватов, подчеркивалось, что, поскольку «мы признаем Новую Зеландию независимым и суверенным государством... королева ни сама, ни ее подданные не имеют каких-либо прерогатив на новозеландские острова и не включают их во владения Великобритании без согласия туземцев, выраженного в соответствии с их обычаями...»

Но, исходя из того, что выгоды аборигенов от установления над ними британской власти более чем компенсируют им потерю независимости, правительство ее величества уполномочивало Гобсона договориться с аборигенами [45, с. 10—17].

Опубликование инструкций, полученных Гобсоном от лорда Норманди, вызвало бурный протест Новозеландской компании. Особое возмущение вызвал текст инструкции, из которого следовало, что, по мнению правительства, Великобритания не име-

ет уже прав на Новую Зеландию. Один из руководителей компании, Джозеф Сомс, в письме министру иностранных дел лорду Пальмерстону писал, что Великобритания обладает суверенными правами на Новую Зеландию с тех пор, как капитан Кук в 1769 г. именем короля Георга III объявил острова собственно-стью британской короны.

Пальмерстон не стал сам отвечать Сомсу, а переслал его письмо лорду Расселлу, сменившему Норманди на посту министра колоний, а тот положил его «под сукно».

Решение британского правительства разыграть фарс с заключением договора о передаче суверенитета над Новой Зеландией Великобритании было вызвано тем, что простая ссылка на факт первооткрытия как основание на включение новозеландских островов в состав Британской империи могла быть легко оспорена другими державами, прежде всего потому, что действия Кука не были подтверждены британским правительством сразу же после того, как оно об этом узнало, а также потому, что со времени открытия Куком Новой Зеландии Англия неоднократно в официальных актах подчеркивала ее независимость и суверенитет. Британский агент в Новой Зеландии Басби был даже официально аккредитован у маорийских вождей. В 1834 г. по его инициативе был утвержден «национальный флаг племен Новой Зеландии», признававшийся Великобританией до 40-х годов XIX в. Англия не возражала против Декларации о независимости Новой Зеландии, принятой в 1835 г.

Пока в Англии шли споры о правах британской короны на Новую Зеландию, Гобсон 25 августа 1839 г. отправился из Плимута на корабле «Друид» к далеким новозеландским берегам. Капитаном корабля был лорд Джон Спенсер Черчилль, сын пятого герцога Мальборо, представитель семейства, немало потрудившегося над расширением границ Британской империи. Гобсону предстояло выполнить трудную и щекотливую миссию: установить британское господство над мужественным и вольнолюбивым народом.

В конце декабря 1839 г. Гобсон прибыл в Сидней. Он передал генерал-губернатору Нового Южного Уэльса Джозефу Джорджу Гиппсу три инструкции британского правительства. В первой говорилось о распространении власти генерал-губернатора Нового Южного Уэльса на все новозеландские территории, на которые будет распространен суверенитет британской короны; согласно второй Гобсон назначался губернатором Новой Зеландии; в третьей объявлялось, что британское правительство не признает законными приобретения земельных участков, произведенных без согласия британской королевы.

Хотя Гиппс и оказал Гобсону дружественный прием, он очень ревниво отнесся к вопросу о прерогативах губернатора Новой Зеландии. В Лондоне Гобсон так и не смог добиться от лорда

Норманди ответа на вопросы, какие конкретные права ему даются как губернатору Новой Зеландии и как будут определяться их служебные взаимоотношения с генерал-губернатором Нового Южного Уэльса. В конце концов Норманди сказал, что вся власть, необходимая для успешного выполнения поставленных перед ним задач, будет дана ему соответствующими инструкциями генерал-губернатора и законодательного органа Нового Южного Уэльса.

В Сиднее вопрос о полномочиях Гобсона решился не сразу. Вначале Гиппс заявил, что не уполномочен передать другому лицу предоставленную ему власть. В тексте привезенной инструкции, врученной Гобсоном Гиппсу, было записано следующее: «Основываясь на той власти и прерогативах, которыми обычно наделяются губернаторы колоний, я должен заявить Вам, что, хотя я сам уполномочен ее величеством выполнить их от ее имени и по ее поручению, я не обладаю властью передать исполнение их другому. Исходя из этого Ваша компетенция определяется следующим:

1. Вы не будете иметь права освобождать обвиняемых от наказания или смягчать его, но можете отложить исполнение приговора.

2. Вы не будете уполномочены отстранять от должности чиновников, назначенных непосредственно ее величеством, но можете рекомендовать мне отстранить их. В отношении лиц, назначенных мною, вы будете иметь право отстранить их от должности до моего решения, в отношении же лиц, которых Вы назначили сами, Вы будете иметь право снять их с должности...

3. В случае набора милиции то же самое должно соблюдаться в отношении назначения офицеров» [68, с. 93—94].

Гиппс назначил нескольких чиновников из своей администрации на службу в новую колонию: казначея, контролера таможи, главного топографа, судью, личного секретаря будущего губернатора, клерка.

Гобсону был выделен двадцатипушечный фрегат «Гералд» под командованием капитана Джозефа Ниаса, на котором в шесть часов вечера 18 января 1840 г. Гобсон в сопровождении указанных выше чиновников, а также шести полицейских покинул Сидней и отправился в Новую Зеландию. 29 января на рассвете «Гералд» вошел в Бей-оф-Айлендс. В одиннадцать часов утра судно бросило якорь напротив Корорареки, в 400 милях от того места, где первые колонисты Новозеландской компании, прибывшие сюда всего неделю назад, начали строить свое поселение.

Сразу же после того, как «Гералд» бросил якорь, на борт корабля поднялся Д. Басби с двумя миссионерами. Уединившись в каюте Гобсона, они обсудили предстоящие дела. Прежде всего Гобсон передал Басби письмо от британского прави-

тельства, в котором сообщалось, что его миссия как британского представителя в Новой Зеландии прекращается с прибытием Гобсона. Однако, несмотря на это неприятное для него известие, Басби немедленно согласился сотрудничать с Гобсоном и во всем ему помогать.

Гобсон попросил Басби разослать маорийским вождям приглашение явиться на встречу с новым губернатором в резиденции Басби у Уаитанги во вторник, 5 февраля, а также собрать на следующий день всех британских подданных в миссионерской церкви в Корорареке для объявления им правительственных решений о включении Новой Зеландии в состав Нового Южного Уэльса и назначении Гобсона ее губернатором. Судя по всему, Гобсон и Басби были уверены в благоприятном исходе переговоров с вождями по поводу установления британского суверенитета над Новой Зеландией, считая встречу с вождями чистой формальностью.

Басби, вернувшись на берег, составил и перевел на маорийский язык текст приглашения и разослал его вождям, входящим в конфедерацию Новой Зеландии, т. е. подписавшим в 1835 г. декларацию о независимости страны. В этом приглашении Басби не утруждал себя какими бы то ни было дипломатическими ухищрениями, а прямо сообщал, что «прибыл военный корабль с вождем на борту, назначенным королевой Англии нашим губернатором. Он хочет, чтобы все вожди конфедерации Новой Зеландии собрались во вторник на следующей неделе познакомиться с ним. Я приглашаю вас прийти к Уаитанги в мой дом» [68, с. 101].

Гобсон оставался на корабле. Он решил сойти на берег на следующий день и обставить это возможно торжественнее. Но члены его экипажа покинули корабль. Один из них, Фелтон Мэтью, оставил потомству следующее описание Корорареки, наиболее крупного поселения в Бей-оф-Айлендсе, даже называемого городом. По его словам, Корорарека представляла собой «ничтожное местечко из немногим более двадцати домов и хижин туземцев. Она расположена на узкой насыпи из гальки, отделявшей берег от болота — „тыла“ этого „города“, за которым сразу же поднимаются скалы, крутые и обрывистые, покрытые крупным папоротником и низкорослым кустарником. Земля бесплодна, и вся округа выглядит чрезвычайно жалко» [69, с. 103].

30 января пополудни проживавшие в Корорареке британцы собрались в миссионерской церкви в ожидании Гобсона.

Гобсон в нарушение инструкций Пальмерстона, в которых говорилось, что он должен высадиться в Новой Зеландии как британский консул и объявить себя губернатором лишь после заключения с маорийскими вождями договора о передаче суверенитета над страной Великобритании, решил сойти на берег сразу губернатором. С этой целью он приказал капитану «Герал-

да» дать при его спуске на берег тринадцать орудийных залпов, а не одиннадцать, как полагается консулу. Однако Ннас, который относился к Гобсону крайне неприязненно, не выполнил его приказа, и залпов было одиннадцать.

В церкви Гобсон прочитал собравшимся текст заготовленной им прокламации, объявив, что с 30 января 1840 г. приступает к исполнению обязанностей губернатора Новой Зеландии на основании королевского рескрипта от 30 июля 1839 г., назначавшего его губернатором «всех территорий, над которыми может быть установлен суверенитет ее величества, ее наследников или преемников, в пределах группы островов в Тихом океане, обычно называемых Новой Зеландией и лежащих между 34°30' и 47°10' южной широты и 166°5' и 179° восточной долготы от Гринвичского меридиана... и призвал всех подданных ее величества подчиняться и помогать ему» [68, с. 106—107].

Затем Гобсон прочитал другие документы, полученные им как от британского правительства, так и от генерал-губернатора Нового Южного Уэльса. Весьма встревожило британских жителей Корорареки сообщение о том, что британское правительство не признает законными земельные сделки, которые будут совершены без его согласия и подтверждения. «И я заявляю,— закончил свою речь, к большому неудовольствию аудитории, Гобсон,— что все приобретения земель в любой части Новой Зеландии у какого-либо вождя или туземных племен начиная с сегодняшнего дня будут рассматриваться как недействительные и не будут признаны ее величеством» [68, с. 108].

После собрания многие британцы собрались у Басби посоветоваться о положении дел. Басби сам был владельцем больших участков земли, и они рассчитывали на его благосклонное к ним отношение и совет. Басби посоветовал им рассчитывать на здравый смысл британского правительства, которое, как он уверен, не причинит им ущерба, и поэтому было бы неправильно противиться его распоряжениям. Британцы приняли совет Басби и заняли выжидательную позицию.

Утром 5 февраля маорийские вожди собрались у дома Басби, стоявшего на склоне берега р. Уаитанги, в четырех милях от впадения ее в Бей-оф-Айлендс. Переговоры начались в 9 часов утра.

Гобсон начал переговоры с вождями весьма осторожно. Он произносил витиеватые речи в духе полученных им инструкций от английского правительства, упирая в основном на те «блага», которые получает маори, перейдя под крыло мудрой и милостивейшей королевы Виктории. Говорил Гобсон по-английски, а миссионер Генри Уильямс переводил на маори. Затем Гобсон прочитал вождям текст договора о передаче Великобритании суверенитета над Новой Зеландией. Воспользовавшись наступившей паузой, выступил Басби. Обращаясь к вождям, он убеждал их, что губернатор пришел к ним не для того, чтобы

лишить их земли, наоборот, чтобы сохранить им владение той землей, которую они еще не продали. Он напомнил им, что неоднократно давал им слово: земля, приобретаемая у них незаконным способом, будет возвращена туземцам, которым принадлежала. Здесь его прервал Те Кемара, вождь племени нгати-кава, который вскочил со своего места и заговорил в свойственной маорийцам манере очень вежливо, но сильно жестикулируя. «Желаю здоровья тебе, о губернатор. Я не рад стоять перед тобой. Я не соглашусь, чтобы ты оставался в этой стране. Если ты останешься здесь как губернатор, тогда, может быть, Те Кемара будет осужден и наказан. Да, конечно, и, более того, даже повешен. Нет, нет, нет, я никогда не скажу «да», чтобы ты остался. Если бы все оставались равными, тогда, возможно, Те Кемара сказал бы «да». Но губернатор пойдет вверх, а Те Кемара — вниз. Губернатор будет все выше, выше, а Те Кемара — ниже, меньше, хуже, станет низеньким, маленьким, худеньким, согнутым. Нет, нет, нет. О губернатор! Это я говорю тебе. О губернатор, моя земля уйдет, вся уйдет. Наследство моих предков, отцов, родственников — все ушло, украдено миссионерами. Да, они имеют это все, все, все. Этот человек там, Басби, и тот человек там, Уильямс, они владеют моей землей. Земля, на которой мы сегодня стоим, — моя. Эту землю, даже эту, что под моими ногами, верни мне. О губернатор, верни мне мои земли. Скажи Уильямсу: „Верни Те Кемаре его землю“». Указывая пальцем на миссионера, Те Кемара воскликнул: «Ты, ты, ты, ты, лысый, ты поспешил забрать мои земли. О губернатор! Я не желаю, чтобы ты оставался. Вы, англичане, не добры с нами, так же как и другие чужеземцы. Вы ничего хорошего нам не дали. Я говорю: „Уходи, уходи, губернатор, мы не хотим, чтобы ты оставался в этой стране“. И Те Кемара говорит тебе: „Уходи, оставь Басби и Уильямсу улаживать и решать наши дела, как было до этого“» [68, с. 126—128].

За Те Кемарой выступил Рева, вождь племени нгаи-таваке. Он поддержал Те Кемару: «Уходи, губернатор, возвращайся в свою страну. Пусть моя земля, которая теперь у миссионеров, будет мне возвращена. У меня теперь нет земли, осталось только имя, одно имя. Чужеземцы приходят, они знают мистера Реву, но все, что мне осталось, — одно имя! Чего хочет туземец, губернатор? Мы не белые люди, не чужеземцы. Эта страна наша, но земля ушла. Но мы, губернатор, вожди этой нашей земли отцов. Я не скажу „да“, чтобы губернатор остался. Нет, нет, нет, уходи. Эта земля станет такой же, как Порт-Джэксон и все другие земли, увиденные англичанами. Нет, нет, уходи. Я, Рева, говорю тебе, о губернатор, уходи. Уведи своих людей прочь. Не подписывайте бумаги, если вы сделаете это, то окажетесь в положении рабов и вас будут заставлять разбивать камни на дорогах. У вас заберут землю, и вы перестанете быть вождями» [68, с. 128].

Следующий оратор, Мока, вождь племени патукеха, тоже выступил против подписания договора, требуя вернуть его земли, взятые британскими миссионерами и торговцами. Гобсон прервал его, сказав, что незаконно забранная земля будет возвращена и что все сделки с землей, которые были до этого совершены, станут отныне предметом специального разбирательства и будут законными только те сделки, на которые даст санкцию британское правительство.

Это заявление Гобсона Мока встретил весьма скептически. «Хорошо, о губернатор. Это сказано искренне. Но подожди, дай мне подумать. Да, да, конечно! Где Бейкер (один из миссионеров в Корорареке.— К. М.)? Где этот парень? А, вот он — там стоит. Подойди, верни мне мои земли». Все присутствовавшие смотрели на Бейкера. Мока стоял перед Бейкером и глядел на него в упор. Не ответить Бейкер не мог, и он тихо произнес на языке маори: «Мы еще посмотрим, вернуть ли земли». Услышав такой ответ, Мока закричал: «Это, это как раз то, что я говорил. Нет, нет, нет, все ложь, все ложь. Земли мне не вернут» [68, с. 128—129].

Большинство выступивших затем ораторов также призывали не подписывать договора с англичанами. Положение Гобсона становилось щекотливым. Он несколько растерялся. Увидя это, Уильямс шепнул Гобсону на ухо, что следует закрыть собрание и дать вождям три дня для принятия окончательного решения. Но тут поднялся влиятельный на севере Новой Зеландии вождь Хоне Хеке, зять знаменитого Хонги Хика, и предложил подписать договор. Его выступление вызвало возгласы возражения со стороны других вождей. Поднялся шум. В это время на собрание прибыл Томати Ваака Нене, вождь из Хокианги. Он много лет назад был обращен в христианство и принял имя Томаса Уокера.

Англичане могли не сомневаться в его лояльности. Его речь являла собой панегирик деятельности британцев в Новой Зеландии; он призывал вождей подписать договор. После него опять выступил Те Кемара. Обращаясь к Гобсону, он кричал: «Нет нет. Кто сказал — оставайся? Уходи, возвращайся в свою страну. Я хочу получить назад мои земли. Если ты скажешь: „Верните этому человеку, Те Кемара, его землю“, тогда будет хорошо. Дай нам всем жить. Тогда, о губернатор, оставайся. Но губернатор высок, а Те Кемара — маленький, слабый! Нет, нет, нет. Кроме того, где ты будешь жить? Здесь нет для тебя места» [68, с. 146].

День уже клонился к вечеру. Один из вождей сказал Гобсону: «Дай нам время подумать. Мы поговорим между собой, посоветуемся и тогда уже решим, подписывать ли договор» [68, с. 147]. Гобсон согласился и перенес продолжение обсуждения договора на 7 февраля, предоставив вождям день на его рассмотрение.

Но миссионеры считали решение Гобсона неправильным. По их мнению, собрание надо было провести на следующий день, т. е. 6 февраля, не дав вождям времени на обсуждение договора. К тому же они знали, что вожди приехали спешно по вызову Басби и не захватили с собой достаточно провизии. Когда у них кончится еда, они, и в этом миссионеры не сомневались, немедленно уйдут и благоприятная возможность собрать их подписи будет упущена.

Утром 6 февраля миссионеры со станции в Паихиа прибыли к Уаитанги.

Гобсон находился на борту «Гералда», ничего не подозревая о затее миссионеров. Получив сообщение об их прибытии, Гобсон немедленно сошел на берег. Вождям было объявлено, что официального заседания не будет, но тот, кто хочет подписать договор, может это сделать. Никто из вождей не двинулся с места. Тогда Басби начал выкликать их по имени. Он заранее подготовил список присутствующих вождей, внося в него прежде всего имена вождей, лояльно относящихся к договору. Первым Басби назвал Хоне Хеке, который поддержал Гобсона. Хоне Хеке направился к столу, на котором лежал договор, чтобы подписать его. Но тут выступил один из миссионеров — У. Коленсо, обратившись к Гобсону с вопросом, понимают ли туземцы статьи договора, которые они призваны подписать. Это было совершенно неожиданно для Гобсона и его окружения. Гобсон ответил, что он сделал все, чтобы вожди поняли текст документа, прослушав его в переводе Г. Уильямса. «Это правда,— ответил Коленсо,— но туземцы по своему мышлению совсем дети. Для них непростое дело понять документ такого рода... Я говорил с несколькими вождями относительно договора и обнаружил, что они не поняли смысла договора». Тут вмешался Басби, сказавший, что лучшим ответом на вопрос Коленсо являются слова, произнесенные вчера Хоне Хеке: «Туземцы не способны понять этих вещей; они должны довериться совету своих миссионеров». — «Именно это я и хочу сказать,— отвечал Коленсо.— Миссионеры должны разъяснить туземцам этот документ всесторонне, так, как если бы это было их собственное дело. Тогда, если в будущем туземцы будут возмущаться, они не смогут сказать миссионерам: „Вы советовали мне подписать эту бумагу, но не объяснили мне, что она означает“».

Гобсон ответил, что он не ожидает подобной реакции. «Я думаю,— сказал он,— люди, о которых вы заботитесь, будут достаточно миролюбивы. Я уверен, вы постараетесь сделать их такими» [68, с. 154—156].

Коленсо замолчал, вполне удовлетворенный ответами Гобсона. По-видимому, он затеял весь этот разговор просто для очистки совести.

Хоне Хеке подошел к столу и первым поставил свою подпись под договором. Затем, как бы отвечая Коленсо, он заявил, что

маори полностью поддерживают договор, поскольку все они нуждаются в защите от внешнего врага и хорошо знают доброту и заботу о них королевы Виктории.

После Хоне Хеке вожди один за другим подходили и подписывали договор. Всего за 6 февраля под договором было поставлено 43 подписи. Однако большинство из подписавшихся были вождями небольших племен, проживавших в основном в районе Бей-оф-Айлендса. Таким образом, сколько-нибудь достаточного представительства даже от племен Северного острова не было. Но поскольку 26 из них в свое время подписали Декларацию о независимости Новой Зеландии, Гобсон решил, что собранных подписей вполне достаточно для объявления суверенитета Великобритании над всей страной. Он приказал капитану Ниасу дать в ознаменование этого события двадцать один залп из пушек «Гералда». В это время Коленсо по распоряжению Гобсона раздавал вождям подарки. Каждый из них получил по два одеяла и несколько пачек табаку.

Над Корорарекой взвился британский флаг.

Надо отметить, что договор был составлен так ловко, что мог сбить с толку и более опытных людей, чем простодушные маори.

В статье I весьма кратко говорилось о передаче суверенных прав над островами английской королеве. Зато в статье II великодушно и довольно широко толковалось о том, что «ее величество королева Англии подтверждает и гарантирует вождям и племенам Новой Зеландии, а также соответственно их семьям и отдельным лицам этой страны право полного, исключительного и неотъемлемого владения их землями, имуществом, лесами, рыбными богатствами и другой собственностью, которой они могут владеть коллективно или индивидуально до тех пор, пока у них будет на то воля и желание». Согласно статье III «ее величество королева Англии распространила на туземцев Новой Зеландии свою королевскую протекцию и предоставляла им все права и привилегии британских подданных» [68, с. 360—361].

После встречи у Уаитанги Гобсон и его чиновники поехали по стране собирать подписи вождей, не принявших участия в этой встрече. Сбор подписей занял несколько месяцев. 17 июня 1840 г. была поставлена последняя подпись.

Говорят, что книги, как и люди, имеют свою судьбу. Свою судьбу имеют и международные договоры.

Какова же судьба договора у Уаитанги? Долго об этом толком ничего не знали. Вероятно, и очень мало интересовались.

Но вот спустя 114 лет после подписания договора газета «Нью Зиланд листенер» в номере от 3 сентября 1954 г. сообщала читателям: «Изъеденный крысами подлинник договора у Уаитанги был найден в буфете в правительственном здании в Веллингтоне» [60, с. 16].

Ловкие действия Англии вызвали откровенную злобу у ее соперников — Франции и Соединенных Штатов Америки.

Правительство Луи Филиппа в течение двух лет отказывалось признать захват англичанами Новой Зеландии, но, видя, что практически ничего нельзя сделать, сочло благоразумным начать переговоры с Англией об охране коммерческих интересов французских предпринимателей на островах.

Тем временем создалась напряженность в отношениях между англичанами и французами в самой Новой Зеландии. Компания «Нант-Бордо» создала в 1839 г. французское поселение в Акароа на Южном острове. Компания была достаточно влиятельная, чтобы заставить французское правительство не только оказать финансовую помощь строительству поселения, но и послать военный корабль для его защиты. С этой целью в Новую Зеландию был отправлен фрегат «Об» под командованием капитана Лаво. Последний получил инструкции, в которых ему поручалось только установить французский флаг в Акароа, показав тем самым, что земля в том районе куплена у маори и принадлежит компании «Нант-Бордо». Лаво не давалось поручений объявлять французский суверенитет ни над Южным островом, ни тем более над всей Новой Зеландией. Но вместе с тем французское правительство рассматривало поселение в Акароа как трамплин для дальнейших французских поселений в Новой Зеландии. Так, морской министр адмирал Дюперре называл Акароа «местом сотворения» торговых факторий и китобойных станций в Новой Зеландии. Но французское правительство не имело определенного плана колониального захвата Новой Зеландии.

10 июля 1840 г. «Об» бросил якорь в Бей-оф-Айлендсе. Здесь капитан Лаво узнал об объявлении британского суверенитета над Новой Зеландией. Это обстоятельство ставило его в весьма сложное положение. Прямое исполнение им инструкций о поднятии французского флага в Акароа могло привести к войне с Великобританией. Поэтому Лаво решил разузнать все поподробнее, прежде чем ссориться с англичанами. Он попросил встречи с Гобсоном, который находился в местечке Окиато, переименованном англичанами в Расселл, в честь лорда Джона Расселла, ставшего в то время министром колоний. Расселл был расположен в трех милях к юго-западу от Корорареки. В начале своей губернаторской деятельности Гобсон выбрал это местечко для столицы.

Встреча состоялась 20 июля и длилась несколько часов. Лаво познакомился с договором у Уайтанги и с текстом прокламации Гобсона, объявлявшей британский суверенитет над Новой Зеландией. Французский капитан заявил, что будет уважать права англичан, и поинтересовался, разрешат ли французским поселенцам «занимать без каких-либо осложнений землю, на ко-

торой те живут и которую обрабатывают». Гобсон ответил утвердительно.

Беседа была как будто бы дружественной. Но после нее оба ее участника почувствовали, что проблемы не разрешены. Лаво понимал, что в данных условиях поднимать французский флаг в Акароа — значит нарушить мир между Францией и Англией. Брать на себя ответственность за это он не мог, поэтому решил связаться с адмиралом Дюперре и получить его указания. Гобсон, хотя и был доволен искренностью француза, но решил показать ему, что установление британского суверенитета над Новой Зеландией не пустая формальность. Поэтому он решил послать двух судей на десятипушечном шлюпе «Бритомарт» под командованием капитана О. Стэнли в Акароа, дав им инструкцию создать местный суд. Создание британского суда явилось бы наглядным актом осуществления власти Великобритании в Новой Зеландии.

23 июля «Бритомарт» покинул Бей-оф-Айлендс. «Об» продолжал стоять на якоре в заливе. Лаво знал, что «Бритомарт» уходит в плавание. Секрета из этого англичане не делали. Но они сказали французскому капитану, что судно уходит в Порт-Николсон, а не в Акароа. Правда, Стэнли, подружившийся с Лаво, сказал ему, что, возможно, они еще встретятся в Акароа, куда он надеется зайти.

Погода не благоприятствовала Стэнли, и он привел свой корабль в Акароа лишь 10 августа. На следующий день было объявлено о создании британского суда и поднят «Юнион Джек».

Тем временем «Об» продолжал стоять в Бей-оф-Айлендсе. Галантный Лаво ежедневно посылал миссис Гобсон к завтраку французские булочки. 27 июля «Об» покинул наконец Бей-оф-Айлендс и взял курс к Акароа. Благоприятный ветер помог французам достичь Акароа 11 августа, т. е. лишь на день позже англичан. От капитана французского китобойного судна, стоявшего у Акароа, Лаво узнал о прибытии «Бритомарта», но не стал ссориться со Стэнли, а лишь слегка пожурил его за обман.

17 августа к Акароа подошел французский корабль «Конт де Ларк», на борту которого находились колонисты из Франции. Это обострило обстановку. Французские колонисты были уверены, что прибыли на землю, находившуюся под суверенитетом Франции. Британские судьи в Акароа утверждали, показывая прокламацию Гобсона, что вся территория Новой Зеландии находится под властью Великобритании. Колонисты требовали от Лаво решительных действий, в частности поднятия французского флага в Акароа в подтверждение принадлежности этой территории Франции. В результате переговоров Лаво с Гобсоном была достигнута договоренность об установлении статус-кво, т. е. сохранения фактически создавшегося положения. Гобсон согласился опустить британский флаг в Акароа и подтвердил, что не будет ущемлять права французских колони-

стов на приобретенные компанией «Найт-Бордо» земельные участки, а Лаво, в свою очередь, обещал уважать суверенные права Великобритании на Новую Зеландию и не поднимать французского флага в Акароа. Гобсон и Лаво условились выполнять эту договоренность до получения дальнейших указаний от своих правительств.

Но в октябре 1840 г. главный судья в Акароа Робинсон заявил о намерении поднять «Юнион Джек» над Акароа. Опять возникла напряженность в отношениях между англичанами и французами. На этот раз Лаво послал письмо Гобсону, в котором содержались прямые угрозы начать военные действия, если Робинсону не будут даны указания свято выполнять достигнутую ранее договоренность. Гобсону пришлось дать соответствующие указания Робинсону.

Лишь в 1846 г. были получены из Парижа инструкции местным французским представителям полностью признать суверенитет Великобритании над всеми частями Новой Зеландии.

В конце 1840 г. правительство США через своего посла в Лондоне сообщило британскому министерству иностранных дел, что хотя оно и «безразлично к обстоятельствам территориального приобретения», но выступает решительно против любой попытки ущемить основанные на праве или обычае привилегии американских кораблей, посещающих новозеландские порты [66, с. 103].

На это Пальмерстон возразил, что на расстоянии трех миль от новозеландских берегов рыболовство теперь будет разрешаться исключительно судам, принадлежащим британским подданным.

В течение трех лет правительство США не признавало захвата Англией новозеландских островов и не запрашивало экскватуры для своего консула в Новой Зеландии. Но в конце концов и Соединенные Штаты были вынуждены смириться с неприятным, но неумолимым фактом.

В конце 1840 г. королевским указом Новая Зеландия была превращена в отдельную, независимую от Нового Южного Уэльса коронную колонию Англии. В указе говорилось, что три главных острова — Северный, Южный и Стьюарт — будут называться Новый Ольстер, Новый Манстер, Новый Ленстер.

Гобсон назначался губернатором колонии, были созданы законодательный и исполнительный советы, а в 1841 г. — суд по земельным спорам и департамент по делам аборигенов, главная задача которого — наблюдение за совершением земельных сделок. Были установлены должности секретаря колонии, генерального прокурора и казначея. Столицу новой колонии выбрали не сразу. Летом 1840 г. приехавший в Бей-оф-Айлендс полковник Уэйкфилд склонял Гобсона основать свою резиденцию в Порт-Николсоне, где сосредоточивались поселения колонистов Новозеландской земельной компании. Но Гобсон отказался.

Сначала, как указывалось выше, он выбрал Окиато, а затем переехал в другое селение у р. Хонианги, назвав его Черчиллем, в честь упоминавшегося нами капитана «Друида». В марте 1841 г. Гобсон перенес свою резиденцию в селение, названное им Окленд, в честь Джорджа Окленда — генерал-губернатора Индии. Гобсон испытывал благодарность к Окленду за то, что тот, будучи первым лордом адмиралтейства, помог ему стать капитаном корабля. Город Окленд оставался столицей Новой Зеландии до 1865 г.

Договор у Уаитанги, закрепивший господство Англии в Новой Зеландии, обеспечивал британским колонистам поддержку и защиту самой могущественной в то время мировой державы. Поэтому поток колонистов увеличивался буквально с каждым месяцем. Так, в Порт-Николсоне, позднее переименованном в Веллингтон, число поселенцев через несколько месяцев после заключения договора достигло тысячи человек. Всего за десятилетие (1842—1852) британское население в Новой Зеландии выросло с 10,9 тыс. до 18,2 тыс. человек. Если взять наиболее крупные селения того времени: Веллингтон, Окленд, Нельсон, Нью-Плимут, Расселл, Акароа, то их население выросло за указанное десятилетие соответственно (в тыс. человек): с 3,8 до 5,9; с 2,9 до 9,2; с 2,5 до 4,6; с 0,9 до 1,5; с 0,3 до 0,4; с 0,2 до 0,5 [112, с. 36].

Большинство колонистов были посланы Новозеландской земельной компанией. В период 1840—1848 гг. их насчитывалось около 10 тыс. человек.

Основными видами земледелия были производство пшеницы и картофеля. Земельная площадь под посевы этих культур стремительно росла. Так, в Окленде, Нью-Плимуте и Веллингтоне площадь под посевами пшеницы и картофеля за 1842—1852 гг. возросла соответственно с 96 до 4,5 тыс.; с 68 до 1,8 тыс.; с 512 до 1,1 тыс. акров [112, с. 44]. Но этот рост мог быть значительно больше, если бы все лица, приобретающие земельные участки, действительно их обрабатывали. Но как раз для большинства лиц, приобретавших землю, последняя была лишь предметом спекуляций. Примером этого может служить положение дел в крупнейших британских поселениях Новой Зеландии. В Веллингтоне Новозеландская земельная компания продала в 40-х годах 1000 участков по 100 акров каждый, 595 из них было куплено лицами, которые и не собирались заниматься сельским хозяйством. В Нельсоне было продано 432 участка по 150 акров, из них 352 попали в руки лиц, которые не собирались на них трудиться. В Нью-Плимуте было продано 11,3 тыс. акров земли, из которых половина не обрабатывалась. К 1851 г. в Нельсоне из 440 тыс. акров земли, проданной компанией, не обрабатывалось 320 тыс. Поселенцы Нельсона даже потребовали от Новозеландской земельной компании приостановить продажу земли таким людям [98, с. 137, 321; 63, с. 229—240].

В 1847 г. компания приняла решение предоставить землевладельцам дополнительно 75—150 акров на каждые 100 акров находящейся у них земли. В результате лица, занимавшиеся сельским хозяйством в Веллингтоне, Нельсоне и Нью-Плимуте, получили 76 тыс. акров, а не занимавшиеся — 121,1 тыс. акров [98, с. 146].

Необходимо отметить, что британских переселенцев в Новой Зеландии, избравших своей специальностью сельское хозяйство, было немного. Так, в Веллингтоне в 1843 г. из почти 2 тыс. поселенцев в сельском хозяйстве было занято 424, а в Окленде в 1845 г. из 624 поселенцев лишь 73. В 1848 г. из 4,8 тыс. поселенцев в Веллингтоне сельским хозяйством занимались 147 человек, а в Окленде в 1851 г. — из 8,9 тыс. 316. Подобная ситуация была характерна для всех британских поселений в Новой Зеландии [112, с. 43, 60]. Британские переселенцы были заняты в основном в учреждениях колониального управления, торговле, ремеслах, транспорте.

Европейские колонисты зависели от маори в отношении продовольствия. Маори снабжали их свининой, бататом, картофелем, фруктами, рыбой и т. д. Так, Окленд снабжали племена, которые жили в районе залива Хаураки и привозили продукты в город на лодках. В 1852 г., например, в Оклендской гавани побывало около 1,8 тыс. лодок [78, с. 449]. С 1845 г. маори начинают быстро осваивать европейские методы сельскохозяйственного производства. Они приобретают у колонистов лошадей, сельскохозяйственные орудия, строят мельницы.

В 40-х годах в Новой Зеландии начинает развиваться скотоводство. Быстро растет поголовье овец, крупного рогатого скота, лошадей. Когда колонисты Новозеландской земельной компании в 1840 г. впервые высадились в Новой Зеландии, мясо, говядина и баранина были «предметами» роскоши. Овец вообще не было. Один из ранних колонистов писал, что «в Веллингтоне только одна корова» [71, с. 140]. В 1850 г. в Веллингтоне уже было 42,7 тыс. овец, 8,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 800 лошадей, в Нельсоне, Нью-Плимуте, Окленде и Расселле — соответственно 7,1 тыс., 5,1 тыс., 500; 1,9 тыс., 1,2 тыс., 600; 3,3 тыс., 7,1 тыс., 700; 2,3 тыс., 1,6 тыс., 200 [112, с. 47].

В 40-х годах в Новой Зеландии начинается банковская деятельность. Свои отделения в крупнейших британских поселениях открывают Объединенный банк и Новозеландская банковская компания.

В период 1841—1852 гг. новозеландский внешнеторговый оборот вырос почти в 3 раза: с 151,1 тыс. до 506 тыс. ф. ст. Предметами вывоза были лен, смола сосны каури, зерно, китовый жир, сало, лес и шерсть, которая начала экспортироваться из Веллингтона в 1846 г. Большую часть льна и смолы сосны каури давали маори. Они же производили в больших количествах зерно в Окленде, Таупи, районах залива Пленти, Вел-

лингтона и Кентерберри. Как европейцы, так и маори занимались продажей леса. Экспорт за 1841—1852 гг. увеличился с 17,7 тыс. до 146 тыс. ф. ст.

В европейских поселениях началось производство в небольших количествах муки, пива, одежды, свечей, веревок, кожи, мыла, кирпичей, кроме того, здесь развернулась добыча железа, угля, свинца, марганца, соли; наладилось строительство небольших судов. Но всего этого не хватало, и приходилось ввозить из других стран. Импорт за 1841—1852 гг. вырос с 133,4 тыс. до 360 тыс. ф. ст. [112, с. 57].

Новозеландские товары вывозились в основном в британские колонии в Австралии и в Англию. Так, в 1852 г. в Австралию было вывезено товаров на 101 тыс. ф. ст., а в Англию — на 40,5 тыс. ф. ст. Эти же страны были главными поставщиками товаров в Новую Зеландию. В 1852 г. из Англии и Австралии было вывезено товаров соответственно на сумму 204,1 тыс. и 145,6 тыс. ф. ст. [112, с. 57].

Уже в 1840 г. уровень австрало-новозеландской торговли вырос в 2 раза по сравнению с 1839 г. В 1840 г. была создана Пароходная компания Нового Южного Уэльса с капиталом 50 тыс. ф. ст. для осуществления пароходного сообщения через Тасманово море. В Лонсестоне (Тасмания) в том же году возникла компания по производству маиса и свинины в Новой Зеландии. В 1842 г. в Сиднее образовалась компания по разработке новозеландской медной руды. В следующем году около 100 т медной руды было отправлено в Сидней для дальнейшей транспортировки в Англию [120, с. 154].

С ростом внешнеторговых операций увеличилось число судов, заходивших в новозеландские порты. Если в 1841 г. в главных портах страны побывало 178 судов грузоподъемностью 37,9 тыс. т, то в 1852 г. — 402 судна грузоподъемностью 112,2 тыс. т [120, с. 40, 58].

Новозеландская земельная компания теперь старалась вести свои дела в тесном контакте с британским правительством, оказывая помощь правительственным агентам в полном и скорейшем осуществлении эффективной оккупации островов. «Я хочу обратить Ваше внимание,— писал полковнику Уэйкфилду секретарь компании,— на большое желание дирекции, чтобы Вы и все служащие компании делали все возможное для обеспечения успеха миссии капитана Гобсона, с тем чтобы он, как представитель ее величества, смог скорее установить власть Британии и применение английского права не только в поселениях компании, но и повсюду на островах Новой Зеландии» [64, с. 261]. До отъезда в Новую Зеландию каждый из колонистов получал от компании соответствующие инструкции о поддержке представителя королевы в Новой Зеландии.

В свою очередь, и королевский представитель старался не ущемлять интересов британских колонистов.

Но Гобсон губернаторствовал недолго. 10 сентября 1842 г., за полмесяца до своего сорок девятого года рождения, он умер в основанной им столице.

Характерной чертой колонизаторских идей Э. Уэйкфилда было то, что он рассматривал территорию Новой Зеландии как своего рода *tabula rasa*. Он считал, что земля и все ее плоды должны принадлежать британцам.

Соответствующим образом были настроены и колонисты. Они смотрели на маори как на «грязных дикарей», как на нечто среднее между человеком и животным. Весьма популярна была теория о неспособности маори приобщиться к цивилизации, всячески распространяемая в тогдашней новозеландской прессе. Так, газета «Окленд экземинар» в номере от 7 сентября 1859 г. писала, что «природа маори не может быть цивилизована согласно представлениям пакеха о цивилизации» [118, с. 7]. В первой «Истории Новой Зеландии», написанной военным врачом А. Томсоном, утверждалось, что головы маори меньше, чем головы англичан, и что поэтому умственное развитие маори значительно ниже. «Умственная лень на протяжении многих поколений привела к уменьшению размеров мозга», — убежденно заключал Томсон [118, с. 8].

Стереотипной была характеристика маори как грязных лентяев. Один из ранних поселенцев писал, что маори так ленивы, что «белым приходится уговаривать их сделать для них какую-нибудь мелочь», и так корыстны, что ничего не сделают для европейских поселенцев, «не получив взамен намного больше» [118, с. 7].

Подобные высказывания звучат в данном случае особенно цинично, ибо значительное время после возникновения в Новой Зеландии европейских поселений маори, по сути дела, кормили высокомерных пришельцев. К тому же последние в массе своей отнюдь не были людьми высокой культуры. Наоборот, цивилизация лишь коснулась их. Достаточно сказать, что в 1857 г. четверть колонистов не умела читать.

Колонизаторы считали, что у маори нет такого чувства, как любовь к родине, третировали их как злобных и трусливых лентяев. Они не допускали мысли о возможности существования сложного духовного мира у этого древнего народа.

Однако поначалу пришельцев было сравнительно мало, и им волей-неволей приходилось считаться с довольно многочисленным коренным населением.

Как мы уже говорили, англичане начали скупать земли, принадлежавшие маори, с конца 30-х годов XIX в. То, что англичане хотели приобрести земли, это понятно, но почему маори с такой легкостью шли на подобные сделки, особенно учитывая их всегдашнюю настороженность к пришельцам, вызывает недоумение.

Это станет понятным, если мы хотя бы очень кратко остано-

вися на системе землевладения и землепользования, существовавшей у маори. Маори не знали личной собственности на землю. Никто из них не мог сказать о каком-либо участке земли, что он принадлежит именно ему. Земля принадлежала племени. Племя же приобретало права на нее либо путем завоевания у другого племени, либо в результате первоначальной оккупации. Никто из членов племени, включая вождя, не имел права отчуждения земли, и до прихода европейцев маори и в голову не приходила сама возможность таких сделок.

Когда же пришли европейцы и стали предлагать за землю всякие соблазнительные вещи, и в первую очередь мушкеты, вожди охотно заключали сделки, простодушно считая, что все равно земля останется у них. Потом они поняли, чем грозят эти сделки их народу. Но к этому времени они достаточно вкусили блага цивилизации, и многие из вождей уже не могли остановиться. Они продолжали распродавать землю втайне от членов племени.

Что касается покупателей земли, в тот период главным образом агентов Новозеландской земельной компании, то они использовали в своих коммерческих делах с маори весь арсенал методов, накопленных европейскими торговцами в течение столетий. Здесь были и подкуп, и обман, и лесть, и запугивание. Одним из мастеров своего дела был агент компании Маклин. Он выработал собственные приемы. В письме к губернатору колонии Джорджу Грею он, например, писал: «Я уверен, что при переговорах с туземцами мы сумеем произвести значительно большее впечатление, если сможем показать им предлагаемую сумму, дать потрогать деньги; во время обсуждения сделки это производит магическое воздействие на их решение» [118, с. 54].

Купив 40 тыс. акров земли за 2 тыс. ф. ст., Маклин писал Дж. Грею: «Я сказал вождям, что считаю цену слишком высокой, чтобы губернатор мог ее одобрить, и в этом случае они должны будут дать дополнительный участок земли до того, как я подвергнусь обвинению в чрезмерно высокой цене на землю» [118, с. 55].

При заключении одной из сделок ему удалось вместо требуемых маори 4,5 тыс. ф. ст. вручить им всего 1,5 тыс. ф. ст., и Маклин записал с удовлетворением в своем дневнике: «Благодарю бога за его помощь и руководство в этом деле» [118, с. 55].

Все больше и больше самой плодородной земли переходило к английским дельцам. Народ маори вступал в тяжелый период своей истории. Разобщенные и измученные годами кровавой межплеменной вражды, провоцируемой и разжигаемой колонизаторами, тысячами гибнувшие от болезней, завезенных европейцами, маори все с большей остротой ощущали себя обманутыми и обворованными: у них отнимали их родную землю, и отнимали те люди, которые призывали их верить в милосердие Христа.

Но несчастья не сломили волю маленького народа. Напротив, в это тяжелое время начали проявляться все с большей силой те природные качества маори, существование которых упорно не хотели замечать британцы: смелость, решительность, патриотизм, готовность к самопожертвованию. Маорийские племена все больше и больше ощущали себя единым народом, способным бросить вызов самой могущественной державе мира. Уже вспыхивали зарницы, предвестницы долгой и кровавой грозы.

Англичане же все прочнее располагались в новой колонии. В 1847 г. британское правительство произвело реорганизацию управления Новой Зеландией. Последняя была разделена в административном отношении на две провинции — Новый Ольстер и Новый Манстер, каждая из которых управлялась губернатором и имела законодательный орган, состоявший из двух палат — Палаты представителей и Законодательного совета. Колония в целом управлялась главным губернатором и также имела законодательный орган из палаты представителей и Законодательного совета. Тогда же был изменен статус новозеландских земель. Было установлено, что вся земельная площадь, кроме тех участков, на которые после договора у Уаитанги было признано право собственности маори, становилась землями короны, т. е. землями, принадлежавшими британскому государству. Поэтому были запрещены какие-либо сделки с маори на покупку земли. Продажа земли становилась прерогативой британских колониальных властей.

Британские колонисты все настойчивее требовали расширения прав органов местной власти и управления, установления органов самоуправления. Это нашло поддержку в министерстве колоний, когда во главе его стоял Гладстон. В 1846 г. он объявил свой основной принцип: в каждой колонии должны существовать органы управления. Реформа 1847 г. была первым шагом в этом направлении. Вторым шагом был акт британского парламента 1852 г., который изменил систему управления Новой Зеландией.

Создавалось шесть провинций — Окленд, Таранаки, Веллингтон, Нельсон, Кентерберри и Отаго. Законодательным органом колонии являлась Генеральная ассамблея, состоявшая из двух палат — верхней палаты, называвшейся Законодательным советом, куда входило не более 10 членов, назначавшихся пожизненно британским монархом, и нижней — Палаты представителей, состоявшей из не менее 24 и не более 42 членов, избравшихся на пять лет всеобщим голосованием.

В провинциях были созданы однопалатные советы, состоявшие из не менее девяти членов, избравшихся населением провинции на четыре года.

Избирательные права были предоставлены мужчинам старше 21 года, которые обладали в течение последних шести ме-

еще собственностью стоимостью 50 ф. ст. и арендовали в течение трех лет имущество стоимостью 10 ф. ст.

Высшая исполнительная власть в колонии находилась в руках губернатора — председателя Генеральной ассамблеи. В провинциях администрацию возглавляли суперинтенданты, председательствовавшие в местных советах.

К компетенции Генеральной ассамблеи были отнесены вопросы, связанные таможенным регулированием, денежным обращением, банковским делом, судопроизводством, уголовным и брачным законодательством, землями короны и аборигенов. Генеральная ассамблея имела право создавать новые провинции в Новой Зеландии и осуществлять контроль за деятельностью их советов.

Провинциальные советы контролировали систему образования, полицию, строительство дорог и портов и т. д. Практически в руках провинциальных советов сосредоточилась значительно большая власть, чем предусматривалось в Акте 1852 г.

В 1856 г. было сформировано первое правительство колонии во главе с Генри Севеллом. Оно отчитывалось перед Генеральной ассамблеей за ведение всех дел, только отношения с коренным населением оставались в компетенции губернатора колонии.

Глава III

АНГЛО-МАОРИЙСКИЕ ВОЙНЫ

В 1843 г. колонисты, находившиеся в основанном Новозеландской земельной компанией поселении Нельсон на Южном острове, решили, как это было в обычаях того времени, расширить границы своих участков за счет района Уаирау, тянувшегося на 50 миль на восток. Представитель компании в Нельсоне Артур Уэйкфилд, еще один брат Эдварда Уэйкфилда, поддержал колонистов.

Несмотря на то что полковник Уэйкфилд «приобрел» эту землю для компании, вожди племени нгатитоа, жившего в юго-западной части Северного острова, Те Раупараха и Те Рангихазата продолжали считать ее собственностью племени. Поэтому, узнав о намерениях колонистов Нельсона разделить между собой земли в районе Уаирау, они немедленно отправились к А. Уэйкфилду и заявили, что считают документ о продаже земли компании недействительным. Кроме того, они потребовали удаления оттуда представителей колонистов, прибывших для раздела земли. Но Уэйкфилд твердо стоял на том, что сделка остается в силе и земля является собственностью компании.

Тогда Те Раупараха и Те Рангихазата решили своими силами не допустить раздела земли. Прежде всего они уничтожили все знаки раздела земли, сделанные британскими «землеустроителями», а затем сожгли и их жилища. При этом маори считали, что поступают по закону, так как материал для сооружения этих жилищ взят на их земле и поэтому тоже является их собственностью.

Узнав о действиях вождей, А. Уэйкфилд решил применить «добрые» английские законы против этих, как он выразился, «странствующих драчунов» [87, с. 70].

По его наущению один из колонистов, участвовавший в разделе земли, обратился в магистрат Нельсона с требованием наказать обоих вождей за то, что они сожгли его жилище. Магистрат вынес решение об аресте вождей. А. Уэйкфилд с группой колонистов в пятьдесят человек направился в Уаирау, чтобы произвести арест. Однако и Те Раупараха, и Те Рангихазата решительно отказались признать законность решения магистрата и

попросили пришельцев покинуть их владения. «Я стою на своей собственной земле,— сказал Те Рангихаэата британцам,— я не поеду в Англию спорить с вами» [87, с. 71].

Тогда колонисты, примкнув штыки к своим ружьям, двинулись на маори. Один из британцев выстрелил и убил Те Ронга — дочь Те Раупараха и жену Те Рангихаэата. Маори, которые тоже были вооружены, открыли ответный огонь. В завязавшейся схватке было убито 27 англичан, среди них и А. Уэйкфилд. Маори потеряли четырех человек.

Но основные события развернулись на крайнем севере страны, где жило племя нгапухи. Одним из главных его вождей был Хоне Хеке. После заключения договора у Уаитанги в Корорареке на холме Маики как знак британского господства над Новой Зеландией был поднят английский флаг.

Маори, которых англичане с особым остервенением теснили на севере, где земли были наиболее пригодны для земледелия, сосредоточили свою ненависть на этом символе своего унижения.

В июле 1844 г. Хоне Хеке, к тому времени сильно изменивший свое отношение к англичанам, придя со своими людьми в Корорареку, спустил британский флаг и срубил флагшток.

Он открыто заявил англичанам, что будет бороться с ними.

Губернатор Фицрой, назначенный на этот пост через год после смерти Гобсона, узнав о событиях в Корорареке, попросил правительство Нового Южного Уэльса немедленно прислать войска. В ответ на его просьбу в августе 1844 г. 170 солдат с двумя пушками высадились в Бей-оф-Айлендсе.

Но это не испугало Хоне Хеке. 10 января 1855 г. британский флаг был спущен и флагшток срублен во второй раз. Фицрой приказал поставить новый столб для флага, но и он был срублен на следующую же ночь.

Губернатор решает тогда разделаться с непокорным маорийским вождем. Он вновь обращается за военной помощью к Новому Южному Уэльсу, и две роты численностью 207 человек направляются в Новую Зеландию. Пока они прибыли, маори еще трижды срубали флагшток. Вновь установив флагшток, англичане приняли все меры для защиты его от маори. Холм Маики был окружен британскими солдатами, установлены пушки, построены укрепления. Но эти грозные приготовления несколько не устрасили храбрых и искушенных в военном искусстве маори.

В ночь на 11 марта 1845 г. Хоне Хеке во главе отряда в 200 человек скрытно подошел к блокгаузу на холме Маики, где находились солдаты охраны. В 4 часа утра, когда солдаты с их командиром Е. Кэмпбеллом ушли копать окопы и в блокгаузе осталось лишь четверо часовых, маори напали на них, без труда захватили блокгауз и прочно укрепились в нем. Когда Кэмпбелл узнал, что произошло, он уже не мог выбить маори оттуда.

да. Более того, открыв огонь, маори вынудили британцев очистить холм. И Хоне Хеке снова срубил ненавистный столб.

Пока Хоне Хеке и его отряд сражался с англичанами на холме Маики, другой отряд под командованием престарелого вождя Кавити атаковал Корорареку. Завязался упорный бой с солдатами и моряками с кораблей, стоявших на рейде в Бей-оф-Айлендсе. Понесся большие потери, враждующие стороны заключили перемирие. Британцы поспешно эвакуировали семьи колонистов, отправив их на своих и американских судах в Окленд. 12 марта, видя, что город опустел, маори покинули Корорареку.

Англичане были всерьез напуганы. Окленд готовился к отражению возможного нападения маори. Была организована милиция из колонистов. Прибывали все новые контингенты британских войск из Нового Южного Уэльса. В мае английские войска численностью 500 человек выступили из Бей-оф-Айлендса в свой первый поход в глубь новозеландской территории. С ними было несколько маорийских вождей, перешедших на вражескую сторону.

Теперь маори должны были защищаться. И они неожиданно для англичан показали высокое мастерство в длительной обороне, не уступавшее их искусству внезапных и стремительных атак. Основой обороны маори были па.

Одной из таких па была родная деревня Хоне Хеке — Пуке-туту. Когда английские войска подошли к ней, подполковник Халм, командующий экспедицией, приказал немедленно атаковать и захватить деревню. Но, потеряв к концу дня 50 человек, англичане были вынуждены отказаться не только от захвата этой деревни, но и вообще от продолжения кампании.

Лишь по прибытии нового отряда из 209 солдат во главе с полковником Деспардом губернатор Фицрой решил на возобновление военных действий. На этот раз англичане выступали следующими силами: 500 солдат, 18 моряков, 75 человек из оклендской милиции, 5 пушек [87, с. 87]. Экспедиция направлялась из Окленда в Бей-оф-Айлендс. Главную цель составлял захват па Охазаваи, расположенного в семи милях от Уаимате.

Па Охазаваи представляло собой весьма искусно сооруженную крепость, рассчитанную на длительную оборону. 23 июня 1845 г. отряд полковника Деспарда подошел к па. Несколько дней англичане вели орудийный обстрел крепости, но безуспешно. Маори за ночь легко устранили повреждения, полученные в течение дневного обстрела.

Когда 1 июля было доставлено 32-фунтовое морское орудие, Деспард решил, что теперь сможет добиться успеха, и отдал приказ к фронтальной атаке. Британские офицеры, имевшие опыт войны с маори, а также маорийские вожди, поддерживавшие англичан, всячески советовали Деспарду отменить свой приказ. Но это лишь разозлило полковника, и он дал сигнал к

платке. В 3 часа пополудни 240 солдат в красных мундирах были построены в штурмующие колонны. Бледные лучи зимнего солнца разлились расплавленным серебром на штыках.казалось, ничто не может остановить движение британцев. Но уже через несколько минут после того, как боевая труба грозно пропела сигнал «вперед», стало ясно, что англичане проиграли сражение. Маори встретили наступавших сильным огнем пушек и мушкетов. Атака захлебнулась. Видя, что десятки солдат убиты в первые минуты боя, полковник Деспард, чтобы избежать полного разгрома, приказал трубить «отбой». В короткой схватке англичане потеряли убитыми 40 человек и ранеными — 70, многие из которых вскоре умерли. Маори же потеряли около 10 человек. Следует сказать, что защитников па было всего 100 человек. Несмотря на более чем пятикратное превосходство в силах, Деспард не решился более атаковать па и приказал своему отряду повернуть назад, в Корорареку.

Неспособность Фицроя сломить маори стоила ему карьеры. Когда отряд Деспарда уныло возвращался, переживая горечь поражения, к берегам Новой Зеландии шло судно, везшее роковую для губернатора депешу от министра колоний лорда Стенли. «Ваши действия в управлении Новой Зеландией,— писал министр,— уменьшили доверие, которое питало правительство ее величества в отношении Вашего благоразумия, твердости, верности целям и точности ведения дел. Мы думаем поэтому, что будет правильно посоветовать ее величеству прекратить Вашу деятельность в качестве губернатора Новой Зеландии» [87, с. 90]. Одновременно была послана депеша в Южную Австралию тридцатитрехлетнему капитану Джорджу Грею, самому молодому губернатору британских заморских владений, о его назначении на пост губернатора Новой Зеландии.

14 ноября 1845 г. Дж. Грей прибыл в Окленд.

Ему не потребовалось много времени, чтобы понять всю сложность и опасность положения. Дж. Грей решил действовать испытанным методом «кнута и пряника». С одной стороны, он уже через четыре дня после появления в Окленде собрал местных вождей и заявил, что главной заботой королевы Англии является преуспевание маори и он никак не намерен захватывать земли без их на то согласия. Через месяц, собрав вождей в Корорареке, он торжественно заявил: «Я никогда не отказываюсь от своих слов. Я сейчас открыто объявляю свое решение, которому я буду строго следовать» [87, с. 96]. С другой стороны, он принимал все меры к быстрейшему наращиванию военной мощи. В новой экспедиции против маори участвовало уже 1200 британских солдат и 450 маори, выступавших на стороне англичан.

Дж. Грей, учтя неудачи своего предшественника, отказался от попыток захвата па путем фронтальных атак.

Когда британцы подошли к па Руапекапека, то приступили к

систематической осаде. Артиллерийским огнем им удалось нанести некоторый ущерб укреплениям маори. Но не это решило исход битвы.

Маори, которых осаждали англичане, были христиане. В воскресенье 11 января 1846 г. они с энтузиазмом новообращенных, несмотря на осаду, решили провести воскресную службу в небольшой долине и с этой целью вышли из па. Узнав об этом, Дж. Грей, несколько не колеблясь, отдал приказ к атаке крепости. Когда маори начали службу и в воздухе разнеслись распеваемые ими духовные гимны, английские войска ворвались в па. Их вел сам губернатор колонии. Успех операции, конечно, был полный. Но каким цинизмом надо было обладать «христианину» Дж. Грею, чтобы так откровенно издеваться над религиозными чувствами маори, внушенными им английскими миссионерами — его же соотечественниками и единоверцами!

Однако после этой позорной «победы» Грей не решился продолжать военные действия и поспешил заключить мир с мятежными вождями севера. Он даже распорядился, чтобы ненавистный маори флаг не поднимался больше на флагштоке в Корорареке.

Добившись мира, Дж. Грей стремился всячески укрепить и расширить власть колониальной администрации в Новой Зеландии. Покупка земель у маори теперь сосредоточивалась в руках губернатора, который затем перепродавал ее колонистам. За восемь лет своего губернаторства Дж. Грей скупил у маори около 30 млн. акров земли на Южном острове и 3 млн. акров — на Северном острове [87, с. 113]. Поток колонистов все увеличивается, создаются новые поселения. Так, на Южном острове возникают два новых центра — Отаго и Кентербери. К концу 50-х годов XIX в. европейское население колонии уже намного превосходит коренное [110, с. 81].

В предыдущей главе говорилось о том, что во второй половине 40-х — начале 50-х годов британские поселенцы начали проявлять все возрастающее стремление создать в колонии органы самоуправления.

Определенный процесс консолидации наблюдается с начала 50-х годов и у коренного населения Новой Зеландии.

В 1851—1852 гг. один из вождей маори, Тамихана, посетил Англию и был принят королевой Викторией. Из этой поездки он явился с твердой мыслью создать сильную, централизованную королевскую власть у маори.

В 1857—1858 гг. Тамихана провел два межплеменных совещания — в районе р. Уаикато и недалеко от Окленда.

Собрания проходили не просто, трудно решался вопрос, кого избрать королем маори. Наконец на совещании в Рангиаовхиа, в районе р. Уаикато, королем был избран престарелый вождь Потатоу Те Вхеровхеро. Он принял имя короля Потатоу. Земли, принадлежавшие племенам, вожди которых голосовали за

Потатоу, были объединены в единую область, получившую название «Земля короля». Своей столицей Потатоу избрал Нгу-руавахиа.

Губернатор колонии Томас Гор Браун (Дж. Грей уехал из Новой Зеландии в 1853 г.) всячески пытался помешать избранию короля маори. Когда же это не вышло, он обратился к вождям с патетическим письмом. «Есть ли два солнца в небесах? Могут ли быть два суверена в Новой Зеландии?— писал он.— Смогут ли сделать для вас король маори то, что не смогут сделать королева, губернатор и законы?» [87, с. 134].

Но на это послание маори не обратили внимания. Через некоторое время успокоился и губернатор, полагая, что ничего серьезного за желанием маори иметь собственного монарха не кроется. Томас Гор Браун глубоко ошибался. Приближалось страшное для английских колонизаторов время. Всей своей политикой, особенно захватом все новых и новых земель, они сами ускоряли его приход.

Колонисты из Нью-Плимута с самого своего там поселения вожделенно смотрели на земли в Уаитара, делая многочисленные попытки приобрести их. Но маори наотрез отказывались продать хотя бы пядь своей земли. Вождь племени нгатиава Вирему Кинги так писал губернатору Фицрою: «Это решение моего народа. Уаитара не должна быть отдана. Друг губернатор, разве вы не любите вашу страну — Англию, землю ваших отцов? Так и мы любим нашу землю в Уаитара» [87, с. 137].

Тогда Гор Браун решил сам вмешаться в это дело. В марте 1859 г. он прибыл в Нью-Плимут, собрал маори и всячески уговаривал их продать землю колонистам.

Один из маори, по имени Теира, предложил продать англичанам участок земли в устье Уаитара площадью 600 акров. Поступок Теира объяснялся тем, что он находился в жестокой ссоре с Кинги. Губернатор немедленно принял этого предложение, а Теира положил к ногам Фицроя циновку как символ вступления англичан в обладание землей. Однако Вирему Кинги выступил против этой сделки, объявив ее незаконной, поскольку Теира не имел права продавать землю, которая ему не принадлежала, и с большинством своих людей покинул собрание. Тем не менее губернатор спустя несколько дней объявил колонистам, что не позволит Кинги использовать свое право вождя, чтобы препятствовать продаже земли [116, с. 109]. Но оформление сделки из-за решительного сопротивления Кинги затянулось до конца года.

Желая получить всю сумму за «проданную землю», Теира в январе 1860 г. обратился к Гору Брауну с эмоциональным посланием, сетуя на то, что женитьба «на прекрасной женщине Уаитара, земле, которую мы вам передали», затянулась и «эта женщина, которую мы дали вам при свете дня, лежит сейчас холодная» [116, с. 113].

Однако при всем желании скорее сыграть «свадьбу» и стать обладателями этой земли колонисты были убеждены, что Кинги не отдаст ее без борьбы. И это действительно было так. «Мама,— писал Кинги в ноябре 1860 г.,— мира не будет, я буду продолжать сражаться... Мы умрем за землю, которую вы и ваши братья оставили нам... Мы будем здесь есть английские пули. Мои друзья, мои родители, это будет моей работой навсегда... Мои люди и я умрем за Новую Зеландию» [116, с. 115].

Колонисты обратились к губернатору с просьбой о военной помощи. Гор Браун немедленно выслал около 500 солдат в Нью-Плимут.

В начале 1860 г. английские войска в Нью-Плимуте насчитывали уже 1200 человек. Командовал ими полковник Голд. Кроме того, в гавани Нью-Плимута стоял корвет «Нигер», выславший отряд матросов в помощь сухопутным войскам и готовый поддержать их огнем своих пушек.

Однако все эти грозные приготовления не испугали Кинги. На оспариваемом англичанами участке земли он выстроил па и, несмотря на требования губернатора колонии, отказался вывести оттуда свой отряд. Тогда полковник Голд послал ему ультиматум. Кинги даже не стал его читать, а вместо этого приказал своим людям готовиться к отражению атаки британцев.

17 марта 1860 г. полковник Голд начал бомбардировку па.

Весь день длился орудийный обстрел укреплений маори, нанеший значительный ущерб. На следующий день англичане пошли на штурм па и с легкостью его захватили. Но каково же было их изумление, когда, ворвавшись в па, они не нашли там никого из защитников! Маори еще ночью покинули свою крепость.

Удивление быстро прошло. Так или иначе, грозное па было захвачено. В упоении первой победой, да еще одержанной, по существу, бескровно (погибли всего два солдата), англичане не стали размышлять над странным поведением своего противника. Но довольно скоро им пришлось глубоко задуматься над этим.

Поведение маори было не случайным. Это была совершенно определенная стратегия борьбы, еще раз доказавшая большое военное мастерство «дикарей».

Когда англичане начали военные действия против Кинги, обеим сторонам стало ясно, что наступил решающий этап в отношениях между пришельцами из Европы и коренными жителями островов. Колонисты давно подбивали британское правительство и его представителей в Новой Зеландии на захват земель маори силой, отбросив детскую игру в куплю-продажу. Они требовали усиления контингентов войск в колонии и заявляли о своей готовности с оружием в руках выступить против туземцев. Маори, в свою очередь, понимали, что избавиться от неотступного, упрямого нажима пришельцев они смогут лишь силой.

Британцы, уповая на свое всемирно признанное могущество, полагали, что смогут быстро «поставить на место дикарей». Поэтому так радостно была принята весть о первой победе и в поселениях колонистов Новой Зеландии, и на далеких берегах Альбиона, ибо она, казалось, подтверждала правильность прогнозов и свидетельствовала о том, что хитроумные британцы нашли ключ к загадочным укреплениям туземцев, доставившим им на первых порах столько неприятностей. Однако искушенные в колонизаторских делах англичане на сей раз глубоко ошибались.

В отличие от англичан маори прекрасно отдавали себе отчет в том, что перед ними необычайно сильный враг, обладавший колоссальными возможностями в военном отношении. Отсюда и основная стратегическая линия их борьбы: уничтожить как можно больше солдат противника, не допуская в то же время серьезных потерь в своей армии. С этой целью они быстро сооружали все новые па, где укрывали своих бойцов. Несмотря на то что укрепления возводились в весьма спешном порядке и для их строительства использовался лишь подручный материал, сделаны они были настолько искусно, что даже при сильнейших бомбардировках потери маори были незначительны. В то же время па позволяли им наносить весьма ощутимые удары по наступавшему врагу. Когда же укреплениям наносились серьезные повреждения и оставаться в них становилось опасно, маори скрытно покидали их и, отойдя на милую-другую, опять строили па. Все повторялось сначала. Теперь англичане начали понимать, что, по-видимому, что-то проглядели и недопоняли.

В лондонском «Таймс», например, уже можно было найти признание за маори «инстинктивного знания фортификации — знания столь совершенного, что все научное инженерное искусство подверглось тяжелому испытанию, состязаясь с ним» [87, с. 149—150]. А парламентский заместитель министра колоний сэр Фредерик Роджерс восклицал: «Мне эта война представляется самой странной из всех, когда-либо ведшихся. Новозеландцы выбирают позицию, строят па и выкапывают несколько окопчиков, но (как кажется) с одной тайной целью — бросить вызов европейцам. Европейцы принимают этот вызов и ведут траншеи к па. Затем происходит блистательное сражение и новозеландцев выбивают из их укрепления; однако они тут же, в миле отсюда, сооружают новое» [87, с. 150].

Так, маори одновременно начали борьбу за свою землю и своеобразное воспитание у англичан уважения к далекому и так непохожему на них народу.

Меткие выстрелы маори заставили британских солдат снять свои великолепные красные мундиры, которые видели народы всех континентов, и надеть скромную синюю форму. Но это не помогло. Получив в апреле 1860 г. из Австралии подкрепление — несколько сот солдат 13-го и 40-го полков с артиллерией и от-

ряд военных моряков в 300 человек, англичане решили нанести маори новый удар. На этот раз объектом их внимания стало па Пукетакауере, построенное Кинги в миле от позиций английских войск в Уаитара. 27 июня в 7 часов утра полковник Голд отдал приказ штурмовать па, но уже в 11.30 битва была окончена. Англичане отступили, потеряв убитыми и ранеными пятую часть своего войска. Это было последнее сражение, данное неудачным полковником Голдом в Новой Зеландии. 3 августа 1860 г. в Нью-Плимуте высадился новый командующий — генерал-майор Пратт. Несколько ранее в Новую Зеландию прибыли новые контингенты британских войск. Под командованием генерала Пратта находилось уже 3500 солдат и офицеров, из которых 2600 расположились в Таранаки.

Свою деятельность Пратт начал с сооружения укреплений вокруг Нью-Плимута и эвакуации из него женщин и детей. Накапливая силы, он не предпринимал военных действий в течение нескольких месяцев. Лишь в ноябре он решился выступить против маори. В отличие от Голда новый командующий действовал весьма осторожно. Штурму па предшествовало тяжелое и нудное рытье подкопов, что раздражало войска, особенно добровольцев-колонистов.

С помощью подкопов Пратту удалось захватить несколько небольших па. Однако главное сражение произошло в неукрепленной местности у Махоэтахи, в семи с половиной милях от Нью-Плимута.

6 ноября два отряда англичан общей численностью 970 человек напали на маори, которых было около 150 человек. Численное превосходство англичан не испугало маори. Они приняли бой и сражались со свойственной им храбростью и презрением к смерти. Лишь потеряв 100 человек убитыми и ранеными, они отступили. В числе убитых был старый вождь по имени Мокау. Он не мог покинуть своего умирающего друга, не отдав ему последних почестей согласно древним ритуалам, и склонился над его распростертым телом. Когда же Мокау поднялся, то был убит наповал: пуля попала прямо в сердце.

Однако победа у Махоэтахи не только не обрадовала, но, напротив, испугала правительство колонии. Оно боялось, что в ожесточении маори могут повернуть на север и попытаться захватить Окленд в отместку за поражение в Таранаки. К генералу Пратту обратились с просьбой о переброске в Окленд 400 солдат для усиления местного гарнизона.

Английские войска в колонии получили подкрепление. Из Индии прибыл 57-й полк, было доставлено много пушек и мортир. Пратт продолжал следовать своему методу в осаде па. С конца января до середины марта 1861 г. длина траншей, выкопанных его войсками у главных укреплений Кинги-Хьюиранги и Те Арей (на южном берегу р. Уаитара), составила 1,5 километра.

Сосредоточив здесь большое число орудий и имея громадное превосходство в живой силе, Пратт 19 марта захватил эти ук-репления маори.

Военные действия в Таранаки закончились. В конце марта был заключен мир. Англичане, по существу, ничего не добились, кроме временного прекращения открытых военных действий. Мятежный вождь Кинги не принимал участия в мирных переговорах. Он ушел на север, в Уаикато, где жило племя нгатма-шиорото.

Английское правительство понимало, что положение в Новой Зеландии остается весьма серьезным. Несмотря на одержан-ную победу, оно не считало ни Т. Гора Брауна, ни генерала Пратта способными довести дело до конца. В том же, 1861 г. и тот и другой были отозваны из Новой Зеландии. Губернатором был вновь назначен Дж. Грей, а командующим войсками — ге-нерал Дункан Камерон.

Дж. Грей считался одним из опытейших колониальных ад-министраторов Британской империи. Министерство колоний воз-лагало на него большие надежды, имея в виду его многолетний опыт в ведении дел в Новой Зеландии.

Дж. Грей старался завоевать расположение вождей маори, одновременно принимая меры для укрепления военной мощи англичан. Численность британских войск в колонии в 1862 г. достигла 6 тыс. человек. Особое внимание уделял Грей строи-тельству стратегически важных дорог.

Стремительно росло в начале 60-х годов и число европей-ских колонистов. Это объяснялось открытием месторождений зо-лота в провинции Отаго на Южном острове. Если в конце 1860 г. в провинции насчитывался 12 691 житель, то спустя год это число возросло до 30 269. Население колонии за 1861—1863 гг. удвоилось [87, с. 188—189].

Однако довольно скоро стало очевидно, что при всей своей опытности и изобретательности Дж. Грею не удастся устано-вить столь необходимый британскому правительству «порядок» в колонии и мирным путем окончательно подчинить маори. В 1863 г. военные действия возобновились, и опять в Таранаки.

В июне генерал Камерон неожиданно для маори двинул свои войска, находящиеся в Нью-Плимуте, к р. Катикара и нанес по-ражение маори, не успевшим построить какие-либо оборони-тельные укрепления.

Поражение не обескуражило маори в Таранаки. Они не сло-жили оружия и постоянно беспокоили англичан смелыми нале-тами. Но главные боевые действия в этой кампании разверну-лись на севере, в районе Уаикато. Именно здесь, в этом центре маорийского сопротивления, англичане решили нанести мощный удар.

Дж. Грей не надеялся на имеющиеся силы. Срочно были от-правлены вербовщики в Австралию. Желаящим сражаться про-

тив маори обещали земельные наделы на отобранных у маори территориях. Были посланы вербовщики и в район Отаго, к золотоискателям. Кроме того, была объявлена мобилизация среди колонистов Окленда.

Следует иметь в виду, что в это время маори численно значительно уступали колонистам. Так, только на Северном острове проживало 65 тыс. европейцев, тогда как население маори на обоих островах немногим превышало 50 тыс. [87, с. 193].

В июле 1863 г. регулярные войска, волонтеры и милиция из колонистов двинулись на юг. Сухопутные войска поддерживались активными действиями военно-морского флота, корабли которого вошли в р. Уайкато и высадили отряды матросов, из которых была сформирована морская бригада. Однако, несмотря на сосредоточение столь значительных сил, военные действия приняли затяжной характер и стоили англичанам много крови.

В ноябре 1863 г. генерал Камерон решил захватить решительной фронтальной атакой укрепления маори в Ранирири, в 56 милях к югу от Окленда. 20 ноября после ожесточенного артиллерийского обстрела три роты 65-го полка числом в 850 солдат пошли на штурм укреплений. Одновременно 350 солдат 40-го полка были высажены с двух английских судов, «Авон» и «Пионер», и напали на крепость со стороны реки.

Маори успешно отбили атаку с большими для англичан потерями. Тогда Камерон бросил новые силы на штурм крепости, но и вторая атака закончилась неудачей. Маори в этой битве проявили не только храбрость, но и большое благородство. Так, во время второй атаки был тяжело ранен капитан Мерсер, командир штурмующей группы. Увидя это, маорийский вождь Те Ориори, пренебрегая опасностью, бросился к нему и перенес капитана в безопасное место. При этом сам Те Ориори был ранен.

Генерал Камерон дал приказ к третьей атаке, но и она провалилась. Воспользовавшись наступившей темнотой, маори скрытно покинули крепость, незаметно пройдя линии английских войск. В этом сражении потери англичан составили 47 убитых и 85 раненых.

Захват Рангирири открывал англичанам проход в «Страну короля». Вскоре они захватили столицу этой страны Нгаруваха. Численность британских войск к этому времени составляла уже 10 тыс. человек, но до окончания войны было еще далеко. Маори применяли свою прежнюю тактику изматывания противника при взятии па. Они строили все новые и новые крепости, которые обороняли с беззаветной храбростью. Примером может служить оборона на Оракау.

Па обороняли около 300 маори, включая 20 женщин и несколько детей. Атакующий их английский отряд насчитывал более 2000 человек и имел артиллерийскую поддержку. Защитники па голодали и не могли пополнить запасы воды, так как

крепость была окружена англичанами. Но они оборонялись так стойко, что англичане поняли, что они не захватят па прямой атакой, и начали делать подкоп. Зная, что обороняющиеся жестоко страдают от голода и жажды, что боеприпасы их на исходе, англичане предложили им сдаться. «Послушайте, друзья! Наш генерал,— обратился к маори английский парламентар майор В. Мейр,— восхищен вашей храбростью. Остановитесь! Прекратите огонь. Идите к нам, и вам сохранят жизнь».

Свой ответ маори дали немедленно: «Нет. Мы будем сражаться всегда, всегда, всегда!» Также отрицательно ответили маори на предложение англичан вывести из крепости женщин и детей. «Женщины будут сражаться с нами!» — заявили они [87, с. 202].

Англичанам ничего не оставалось, как продолжать рытье подкопа. Когда он был закончен, маори не стали дожидаться решительной атаки англичан, а сами, собрав в единый кулак все свои силы, включая раненых воинов, женщин и детей, неожиданно нанесли удар по английским порядкам, выбрав наиболее уязвимое место. В жестокой и кровопролитной схватке они провалили линию британских войск и ушли.

Па Оракау было захвачено 2 апреля 1864 г., но военные действия продолжались. Особое ожесточение они приняли теперь на восточном побережье Северного острова в районе Тауранга. Еще в конце января 1864 г. генерал Камерон послал туда отряд из 700 человек. Маори укрепились в па, находящемся в 10 милях от Тауранга. Их было всего 250. Тем не менее англичане не решались напасть на них. Маори, следуя своей тактике, даже вызвали их на бой, послав ироническое послание, в котором писали, что построили хорошую дорогу из Тауранга прямо к па, чтобы англичане могли подойти к ним, излишне не утомляя себя.

Гордые, но терпеливые сыны Альбиона снесли и это. Лишь когда их стало 1700 человек и были подвезены тяжелые орудия, они решились на штурм па. 28 апреля 1864 г. генерал Камерон приказал атаковать крепость. Имея семикратный перевес в силах, он был уверен в успехе. Но произошла поразительная вещь: англичане не только не захватили па, но вынуждены были просто бежать, понеся крупные потери. Ночью, считая свою задачу выполненной, защитники па незаметно покинули крепость.

Примерно в это же время возобновились военные действия в районе Таранаки. Там возникло антианглийское движение, получившее название «Хау-хау» от воинственного клича, который издавали участники этого движения, нападая на врага.

Впервые англичане слышали эти пугающие крики 6 апреля 1864 г., когда группа маори напала на английский отряд в районе Те Ахуаху. Военная кампания против маори — «одна из малых войн Британии» — стоила англичанам немало. За период с июня 1863 по июль 1864 г. английские войска потеряли в Но-

вой Зеландии 158 человек убитыми и 330 ранеными. В колонии были сосредоточены десять полков (10 тыс. солдат и офицеров), инженерные подразделения и две батареи полевой артиллерии. Расходы британской казны за этот период составили 2 млн. ф. ст. Кроме того, правительство колонии израсходовало 750 тыс. ф. ст. [87, с. 216]. Несмотря на все эти усилия, англичанам не удавалось сломить маори.

В январе 1865 г. в районе Уангануи генерал Камерон сосредоточил 2000 солдат для разгрома маори, укрепившихся в па Уэрероа. В течение пяти месяцев англичане вели безуспешные военные операции в этом районе. Лишь 22 июля им удалось захватить па, но в нем они не нашли защитников: маори, как и всегда, успели скрыться. Через три месяца после захвата па Уэрероа Дж. Грей объявил о победе над маори и об установлении мира в колонии. Но в конце 1865 г. ему пришлось возобновить военные действия против маори в районе Уангануи. Теперь английскими войсками командовал генерал Тревор Шат, сменивший отозванного Камерона. В течение шести недель войска Т. Шата вели ожесточенные бои с маори. Они захватили многие па. Казалось, на этот раз маори окончательно разгромлены. Генерал Шат сообщал Дж. Грею, что в руках маори не осталось ни одного укрепленного пункта. Но борьба не была окончена.

Движение «Хау-хау» распространилось по всей колонии. В течение 1866—1868 гг. англичанам наносили удары в самых различных частях страны. Особое беспокойство доставили англичанам события, происшедшие в середине 1868 г. в Поверти-Бэй, на восточном побережье Северного острова. Героем этих событий был Те Кооти.

В 1866 г. Те Кооти был арестован англичанами и вместе со многими маори выслан на о-ва Чатам. Там он стал подготавливать массовый побег. В июне 1868 г. руководимые им заключенные-маори (297 человек) захватили шхуну «Райфлмен» и 10 июля тайно высадились в бухте Поверти. Только через два дня англичане узнали о высадке Те Кооти. Но он уже начал свой поход в глубь страны. Все попытки англичан захватить Те Кооти кончались неудачей, и популярность его росла. Те Кооти открыто бросил вызов колонизаторам. Его смелость придала силы маори, и все новые племена включались в борьбу.

В Таранаки вождь племени нгариахине Титоковару нанес англичанам ощутимые удары.

Правительству колонии пришлось бросить войска одновременно против Те Кооти и Титоковару. Но англичане не смогли добиться успеха, более того, они потерпели поражение в сражении у Мотуроа против войск Титоковару.

Не имели успеха англичане и в сражении с ними же у па Таурангаика, хотя численность их войск в этом районе возросла до 1000 человек. В результате сильных бомбардировок и непре-

рывных атак крепость была захвачена англичанами, но они нашли ее пустой, маори скрытно ее покинули. Таким образом, главная задача — физическое уничтожение мятежников — не была выполнена. Титоковару со своими людьми ушел на север.

На восточном побережье Северного острова, где действовал Те Кооти, военные действия продолжались до 1872 г. Укрепившись в горах Уреуэра, он наносил англичанам смелые удары. Всякий раз попытки англичан разбить его кончались неудачей. Он был поистине неуловим.

В августе 1871 г. Те Кооти послал англичанам письмо следующего содержания: «Господа, я обращаюсь к вам. Вам приходится гоняться за мной, потому что я нахожусь в самом надежном месте — в зарослях... Ваша цель — поймать меня, как крысу... Вы должны отказаться от этого. Укажите мне место, где мы сможем сразиться. Так было бы честно» [87, с. 259].

Но генерального сражения так и не состоялось. В последний раз английские войска видели своего бесстрашного противника в январе 1872 г. у р. Мангаоне. В мае того же года он ушел в «Страну короля». Именно там еще долгое время продолжал находиться центр сопротивления англичанам. Мир был подписан лишь спустя девять лет [48, с. 3—86].

11 июля 1881 г. король маори Тавхиао³ попросил англичан прислать к нему своего представителя для встречи с ним в Пиронгиа. Когда представитель колониальных властей прибыл в Пиронгиа, король показал ему на лежащие на земле мушкеты и сказал: «Вы знаете, что это значит? Это значит, что не будет больше войны между нами. Это означает мир» [87, с. 262].

Так закончилась эта «странная война». Свершилось то, что по логике вещей и должно было произойти: могущественнейшая в политическом, экономическом и военном отношениях держава с почти тридцатимиллионным населением победила пять десятков тысяч маори. Но не это удивительно. Поражает мужество маленького народа, бесстрашно боровшегося против англичан столь длительное время. Нельзя не восхищаться маори, которые в сложных перипетиях этой борьбы показали поразительное военное мастерство как в упорной обороне своих па, так и в маневренной «войне в зарослях» [116, с. 136].

Оскорбленные и ожесточенные этим «возмутительным» сопротивлением, надменные британцы не стесняли себя в выборе средств в борьбе с «грязными дикарями». Они открыто провозгласили своим девизом истребление маори. «Мы должны убивать их без пощады, — писала газета „Веллингтон индипендент“ 21 июля 1868 г. — Они намерены бороться, и мы из самосохранения должны поступать с ними, как с бешеными животными, т. е. истреблять, иначе колонизация Новой Зеландии невозмож-

---

³ Король Потатоу умер в июне 1860 г. После его смерти вожди маори избрали королем его сына Тавхиао.

на» (цит. по [60, с. 28]). Англичане сжигали селения, вырубали сады, вытаптывали поля. Даже старые могилы не оставались в покое: их разрывали и грабили. «В последних боях,— писала в те времена газета „Нельсон экземинар“,— пленных не было, так как... генерал Шат не хотел обременять себя подобной роскошью» [60, с. 28].

Война стоила маори больших жертв и принесла громадные разрушения, сделав и без того тяжелое их положение поистине трагическим. Маори вымирали. За четыре года до окончания принесшего маори столько бед XIX столетия их оставалось немногим более 40 тыс. [101, с. 12].

Но неожиданно этот печальный процесс прекратился, и начиная с 1895 г. численность маори, хотя и медленно, начала расти. Кризис, вызванный губительными последствиями британской колонизации, был преодолен этим мужественным народом. Он не дал себя сломить и растоптать. И большая заслуга в этом принадлежит замечательной личности в истории народа маори — представителю древнего рода Те Уити. Он был как бы олицетворением народной мудрости. Те Уити бесстрашно сражался с англичанами на протяжении всей войны, но, когда дальнейшее сопротивление стало бессмысленным и могло лишь привести к полному истреблению маори, он выступил сторонником мира, но мира особого рода, «воинственного», т. е. мира без капитуляции перед завоевателем, без принятия его порядков и обычаев. Он призывал маори не отчаиваться, не терять надежду, а сохранять силу национального духа, не предаваться слабости, а укреплять волю для хорошо организованного сопротивления. Так определил главную цель учения Те Уити новозеландец Дик Скотт в своей небольшой по объему, но прекрасно написанной книге «Рассказ о событиях в Парихаке» [60, сс. 43—44]. Жертвы, понесенные маори в тяжелой борьбе с английскими колонизаторами, не пропали даром. Британское правительство убедилось в их стойкости и способности к упорному сопротивлению. Еще в ходе войны оно вынуждено было пойти на известные уступки. Значительная часть земли, принадлежавшая маори, была оставлена за ними. По акту о представительстве 1867 г. маори получили право представительства в новозеландском парламенте (они имели в нем четырех представителей). И после окончания военных действий маори вели упорную, непрерывную борьбу с колонизаторами.

Сопротивление британским колонизаторам принимало у маори различные формы. Среди племен, населявших северные, южные и восточные районы Северного острова, большое место занимала деятельность «маорийского парламента». Это была форма, в которую облеклось движение маори за автономию. С конца 80-х годов у Уаитанги ежегодно начали собираться представители племен для обмена мнениями по важнейшим делам, выработке петиций к британским властям и др.

На собрании в 1889 г. был принят документ о создании «Маорийского союза Уаитанги» для рассмотрения внутренних дел маорийских племен. При этом маори исходили из того, что новозеландский парламент игнорирует интересы коренных жителей островов. Как заявил один из участников собрания, Паора Туаэре, «мы хотели вынести некоторые дела на рассмотрение парламента, но убедились, что это бесполезно, поэтому нам остается самим заниматься нашими делами» [122, с. 50].

На собрании в 1891 г. был избран комитет в составе 30 человек во главе с Уи Парата Те Каракура для разработки и передачи в Веллингтон законопроекта о правах маорийских районных комитетов и создании генерального комитета для расследования земельных конфликтов между маори и пакеха, жестоких законов и «всех приобретений, аренд, судебных установлений и всех других обид, накопившихся со времени подписания договора у Уаитанги». Но парламент отказался рассматривать этот законопроект.

В том же, 1891 г. маори обратились с петицией к британской королеве с просьбой «создать представительный совет, избираемый вашими маорийскими подданными, где все действия, затрагивающие интересы маори, могли быть тщательно рассмотрены...». При этом отмечалось, что «ваше величество уже связано с нами славными узами союза по договору у Уаитанги» и петиционеры хотят лишь претворить в жизнь условия этого договора [122, с. 51]. Обращение к королеве тоже не имело успеха.

Тогда на целом ряде межплеменных собраний, состоявшихся в различных частях Северного острова в начале 1892 г., было решено созвать у Уаитанги собрание племен с целью создания без разрешения властей собственного представительного совета. В соответствии с этим решением в апреле 1892 г. у Уаитанги собрались вожди всех племен, живших на территории Северного острова, и создали Котахитангу, т. е. союз, который был уполномочен ставить правительство в известность о всех обидах и несправедливостях, наносимых маорийским племенам, и защищать права маори «по договору у Уаитанги».

Так был создан маорийский парламент, состоящий из двух палат — нижней и верхней. Члены нижней палаты в количестве 96 человек избирались племенами, а члены верхней палаты — 50 человек — избирались нижней палатой.

Первое заседание парламента состоялось в Уаипату в июне 1892 г. Парламент действовал в течение 11 лет. Последнее его заседание состоялось в Уаиомататини, на восточном побережье Северного острова, в 1902 г.

В 1893 г. группа маорийских лидеров во главе с Хенаре То-моана представили на рассмотрение маорийского парламента законопроект о полномочиях федеративной маорийской ассамблеи, в котором концентрировались политические идеалы мао-

рийских племен. Законопроект предлагал передать все полномочия по управлению маорийскими делами «федеративной маорийской ассамблее Новой Зеландии», которая заменит существующий маорийский парламент. Верхняя палата ассамблеи должна состоять из «вождей по рождению», а нижняя — избираться племенами. Предлагалось наделить ассамблею правом назначать и устанавливать компетенцию местных маорийских органов власти. Ассамблея должна существовать на равных правах с новозеландским парламентом и подчиняться только губернатору страны.

Колониальные власти не стали рассматривать этот законопроект. Маори просили новозеландский парламент дать определенный ответ на свое обращение, но получили от правительства лишь сообщение, подтверждавшее получение законопроекта [122, с. 55].

В следующем, 1894 г. маорийский парламент разработал законопроект о правах коренного населения Новой Зеландии, в котором предусматривалось конституционное уравнивание в правах маори с пакеха. Один из маорийских членов новозеландского парламента, Хоне Хеке, передал этот законопроект на рассмотрение парламенту. Но парламентарии устроили настоящую обструкцию. Когда начали рассматривать законопроект, они один за другим покинули зал заседаний, и обсуждение законопроекта пришлось прервать вследствие отсутствия необходимого кворума.

Не удалось маори организовать обсуждение их законопроекта и на сессии новозеландского парламента в 1895 г. Наконец, в 1896 г. законопроект был рассмотрен и отклонен парламентом. Следует отметить, что в эти же годы создается и довольно активно действует маорийская пресса. Она распространяет среди коренного населения идеи движения Котахитанги, сообщает о принимаемых маорийским парламентом законопроектах, решениях и петициях. Так, в Хейстингсе в 1893—1895 гг. выходила газета «Хаиа Тангата Котахи», которую редактировал Ихаяна Хутана, а с декабря 1897 г. в Папауаи начала выходить газета «Те Руке ки Хикураңги» (редактор — Тамахау Махупуку). Эта газета выходила до 1913 г. В 1898—1900 гг. в Уангануи выходила «Маорийская газета».

Видя, что колониальные власти отказываются удовлетворить их требования путем принятия соответствующих законодательных актов, маорийские лидеры проводили бойкотирование тех из действующих законов, которые особенно ущемляли интересы коренного населения.

Острые формы приняло движение за отказ продавать земельные участки, принадлежавшие маори. В 1895 г. маорийский парламент выработал общую политику в этом вопросе, которая нашла свое выражение в манифесте к племенам, опубликованном тремя маорийскими членами новозеландского парламента —

Ми Пере, Хоне Хеке и Ропата Те Ао. «Прекратите продавать или сдавать в аренду землю, игнорируйте земельные суды, созданные колониальными властями» — вот основное содержание этого документа.

Результатом распространения манифеста среди маорийских племен явилось свертывание деятельности земельных судов.

Маорийские лидеры вели борьбу и за другие права коренных жителей, основываясь на договоре у Уаитанги. Так, они выступали за сохранение традиционных прав охоты и рыболовства, против установленной колониальными властями системы палогообложения маорийских племен.

Во второй половине 90-х годов с особым упорством и настойчивостью маори борются за предоставление им автономии. Мы уже упоминали о том, что маорийский парламент неоднократно обращался к новозеландскому правительству, представляя на его рассмотрение соответствующие законопроекты. Все было тщетно. Но события в Уреуэра заставили новозеландское правительство всерьез заняться рассмотрением требований маори.

Жившее в отдаленном гористом районе Уреуэре племя тухоэ не допускало на свою территорию правительственных чиновников для проведения топографических съемок и раздела земельных участков. Впервые правительство попыталось это сделать в 1892 г. Но маори попросту выпроводили присланных из Веллингтона землеустроителей. То же самое повторилось и в 1893 г. 25 мужчин племени тухоэ были арестованы, но оставшиеся оказали сопротивление властям. Когда на следующий год в Уреуэру приехал новозеландский премьер-министр Седдон, чтобы уговорить маори подчиниться действиям правительства, то вожди сказали ему: «Мы не желаем никому зла. Мы стараемся защитить наш народ, сохранить наши земли, поскольку земля — это наша жизнь» [6, с. 2].

Маори не пускали правительственных землеустроителей в Уреуэру. Правительство было вынуждено начать переговоры с маори. Представители племени тухоэ в сентябре 1895 г. прибыли в Веллингтон и заявили, что «вся земля тухоэ с горами и лесами должна остаться в руках коренного населения...». Они выразили желание племени развивать образование, здравоохранение, улучшать земледелие. Главным же было требование создать собственные органы управления.

Премьер-министр Седдон согласился положительно рассмотреть требования племени и представил на рассмотрение новозеландского парламента законопроект об управлении областью Уреуэра.

Согласно законопроекту 650 тыс. акров земли оставалось у племени. Для рассмотрения всех дел, связанных с разделом земли и землевладением, создавалась комиссия из 7 человек —

5 маори и 2 европейцев. Деятельность правительственных земельных судов на территории Уреуэры не допускалась.

Движение за самоуправление захватило все маорийское население Новой Зеландии. На заседании маорийского парламента в 1900 г. был принят законопроект, разработанный специальным комитетом, во главе которого стояли видные деятели маорийского движения Апирана Нгата и Хоне Хеке.

В законопроекте подчеркивалось, что «вся земля маори на Северном острове должна остаться за ними и не продаваться ни короне, ни отдельным людям». Земельные суды должны быть заменены шестью областными земельными палатами и одной апелляционной палатой. Местные комитеты должны предварительно производить рассмотрение прав собственности на земельные участки и сообщать результаты земельным палатам. В законопроекте подтверждалась известная автономия маорийских органов при сохранении за новозеландским правительством контроля и проверки их деятельности [192, с. 108].

Законопроект был передан на рассмотрение новозеландского парламента и на этот раз был реализован в принятых последним двух законах: о земле маори и о маорийских советах.

Глава IV

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С самого начала экономическое развитие Британской Новой Зеландии приняло направление, типичное для переселенческих колоний Англии. Оно было подчинено прежде всего интересам метрополии. Уже в первое десятилетие после установления британского суверенитета Новая Зеландия, как мы видели, стала на путь, превративший ее довольно быстро в обширную «сельскохозяйственную ферму» Англии.

Британский финансист Д. Макмиллан, работавший в Новой Зеландии, писал в 1860 г.: «Не может быть никаких сомнений в том, что как животноводческая колония Новая Зеландия станет самой лучшей в Южном полушарии» [112, с. 85].

Действительно, 50-е годы показали стремительный рост животноводства, особенно овцеводства. Если в 1851 г. в хозяйствах европейских поселенцев имелось 2,9 тыс. лошадей, 34,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 233 тыс. овец, то в 1861 г. эти цифры составили соответственно 28,3 тыс., 193,2 тыс., 2,8 млн. В этот период в Новую Зеландию из Австралии были привезены мериносы, и это позволило начать производство высококачественной шерсти. Среди новозеландских провинций первое место в области овцеводства занимала Кентерберри, где в 1861 г. было 8,8 тыс. овец. Наибольшее количество крупного рогатого скота было в Веллингтоне — около 50 тыс. (1861 г.), а лошадей — в Окленде — около 6 тыс. (1861 г.) [112, с. 78].

Земледелие развивалось значительно медленнее. В период 1855—1858 гг. общая площадь обрабатываемой земли увеличилась с 91,2 тыс. до 125,7 тыс. акров. В Окленде, занимавшем первое место по размерам обрабатываемых земель среди новозеландских провинций, площадь их за это время даже сократилась с 63,1 тыс. до 60,2 тыс. акров [112, с. 77].

Быстро растет внешнеторговый оборот: с 1 млн. ф. ст. в 1853 г. до 3,9 млн. ф. ст. в 1861 г. Но на протяжении 50-х годов сальдо торгового баланса было отрицательным, причем пассив все время возрастал. В 1853 г. импорт составил 0,6 млн. ф. ст.,

а экспорт — 0,4 млн. ф. ст. В 1861 г. эти цифры соответственно составляли 2,5 млн. и 1,4 млн. ф. ст. [112, с. 78].

Расширение внешнеторговых операций вело, естественно, к значительному увеличению судозаходов в новозеландские порты. Если в 1853 г. порты страны посетили 467 кораблей общим тоннажем 128,4 тыс. т., то в 1861 г. — 1142 корбля общим тоннажем 403,4 тыс. т [112, с. 84].

Главными предметами импорта оставались пищевые товары и промышленные изделия. Весь импорт практически шел из Австралии и Англии. Из Новой Зеландии вывозились в основном шерсть, зерно и лес. К 1853 г. прекратился экспорт льна, но начался вывоз из страны золота.

Золото в Новой Зеландии было обнаружено в 1852 г. В то время деловой мир колонии был встревожен усилившейся эмиграцией из Новой Зеландии в Австралию, вызванной открытием в последней золотonosных месторождений. Оклендские дельцы создали специальный комитет, который пообещал 100 ф. ст. тому, кто откроет месторождения золота в стране. Затем эта сумма была увеличена до 500 ф. ст. Ее получил некий Чарлз Ринг. Добычу же золота начал Чарлз Хифи, один из первых британских колонистов, прибывший в Новую Зеландию на корабле «Тори».

В начале 60-х годов вывоз золота стал ведущей статьей новозеландского экспорта. В 1861 г. стоимость проданной шерсти составила 0,5 млн. ф. ст., а золота — 0,8 млн. ф. ст. [112, с. 81]. Весь новозеландский экспорт, за незначительным исключением, шел в Австралию и Великобританию.

Промышленность развивалась очень медленно. В 40-х годах в Новой Зеландии работали хлебопекарня, мукомольный завод, кондитерская фабрика, 4 пивоваренных завода, швейная мастерская, матрасная фабрика, кирпичный завод, 3 типографии, 3 лесопильных завода. К 1860 г. дополнительно были построены 4 мукомольных завода, кондитерская фабрика, 7 пивоваренных заводов, 5 лесопильных и 3 кирпичных завода, 2 матрасные фабрики, 12 швейных мастерских, 9 типографий [112, с. 76].

Численность европейского населения с 1854 по 1861 г. утроилась. Ежегодно в страну прибывало от 6 тыс. до 20 тыс. человек. В 1861 г. колонисты, прибывшие из Англии, составляли 34,5% европейского населения страны, из Шотландии — 15,7, из Ирландии — 8,9, из Уэльса — 8,5, из Австралии — 2,6, из Германии — 0,8, из США — 0,7, из Франции — 0,3, из других стран — 6,1%; 21,9% родилось в Новой Зеландии. Грамотность европейского населения за 50-е годы увеличивалась медленно. Если в 1856 г. читать и писать умело 61,6% европейского населения, то в 1861 г. — 68,7% [112, с. 74—75, 77].

Занятия европейского населения на протяжении 50-х годов менялись мало. Так, если в сельском хозяйстве в 1858 г. было занято 7,45%, то в 1861 г. — 7,54%. С начала 60-х годов

резко увеличилось число занятых в горнодобывающей промышленности: с 0,52% в 1858 г. до 11,25% в 1861 г. Причиной этого послужила начавшаяся «золотая лихорадка». Одновременно произошло сокращение числа ремесленников (с 7,72 до 5,84%), рабочих (с 6,85 до 5,66%), служащих (с 1,61 до 1,36%), домашней прислуги (с 3,24 до 2,84%) [112, с. 76].

В 60-е — первую половину 70-х годов европейское население страны продолжало неуклонно расти. «Золотая лихорадка» в Австралии привела к значительному увеличению эмиграции из Новой Зеландии в британские колонии на пятом континенте. Но все увеличивающийся поток иммигрантов, а также рост рождаемости в стране перекрывали эту потерю населения. С 1861 по 1876 г. европейское население Новой Зеландии выросло с 99 тыс. до 399,1 тыс. человек. Следует отметить, что количество мужчин все время значительно превышало количество женщин. В 1861 г. среди европейского населения было 61 тыс. мужчин и 38 тыс. женщин, а в 1876 г. — соответственно 225,6 тыс. и 173,5 тыс.

Иммиграция в Новую Зеландию по-прежнему шла в основном из Англии и Австралии. До 1864 г. иммиграция из Австралии значительно превышала иммиграцию из Англии. За 1861—1864 гг. из Австралии в Новую Зеландию прибыло 85,2 тыс. иммигрантов, а из Великобритании — 39,8 тыс. В последующие же 11 лет (1865—1876) иммиграция из Великобритании превысила иммиграцию из Австралии. За это время из Великобритании прибыло 114,5 тыс. иммигрантов, а из Австралии — 74,2 тыс.

Что касается эмиграции из Новой Зеландии, то за 1861—1876 гг. 95,7 тыс. человек уехало в Австралию и всего 9,8 тыс. — в Великобританию.

Отмеченные выше изменения в количестве иммигрантов и эмигрантов объяснялись в основном золотодобычей в Австралии и самой Новой Зеландии. «Золотая лихорадка» проходила в обеих странах почти одновременно. Иммигранты расселялись в Новой Зеландии в связи с этим крайне неравномерно. В период 1867—1876 гг. население провинций Отаго, Кентерберри и Окленда — главных районов золотодобычи — выросло соответственно на 59,1 тыс., 45,5 тыс., 34,4 тыс. человек, в то время как население Нельсона и Таранаки увеличилось на 1,7 тыс. и 3,9 тыс. человек [112, с. 97—99].

С начала 70-х годов новозеландское правительство, стремясь к увеличению населения страны, что было связано с развитием ее экономики, начинает субсидировать иммиграцию. Это субсидирование продолжалось до начала 90-х годов. В 1892 г. оно было приостановлено. Поощрение иммиграции привело к дальнейшему росту европейского населения в стране. В период 1877—1895 гг. оно выросло с 408,6 тыс. до 698,7 тыс. человек, т. е. увеличилось почти на 58%. Со второй половины 90-х годов до первой мировой войны европейское население Новой Зелан-

дии увеличилось с 714,2 тыс. до 1,09 млн. человек, т. е. почти на 56%, при этом число мужчин увеличилось с 377 тыс. до 570 тыс., а женщин — с 337,2 тыс. до 520 тыс. Несмотря на то что с 1901 г. новозеландское правительство возобновило поощрение иммиграции, что способствовало ее росту, увеличение населения страны с начала XX в. происходило прежде всего за счет естественного прироста. Так, в 1901 г. население Новой Зеландии увеличилось за счет естественного прироста и иммиграции соответственно на 12,9 тыс. и 6,5 тыс.; в 1910 г. — на 16,4 тыс. и 5,1 тыс.; в 1913 г. — на 17,8 тыс. и 14,2 тыс. человек.

Маорийское население до середины 90-х годов почти не увеличивалось. Так, с 1886 по 1891 г. оно выросло лишь на 0,4 тыс., с 1896 по 1911 г. — с 39,1 тыс. до 49,9 тыс., в том числе мужчин — с 21,7 тыс. до 26,5 тыс., а женщин — с 18,2 тыс. до 23,4 тыс. До конца XIX в. большая часть европейского населения находилась на Южном острове, но с наступлением нынешнего столетия положение изменилось. Если в 1896 г. на Южном острове проживало 51,5% европейского населения, а на Северном — 48,5%, то в 1901 г. — 49,4 и 50,6%, а в 1911 г. — 44,1 и 55,9%. Европейское население Новой Зеландии было по-прежнему в основном британского происхождения — 97,1% в 1896 г. и 97,9% в 1911 г., остальные — из стран континентальной Европы (главным образом из Австро-Венгрии, Германии и Дании) и США [112, с. 140—143, 182—187].

Выходцы из Азии, подавляющую часть которых составляли китайцы, стали появляться в Новой Зеландии с начала 50-х годов XIX в., но сколько-нибудь существенной китайской эмиграции не было до открытия золота в Отаго в 60-х годах. В 1867 г. в стране находилось уже 1219 китайцев, в 1871 г. — 2641, в 1874 г. — 4816 [77, с. 15—16].

Следует сказать, что отношение к китайским переселенцам со стороны британских колонистов было с самого начала резко отрицательным. Еще в 1857 г. в Нельсоне был создан антикитайский комитет [77, с. 16], хотя в районе Нельсона не было тогда ни одного китайского эмигранта.

С увеличением числа китайских эмигрантов росла враждебность к ним британцев. Последние объясняли это главным образом расовыми и экономическими причинами. Так, президент Ассоциации шахтеров Эрроутауна в своей речи в августе 1871 г. заявил: «Мы — свободные люди, а они — рабы! Мы — христиане, а они — язычники! Мы — бритты, а они — монголы!» [77, с. 16].

Широкое распространение имели высказывания, сущность которых сводилась к тому, что основой новозеландского расизма является не китайская культура или китайская национальность, а угроза собственной безопасности [77, с. 16].

Поскольку китайская колония состояла почти целиком из мужчин, приезжающих без семей, то довольно часто в каче-

стве довода, запрещающего им въезд в страну, выдвигалось обвинение в «аморальности».

Под давлением таких настроений новозеландский парламент в 1871 г. создал специальный комитет по изучению китайского вопроса. Однако комитет после длительного опроса свидетелей, изучения сведений, полученных от полиции, просветительных, лечебных и других учреждений, пришел к выводу, что «нет достаточных оснований для введения ограничений иммиграции китайцев, для принятия такого законодательного акта, который установил бы ограничение этой иммиграции или ввел бы специальный налог для них» [77, с. 18].

В 1878 г. члены новозеландского парламента, представлявшие районы золотых приисков, вновь подняли вопрос о китайских эмигрантах, выдвинув на рассмотрение законопроект об ограничении их допуска. Хотя законопроект и не был принят, дебаты по нему показали сильные антикитайские настроения значительного числа новозеландских парламентариев. Дж. Грей, активно выступая за принятие законопроекта, говорил о том, что даже небольшой наплыв китайцев создает «опасность распространения заболеваний в Новой Зеландии», создает проблему занятости, снижает жизненный уровень в стране [77, с. 19].

В 1880 г. Ричард Седдон, будущий премьер-министр, а в то время член парламента от Веллингтона, опять внес на рассмотрение законопроект о запрещении въезда китайцев. С того времени Седдон выступал наиболее яростным сторонником введения полного запрещения допуска в страну не только китайцев, но и вообще всех выходцев из азиатских стран. Его аргументы строились на чисто расистских основаниях. Этот законопроект не был принят парламентом.

Но в следующем году новозеландский парламент принял закон о введении ограничений для въезда китайцев в страну. Закон устанавливал, что каждый въезжающий должен уплатить налог в размере 10 ф. ст. Устанавливалось также, что суда, доставляющие китайских переселенцев в Новую Зеландию, могут брать на борт не более одного человека на 100 т водоизмещения корабля.

Закон 1881 г. об ограничениях для въезда китайцев заложил основу для развернувшейся вслед за этим политики «белой Новой Зеландии». Законодательство в отношении китайских переселенцев с каждым годом ужесточалось. Уже в 1882 г. было введено запрещение принятия китайцев на работу на золотые прииски.

В 1889 г. по инициативе Р. Седдона парламент принял закон об ограничении иммиграции, направленный против всех выходцев из Азии. Закон устанавливал экзамен по английскому языку для иммигрантов, а также увеличивал ограничения их доставки к берегам Новой Зеландии (не более одного человека на

200 т водоизмещения корабля). Надо также отметить, что после 1899 года китайцам не было выдано ни одного документа о натурализации.

Ограничения для выходцев из Азии продолжали усиливаться в законах 1901, 1907, 1908, 1910 гг. В стране всячески культивировалась вражда к выходцам из Азии. В этот период возникают и активно действуют такие организации, как Лига белой расы и Антиазиатское общество, требовавшие введения полного запрещения въезда из Азии. Все это приводило к тому, что численность китайцев (составлявших основу азиатских выходцев) в стране сохранялась на очень низком уровне. В течение ряда лет число китайцев, покинувших Новую Зеландию, превосходило число приезжавших в страну. Общая ситуация характеризуется следующими данными [77, с. 21]:

Годы	Прибывшие	Уехавшие
1871	1596	—
1872	475	190
1873	185	278
1874	1123	355
1875	776	384
1876	112	453
1877—1886	3325	2611
1887—1896	1679	1656
1897—1906	1104	1385
1907—1916	3495	3367

Если в 1896 г. китайцы составляли 0,53% населения Новой Зеландии, то в 1911 г. — 0,26% [112, с. 186].

Новая Зеландия на протяжении последних десятилетий XIX и в начале XX в. быстро развивается как аграрная страна. Количество овец с 1861 по 1911 г. увеличилось с 2,7 млн. до 24 млн. голов, крупного рогатого скота — с 193,3 тыс. до 2 млн., лошадей — с 28,3 тыс. до 404,3 тыс. голов.

В хозяйствах маори в 1911 г. насчитывалось 486,9 тыс. овец, 61,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 48,2 тыс. лошадей [112, с. 108, 146, 195, 196]. Производство шерсти с 1882 по 1895 г. удвоилось, мяса и сыра — утроилось.

Общая площадь культивируемых земель увеличилась в 1861—1911 гг. с 226,2 тыс. до 16,2 млн. акров. В основном эти земли были отданы для нужд животноводства. К концу XIX в. земледелие осуществлялось лишь на 6,3% культивируемых земель. Но в абсолютных цифрах эта площадь все время увеличивалась. Так, если в 1874 г. пшеница сеялась на 13,2 тыс. акров, в 1886 г. — на 174 тыс., то в 1895 г. — на 240 тыс. акров. Производство зерна за 1874—1895 гг. выросло в 2 раза.

В начале XX в. наблюдалось некоторое сокращение площадей под пшеницей при одновременном увеличении площадей под овсом, ячменем, картофелем. В 1905 г. размер площадей под пшеницей, овсом, ячменем и картофелем был соответствен-

по 222,2 тыс., 354,3 тыс., 29,6 тыс., 26,8 тыс. акров, а в 1911 г.— 215,5 тыс., 403,7 тыс., 31,6 тыс., 28,3 тыс. акров. Производство пшеницы, овса, ячменя, картофеля в сезон 1910/11 г. составило соответственно 8,3 млн., 10,1 млн., 0,9 млн., 0,1 млн. бушелей [112, с. 197].

В 60-х годах ускоряется развитие промышленности. Ее главными отраслями были лесопильная, мукомольная и пивоваренная. Но кроме этого строились судостроительные предприятия, машиностроительные и металлообрабатывающие заводы, предприятия по производству строительных материалов, кондитерские фабрики, свечной и мыловаренные заводы и др.

В 1867 г. была проведена первая перепись промышленных предприятий. Она показала, что в стране их насчитывается 406; большая часть расположена на Южном острове — 245. Но тем не менее наиболее развитой в промышленном отношении явилась провинция Окленд на Северном острове. В Окленде находилось 102 предприятия. Предприятий обрабатывающей промышленности насчитывалось 348, на них работало 2,9 тыс. человек. Наибольшее число предприятий обрабатывающей промышленности находилось в Окленде — 95, с числом рабочих 1 тыс. человек. Другими крупными районами обрабатывающей промышленности были провинции Кентербери, Нельсон и Отаго, где находилось соответственно 72, 56 и 54 предприятия с числом рабочих 525, 301 и 399. В 1881 г. работало уже 1,6 тыс. предприятий обрабатывающей промышленности с числом рабочих 18 тыс., а в 1891 г.— 2,6 тыс. предприятий с числом рабочих 30 тыс. Теперь наибольшее число предприятий насчитывалось в Отаго — 705, в Окленде — 650, Кентербери — 386, Веллингтоне — 333.

В 1884 г. в Окленде впервые были созданы предприятия по производству сахара из сахарного тростника, поступавшего с Фиджи. В 80-х годах появились первые цементные заводы.

В 1901 г. число предприятий обрабатывающей промышленности достигло 3,2 тыс., а численность работающих на них — 41,7 тыс. человек. В 1910 г. было уже 3,5 тыс. предприятий с общим числом рабочих 46 тыс.

На предприятиях широко использовался газ. Если в 60-х годах в стране было 5 газовых заводов, то в 1911 г.— 48, производивших 2 млрд. куб. футов газа. В 80-х годах начала производиться электроэнергия. В 1911 г. в Новой Зеландии действовало 14 электростанций [112, с. 100—102, 149, 190—192].

В горнодобывающей промышленности первое место занимала золотодобыча. С 1857 по 1908 г. из Новой Зеландии было экспортировано 18 352 783 унции золота стоимостью 72 057 047 ф. ст. В 1907 г. в стране работало 9138 золотодобывающих рудников, давших в течение года 524 198 унций золота стоимостью 2 082 087 ф. ст. [75, с. 362]. Главные районы золотодобычи — провинции Окленд, Отаго и Кентербери.

Длина железных дорог и количество перевезенных пассажиров и грузов *

Годы	Длина построенных железных дорог, мили	Число перевезенных пассажиров	Количество перевезенной шерсти, т	Количество перевезенного зерна, т	Количество перевезенного леса, т	Количество перевезенного минерального сырья, т	Количество перевезенного крупного рогатого скота и лошадей	Количество перевезенных овец и свиней
1892—1893	1886	3 759 044	96 842	523 637	169 910	884 031	46 590	1 359 860
1897—1898	2055	4 672 264	103 055	427 448	313 073	1 048 868	54 871	2 399 379
1902—1903	2291	7 575 390	116 309	718 376	436 008	1 604 426	115 198	3 883 177
1907—1908	2474	9 756 716	120 593	739 568	616 892	2 319 913	169 174	4 719 997

*A. P. Douglas. The Dominion of New Zealand, с. 233.

Следующей по значению была угольная промышленность. Добыча угля в стране увеличилась с 162 218 т в 1878 г. до 1 831 009 т в 1907 г. Количество угольных шахт в 1907 г. составило 173. На них работало 3910 человек [75, с. 363].

В Новой Зеландии добывались также железная руда и медь. Получила развитие и обрабатывающая промышленность; правда, удельный вес ее пока оставался незначительным.

В 1911 г. в промышленности было занято больше людей, чем в сельском хозяйстве, но стоимость продукции, выпускаемой промышленностью, значительно уступала стоимости продукции сельского хозяйства.

В 1910/11 г. стоимость сельскохозяйственной продукции составила около 30 млн. ф. ст., тогда как стоимость продукции обрабатывающей промышленности была равна 7,6 млн. ф. ст., добывающей — 3,8 млн. ф. ст., лесозаготовительной и рыболовства — 2,1 млн. ф. ст. [112, с. 193].

В 70-е годы в Новой Зеландии начинается строительство железных дорог. Первый контракт на железнодорожное строительство был заключен еще в 1860 г., но к 1870 г. для сообщений было открыто лишь 46 миль железнодорожного полотна. К концу 70-х годов было пущено в эксплуатацию уже более 1000 миль железных дорог.

Железнодорожное строительство в последующие годы не сбавляло темпов, и железные дороги быстро заняли ведущее место в транспорте страны, что видно из табл. 1.

Длина телеграфных линий, составлявшая в 1866 г. 699 миль, увеличилась к концу XIX в. до 6,5 тыс. миль [112, с. 150].

Довольно быстро развивается банковская система колонии. В 1861 г. в Новой Зеландии действовало только два банка —

Объединенный банк и Банк Нового Южного Уэльса. В 1862 г. в Данидине была создана Новозеландская банковская корпорация, в 1864 г. в Лондоне — Коммерческий банк, начавший операции в Новой Зеландии. В 1866 г. оба эти банка были ликвидированы. В 1863 г. был образован Банк Отаго. В 1864 г. появился Банк Окленда, ликвидированный в 1867 г. В 1872 г. в Лондоне появился Национальный банк Новой Зеландии, начавший операции в колонии в 1873 г. В 1874 г. в Данидине создается Колониальный банк Новой Зеландии. В 80-х годах в колонии действовало шесть банков: Колониальный банк Новой Зеландии, Национальный банк Новой Зеландии, Банк Новой Зеландии, Объединенный банк Австралии, Банк Австралазии и Банк Нового Южного Уэльса. Банк Новой Зеландии имел более ста отделений, остальные — в среднем до двадцати отделений. Общая сумма банковских вкладов выросла в 1870—1895 гг. с 3,1 млн. до 13,5 млн. ф. ст. [112, с. 121, 156, 408]. К концу 1913 г. в Новой Зеландии действовали Банк Новой Зеландии, Объединенный банк Австралии, Банк Нового Южного Уэльса, Банк Австралазии, Национальный банк Новой Зеландии и Коммерческий банк Австралии. Их общий капитал составлял 2 млн. ф. ст. [112, с. 416].

С середины 60-х до середины 90-х годов общий объем внешнеторгового оборота Новой Зеландии увеличивался довольно медленно. В 1865 г. он составил 9,3 млн. ф. ст., а в 1895 г. — около 15 млн. ф. ст. Но если до 80-х годов новозеландский внешнеторговый баланс был пассивен, то со второй половины 80-х годов он имел постоянное активное сальдо. В 1865 г. превышение импорта над экспортом составило 1,9 млн. ф. ст., в 1885 г. — всего 0,7 тыс. ф. ст., а в 1895 г. экспорт превысил импорт на 2,2 млн. ф. ст.

С середины 90-х годов XIX в. до первой мировой войны объем внешнеторгового оборота Новой Зеландии почти утроился: с 16,5 млн. ф. ст. в 1895 г. до 45,3 млн. ф. ст. [112, с. 108, 160].

Главными статьями вывоза в 60-х годах были золото и шерсть, составляя соответственно 55 и 35% всего экспорта. Зерно начало экспортироваться в конце 60-х годов и составляло — 1—2% экспорта. В 70-х годах доля золота в экспорте Новой Зеландии резко сократилась, составив в 1876 г. лишь 22% всего вывоза, в то время как доля шерсти поднялась до 59%. Доля же зерна поднялась до 6%.

В 1879 г. было вывезено шерсти на 3,1 млн. ф. ст., золота — на 1,1 млн. ф. ст., зерна — на 0,3 млн. ф. ст. [112, с. 111].

В 80—90-х годах экспорт шерсти и золота находится примерно на том же уровне, но резко увеличивается экспорт зерна, масла, сыра и особенно мяса. Последнее объясняется налаживанием холодильного дела и строительством специальных морских судов-рефрижераторов. 24 мая 1882 г. первое такое судно прибыло в Лондон. Но еще до того, как оно достигло столицы

Британии, в колонии была создана первая компания по продаже мороженого мяса — «Нью Зиленд рефрижерейтинг компани» в Данидине. Вскоре возникли и другие компании, как, например, «Кентерберри фризенмит компани».

В 1890 г. в мясохолодильной промышленности Новой Зеландии работало уже 43 предприятия. В 1889 г., например, было экспортировано шерсти на 4 млн. ф. ст., золота — на 0,6 млн. ф. ст., а зерна, масла, сыра и мяса — соответственно на 1 млн., 0,2 млн., 0,07 млн., 0,8 млн. ф. ст. В 1895 г. шерсти было вывезено на 3,7 млн. ф. ст., золота — на 1,2 млн., зерна — на 0,2 млн., масла — на 0,2 млн., сыра — на 0,2 млн., мяса — на 1,3 млн. ф. ст. [112, с. 409].

В 60—90-х годах Новая Зеландия продолжала вывозить свои товары в основном в Англию и Австралию. Но доля этих стран в новозеландском экспорте резко менялась. В 1861 г. в Англию шло 37% новозеландского экспорта, тогда как в Австралию — 61%. В 1871 г. доля Англии выросла до 52%, а Австралии — понизилась до 44%. В 1881, 1891 и 1895 гг. эти цифры изменились соответственно на 74 и 17%; 75 и 18%; 83 и 12% [112, с. 113].

С начала XX в. и до первой мировой войны указанные тенденции в новозеландском экспорте продолжали развиваться. Доля шерсти, мороженого мяса, масла, сыра, золота и зерна в 1913 г. составила соответственно 35, 19, 9, 8, 7, 1%. В том же году доля Великобритании и Австралии в новозеландском экспорте составила соответственно 79 и 10%. Но к этому времени известную роль во внешней торговле Новой Зеландии стали играть США. На их долю в 1913 г. пришлось 4% новозеландского экспорта [112, с. 204, 209].

Главными статьями импорта были одежда и ткани, металлы и станки, продукты питания, а с начала XX в. — еще автомобили и нефть.

В 1913 г., например, закупка одежды и тканей составила 21%, металлов и станков — 20, продуктов питания — 9, автомашин — 5, нефти — 3% всего импорта страны [112, с. 415]. Товары ввозились в основном из Великобритании и Австралии. Доля этих стран в новозеландском импорте, так же как и в экспорте, резко менялась. Так, в 1861 г. на долю Великобритании приходился 41%, на долю Австралии — 57%, в 1881 г. — 61 и 26%, в 1891 г. — 67 и 16, в 1901 г. — 59 и 17, в 1913 г. — 60 и 13%. В 1913 г. ввоз товаров из США составил 9% всего новозеландского импорта [112, с. 116, 172, 209].

Изменения, происходившие в экономике Новой Зеландии, повлекли, в свою очередь, изменения в характере занятости населения страны. Накануне первой мировой войны в промышленности было занято 13,3%, в сельском хозяйстве — около 10,9, в торговле — 6,5, на транспорте — 3,6, в добывающей промышленности — 1,5% самостоятельного населения страны.

Европейские колонисты не представляли собой единого целого. Новая Зеландия никогда не была государством «всеобщего равенства», как это часто говорят буржуазные историки, социологи и экономисты. Классовое расслоение новозеландского общества совершилось быстро. Буржуазия колонии крепла и богатели. Большая и лучшая часть земли сосредоточилась в руках крупных землевладельцев. Так, в 1883 г. 47% всех земельных участков в Кентерберии площадью 2,8 млн. акров принадлежало 91 человеку. В 1891 г. 584 человека владели 7 млн. акров из 12,5 млн. акров земли, находившейся в то время в частном владении во всей стране [116, с. 143].

В период 1868—1893 гг. количество землевладений удвоилось, а размер их площади увеличился в 13 раз [116, с. 143]. В 1896 г. 62,31% всех земель колонии принадлежало собственникам, чьи владения превышали 5 тыс. акров. В процентном отношении к общему числу землевладельцев они составляли всего 1,42. Интересно отметить, что крупнейшим землевладельцам, имевшим участки свыше 50 тыс. акров, принадлежало 30,4% всей земельной площади, а они составляли лишь 0,19% общего числа землевладельцев. В то же время собственники земельных участков площадью от 1 до 10 акров, составлявшие 23,36% общего числа землевладельцев, имели лишь 0,21% земли [71, с. 263].

Но отнюдь далеко не все благополучно было в быстро развивающейся экономике Новой Зеландии. Еще в 70-х годах ощутила она грозные признаки кризисных явлений. Трудные дни переживала страна в 1877 г.; это было отражением глубокой экономической депрессии, поразившей английскую промышленность в 1876—1878 гг. Экономическая ситуация в стране была весьма сложной и в 1880 и в 1884 г., отмечавшихся резкими падениями цен на основные экспортные товары Новой Зеландии — шерсть и зерно. В 80-х годах резко снизилась заработная плата трудящихся, тысячи людей не могли найти работу. Во второй половине 80-х годов начался «исход» из Новой Зеландии. В 1886—1891 гг. число уезжавших из страны превысило число прибывших в нее на 17,2 тыс. человек [118, с. 1]. К началу 90-х годов экономическое положение страны выравнивается.

К этому времени в стране уже существовали профсоюзы рабочих и служащих и даже целые профсоюзные объединения. Так, в Окленде, Веллингтоне и Данидине образовались промышленные профсоюзы и профсоюзы торговых работников. Профсоюзы вели не только экономическую, но и политическую борьбу. В 1884 г. профсоюзы провинции Отаго и Веллингтон создали парламентские комитеты, выступившие с политическими платформами. Так, комитеты в Отаго выдвинули требования о национализации земли, прогрессивном налоге на большие доходы и прибыли, прекращении поощряемой иммиграции и введении закона о 8-часовом рабочем дне.

Почти в это же время в Окленде и Крайстчерче создаются политические ассоциации трудящихся, выступавшие с теми же требованиями, что и комитеты. Делаются попытки объединить рабочее движение в масштабах всей страны. В январе 1885 г. в Данидине состоялся первый конгресс профсоюзов Новой Зеландии. Целью конгресса, по мысли его организаторов, было «способствовать лучшей организации рабочего класса, тщательно рассматривать все действия, направленные против интересов рабочих... использовать все законные средства для обеспечения представительства рабочих в законодательных органах колонии» [111, с. 14].

Второй общенouvelандский конгресс профсоюзов состоялся на следующий год в Окленде. Наступившая затем экономическая депрессия в стране привела к спаду рабочего движения на два года, но уже в 1889—1890 гг. профсоюзное движение в Новой Зеландии опять набирает силу.

Известное влияние на новозеландское рабочее движение 90-х годов оказала созданная в 1888 г. организация «Рыцарей труда», представлявшая собой ответвление аналогичной американской организации. Но наиболее влиятельным был профсоюз моряков, имевший тесные связи с профсоюзом моряков Австралии; возглавлял его Д. Миллар. В мае 1890 г. Д. Миллару удалось объединить профсоюз моряков с профсоюзами портовых рабочих и шахтеров, создав нечто подобное федерации профсоюзов.

В период знаменитой забастовки австралийских моряков в 1890 г. новозеландские моряки также развернули забастовочное движение и также потерпели неудачу. Но, потерпев неудачу в экономической борьбе, профсоюзы добились значительного успеха на поприще политической борьбы, проведя в парламент на выборах 1891 г. 21 своего представителя.

Однако присутствие значительной рабочей группы в парламенте не оказывало, по существу, никакого влияния на политическое развитие новозеландского общества. Это объяснялось тем, что представители профсоюзов в парламенте не пытались даже проводить собственную политическую линию, идя целиком в фарватере политики либералов. В этом отношении положение в Новой Зеландии было аналогично положению в Австралии, где в то время тред-юнионы также имели широкое (значительно большее, чем в Новой Зеландии) представительство в законодательных органах и тоже не влияли на ход политических событий в стране.

Правда, и тогда делались робкие попытки вывести рабочее движение из-под влияния либералов. Так, на Конгрессе профсоюзов 1898 г. после острых дискуссий была принята резолюция о том, что «пришло время, когда рабочая партия в парламенте должна заявить о своей независимости во всех делах, касающихся рабочих...» [67, с. 3—4]. На Конгрессе профсоюзов в

1904 г. один из профсоюзных лидеров, Д. Пол, предложил еще более решительную резолюцию: «Независимая рабочая партия должна быть создана немедленно...» Эта резолюция была принята 16 голосами против 3. В сентябре 1904 г. была создана Независимая политическая рабочая лига, аналогичная рабочей организации Нового Южного Уэльса [67, с. 3—4].

Однако положение не изменилось. Новозеландские тред-юнионы подчинялись интересам политики либералов. Значительная часть вождей новозеландского тред-юнионизма утверждала, что лейборизм сам по себе никогда не достигнет политической власти и всякая попытка в этом направлении приведет лишь к «недоразумениям» с либералами и потере уже достигнутого политического влияния [67, с. 5—6]. Материальным выражением этого духовного альянса явилась созданная Р. Седдопом в 1899 г. Либерально-лейбористская федерация.

В 1910 г. Независимая политическая рабочая лига была заменена Лейбористской партией, получившей через два года название Объединенной лейбористской партии. Ее создателями были лидеры различных профсоюзов и деятели Либерально-лейбористской федерации. Понятно, что при таких духовных отцах эта партия проводила старую оппортунистическую политику, столь характерную для новозеландского тред-юнионизма.

Радикализм новозеландского лейборизма и тред-юнионизма не поднимался выше требований «Платформы борьбы», принятой в 1905 г. Независимой политической рабочей лигой, где говорилось о «национализации земли и средств производства и распределения». Но в 1910 г. это положение было заменено на более «респектабельное»: «постепенное введение общественной собственности на средства производства, распределения и обмена». В политических платформах содержались также требования о создании государственного банка, о запрещении дальнейшей продажи коронной земли, введении пособия по безработице, 40-часовой рабочей неделе, установленного законом минимума зарплаты, гарантированном законом преимущественном праве при поступлении на работу членов профсоюзов, пенсиях для вдов и сирот, ликвидации Законодательного совета и установлении пропорционального представительства в парламенте [67, с. 9—10]. Все эти положения без изменений вошли в дальнейшую программу Новозеландской лейбористской партии.

С начала XX в. в новозеландском лейборизме и тред-юнионизме возникает левое течение. Оно находит свое выражение в создании Социалистической партии в 1901 г. Она имела только два отделения — в Веллингтоне и Крайстчерче. Руководителем партии был англичанин-социалист Роберт Блетчфорд.

В 1906 г. вернувшийся из США шахтер Пат Хики вместе с австралийскими социалистами (впоследствии ставшими новозеландскими министрами) Педди Уэббом и Бобом Семплом со-

здают отделения Социалистической партии в шахтерских районах на западном побережье. В 1908 г. они возглавляют забастовку шахтеров, которая оканчивается победой над предпринимателями. В том же году, воспользовавшись активизацией рабочего движения в этих районах, они создают Новозеландскую федерацию шахтеров. На конференции в Веллингтоне в 1909 г. принимается решение о включении в состав федерации портовых и транспортных рабочих. Меняется и ее название. Теперь она называется Новозеландская федерация труда. Но вскоре ее переименовывают в Красную федерацию. С 1911 г. ее печатным органом стала основанная Союзом новозеландских стригалей газета «Маориленд уоркер». Свою программу, принятую в 1912 г., «Красная федерация» целиком заимствовала у американской организации «Индустриальные рабочие мира», полностью разделяя ее анархо-синдикалистские взгляды. В программе говорилось: «Рабочий класс и эксплуататорский класс не имеют ничего общего... Борьба между этими двумя классами должна идти до тех пор, пока рабочие всего мира, организованные как класс, не станут хозяевами земли и средств производства и не отменяют систему найма» [67, с. 10].

Анархо-синдикалисты, как известно, отрицают политическую борьбу пролетариата и необходимость создания самостоятельных политических партий рабочего класса, выступают против участия рабочих в парламентской борьбе. Что касается новозеландских последователей анархо-синдикализма, то их позиция была в этом отношении крайне противоречива. На словах они выступали против политических партий и парламентаризма. Так, при создании федерации в 1908 г. Пат Хики заявлял: «Большинство из нас были членами Новозеландской социалистической партии, и члены этой партии, вообще говоря, оказывали нам помощь, но даже на эту партию мы смотрели с большим подозрением, когда она боролась за места в парламенте» [86, с. 31—32]. Практически они не участвовали в парламентской борьбе, но входили в состав новозеландского парламента. Так, один из лидеров федерации, Тим Армстронг, получил депутатские мандаты на выборах 1908 и 1911 гг. Сам П. Хики входил в парламент в 1911 г. В этой связи можно согласиться с мнением современного новозеландского исследователя истории лейборизма в своей стране Б. Брауна, когда он пишет, что «Социалистическая партия была в действительности политическим компонентом федерации» [67, с. 11].

Под влиянием левого крыла новозеландского лейборизма в январе 1913 г. в Веллингтоне была созвана конференция для выработки «основ объединения» рабочего движения в Новой Зеландии. Конференция приняла решение о созыве объединительного конгресса, в работе которого должны были участвовать представители «Красной федерации», Советов профсоюзов, Объединенной лейбористской партии и Социалистической

партии. Было решено также создать две новые организации рабочих: политическую — Социал-демократическую партию и профсоюзную — Объединенную федерацию труда.

Объединительный конгресс открылся 2 июля 1913 г. На нем присутствовал 391 делегат, представлявший 274 организации, объединявшие 61 тыс. человек. Он подтвердил создание двух новых организаций, но в угоду правым принял решение об исключении из программы Объединенной федерации труда преамбулы, взятой у организации «Индустриальные рабочие мира», хотя сохранил признание стачки как формы борьбы рабочего класса. После этого группа лейбористских и тред-юнионистских лидеров покинула конференцию.

Эта группа приняла решение продолжить существование Объединенной лейбористской партии, которую они стали называть «О. Л. П. — Остаток».

В опубликованном заявлении они отреклись от революционных методов борьбы и уповали на мирное урегулирование споров и использование стачки только в самом крайнем случае и только локально.

Как мы уже отмечали, конец XIX и начало XX в. характеризовались в Новой Зеландии очень быстрым ростом производства продуктов животноводства. Понятно, что столь быстрое развитие животноводства было связано с увеличением числа фермеров.

В 1899 г. создается Союз фермеров, в котором животноводы занимают влиятельное положение, определяя направление его деятельности. Союз фермеров объявил себя неполитической организацией, девизом которой было «Принципы — не партия». Тем не менее уже в 1902 г. группа фермеров — членов парламента во главе с Уильямом Мэсеем обсуждала вопрос о создании Аграрной партии. В 1910—1911 гг. в Союзе фермеров вновь этот вопрос подвергался оживленным дебатам. Практически же Аграрная партия была создана в Новой Зеландии значительно позднее, в 20-х годах. Сам же У. Мэссей в июне 1912 г. стал премьер-министром Новой Зеландии.

В эти годы в стране отмечается рост забастовочного движения. С мая по ноябрь 1912 г. происходили стачки шахтеров Ваихи. В октябре 1913 г. началась «великая стачка» портовых рабочих Веллингтона. Вскоре к ним присоединились шахтеры. До конца октября бастовали уже и портовики Окленда, Литтелтона и Данидина. 10 ноября Объединенная федерация труда призвала рабочих к всеобщей забастовке. Но сделать это ей не удалось. Из 72 тыс. членов профсоюза бастовало около 16 тыс. Объединенное общество железнодорожных служащих и Союз моряков отказались поддержать забастовщиков. 20 декабря Объединенная федерация труда заявила о прекращении забастовки, однако шахтеры еще некоторое время продолжали стачку.

Напуганное размахом рабочего движения новозеландское правительство применило против забастовщиков весь арсенал средств борьбы, вплоть до использования войск. Многие забастовщики были арестованы. А штрейкбрехеры были награждены медалями, которые им вручил премьер-министр страны.

Обеим общенациональным рабочим организациям — Объединенной федерации труда и Социал-демократической партии — были нанесены жестокие удары, которые свели, по существу, на нет их деятельность. Три лидера Социал-демократической партии, в том числе Гарри Холланд, были арестованы. Одновременно был принят ряд законодательных актов, серьезно ограничивавших деятельность профсоюзов. В стране продолжали работать лишь отдельные профессиональные союзы. На всеобщих выборах в 1914 г. рабочие не были представлены какой-либо общенациональной организацией. Избирательную борьбу вели местные комитеты рабочего представительства.

Надо сказать, что вели они эту борьбу не без успеха, получив 50 тыс. голосов из 500 тыс. и проведя в парламент шесть своих представителей: Д. Маккомбса, П. Уэбба, А. Хиндмарша, У. Уэйтча, А. Уолкера, Д. Пейна. Они образовали в парламенте лейбористскую фракцию и были инициаторами создания в 1916 г. Новозеландской лейбористской партии.

Развертывание рабочего движения заставило новозеландское правительство уже с начала 90-х годов заниматься вопросами трудового законодательства.

Власть имущие в Новой Зеландии панически боялись, что размах рабочего движения в стране достигнет того же уровня, что и в самой Англии. Они всячески хотели избежать повторения европейских классовых битв в «белой» колонии. Британский автор Артур Дуглас, побывавший в начале нынешнего столетия в Новой Зеландии и выпустивший в 1911 г. подробное исследование о ней, считал, и в этом смысле он прав, что, вводя трудовое законодательство, новозеландское правительство рассуждало примерно так: «Мы не хотим допускать подобное развитие дел. Мы будем сейчас, пока мы у власти, вводить законы, которые абсолютно исключают повторение ошибок старого мира в нашей стране» [75, с. 239].

Примерно тогда русский автор М. Таганский, настроенный апологетически в отношении Новой Зеландии, писал: «Все современное социальное законодательство Новой Зеландии, приводящее в восторг буржуазных демократов всех стран, проникнуто... стремлением... не допустить обострения классовых противоречий, классового обособления пролетариата... подавить в нем жажду борьбы с современным общественным порядком и стремление к социальному перевороту» [61, с. 9].

В 1891 г. министерство труда разработало и провело через парламент более сорока законов о труде.

Одним из наиболее широко применяемых был Фабричный акт. Он распространялся на все предприятия, производящие товарную продукцию, с числом рабочих более двух.

Согласно этому акту каждое предприятие должно быть зарегистрировано. Собственник предприятия подвергался штрафу в размере 5 ф. ст. за каждый день существования предприятия без регистрации. Акт регламентировал труд взрослых мужчин и женщин, а также подростков. Рабочий-мужчина старше 16 лет мог работать не более 48 часов в неделю, 8 часов 45 минут в день, 5 часов без перерыва на обед по крайней мере на 45 минут. За сверхурочную работу полагалась дополнительная оплата в размере $\frac{1}{4}$ зарплаты.

Регламентация труда взрослых женщин и подростков сводилась к следующему. На всех предприятиях, кроме шерстопрядильных, рабочая неделя устанавливалась в 45 часов, исключая время на еду, рабочий день — 8 часов 15 минут, не более 4 часов 14 минут без перерыва.

На шерстопрядильных предприятиях рабочая неделя устанавливалась в 48 часов, рабочий день — 8 часов 45 минут, не более 4 часов 15 минут без перерыва, перерыв не менее 45 минут. Сверхурочная работа не должна была превышать 3 часов в день и применяться не более двух раз в неделю. Размер оплаты за сверхурочную работу устанавливался такой же, как у мужчин [75, с. 241—242].

Труд подростков до 14 лет мог использоваться на предприятиях в особых случаях и только с разрешения специального инспектора.

Акт о работе магазинов и учреждений подробно регулировал труд служащих. Специальные акты были посвящены санитарным условиям труда, компенсациям за несчастные случаи на производстве и др. [75, с. 245—246]. Позднее, в 1905 г., были приняты акты о регулировании труда шахтеров [75, с. 249—250].

Русский ученый начала XX в. Н. Чумаков в брошюре «О народном самоуправлении в Новой Зеландии» восхищенно писал, что «все рабочее законодательство Новой Зеландии составляет книгу в 400 страниц мелкой печати» [62, с. 31].

Следует особо остановиться на законодательстве, посвященном урегулированию трудовых конфликтов.

Первый акт такого рода был принят парламентом в 1894 г. Автором его был У. Ривс, тогдашний министр труда, ставший впоследствии верховным комиссаром Новой Зеландии. Этот акт, имевший официальное название «Закон о производственном примирении и арбитраже», ставил целью «поощрять создание производственных союзов и ассоциаций и облегчать урегулирование промышленных конфликтов путем посредничества и арбитража» [75, с. 251]. Закон много раз подвергался пересмотру. В него вносились различные изменения и дополнения. Спустя четырнадцать лет после его введения в действие «Закон о про-

изводственным примирении и арбитраже» осуществлялся на практике следующим образом.

Создаваемые на предприятиях профессиональные союзы должны были официально регистрироваться в министерстве труда. Союзы могли образовываться на предприятиях с числом работающих не менее трех человек. Два или более союза могли объединяться в ассоциацию, которая также регистрировалась в министерстве труда как «промышленная ассоциация».

Вся страна делилась на несколько промышленных районов, в каждом из которых создавались «советы примирения», так сказать, низшая инстанция для рассмотрения трудовых конфликтов. Эти советы состояли из назначаемых губернатором комиссара и одного или нескольких помощников. В тех случаях, когда совету не удавалось решить спор, он передавался в арбитражный суд. Арбитражный суд возглавлялся судьей, назначаемым губернатором. Его положение было приравнено к положению члена Верховного суда страны. В составе суда было два члена, один из которых назначался по представлению предпринимателей, другой — рабочих.

Закон устанавливал различие понятий «стачка» и «локаут».

Под стачкой понимались действия рабочих, прерывавших работу или разорвавших свои трудовые соглашения, с намерением: а) заставить предпринимателя согласиться с выдвинутыми ими требованиями об условиях труда; б) выразить несогласие с методами ведения предпринимателем своих дел или поддержать стачку на другом предприятии; в) помочь рабочим других предприятий заставить предпринимателей принять требования, выдвинутые ими.

Под локаутом понималось действие предпринимателя, закрывшего предприятие или прекратившего работу какой-либо его части с намерением: а) заставить рабочих принять условия труда, выдвинутые им; б) нанести ущерб рабочим с целью помочь другим предпринимателям.

За участие в «незаконных» стачках каждый рабочий подвергался штрафу в размере 10 ф. ст. Предприниматель же за «незаконный локаут» штрафовался на сумму до 500 ф. ст. [75, с. 254—255].

«Незаконными» стачки и локауты объявлялись в том случае, если правительство устанавливало, что они наносят ущерб всей отрасли промышленности, к которой относилось данное предприятие.

Вводились ограничения на забастовку для рабочих и служащих электростанций, городского и железнодорожного транспорта, водоснабжения, газовой, угольной и мясо-молочной промышленности, за нарушение которых каждый рабочий и служащий подвергался штрафу в размере до 25 ф. ст.

Ограничения были установлены и для владельцев предприятий указанных выше отраслей при проведении ими локаутов,

при нарушении которых они штрафовались на сумму до 500 ф. ст. [75, с. 256].

Арбитражная система очень скоро получила в Новой Зеландии весьма широкое распространение. Так же как и в Австралии, даже в большей степени, арбитраж нес с собой усиление оппортунизма в рабочем движении. Арбитражная система вызвала быстрый рост профсоюзов, ибо пользоваться ею имели право только официально зарегистрированные тред-юнионы. Если в 1893 г. их было 37, то к 1906 г.— 274 [117, с. 101].

Распространению мелкобуржуазных настроений среди новозеландского рабочего класса способствовало также распыление промышленности, основную массу которой составляли мелкие предприятия. Так, в начале нынешнего столетия в Новой Зеландии насчитывалось 3,2 тыс. предприятий обрабатывающей промышленности, а численность рабочих в стране не превышала 42 тыс. человек [61, с. 10].

В «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин, разбирая книгу А. Зигфрида «Новая Зеландия», сочувственно выписывает фразу автора: «Новозеландцы практичны и оппортунистичны до цинизма... и рабочие тоже, они вполне „консервативны“, им есть что „охранять“» [4, с. 512]. Новозеландское законодательство о труде В. И. Ленин рассматривает как «подкуп рабочих социальными реформами со стороны империалистической буржуазии» [4, с. 512].

Необходимо подчеркнуть, что, напуганная волной пролетарского движения в начале 90-х годов, новозеландская буржуазия стремилась укрепить свое положение не только в городах, но и в сельских районах страны, где, кстати сказать, продолжало проживать большинство населения (491,6 тыс. из 929,5 тыс. человек, составлявших население страны на конец 1907 г.) [75, с. 411].

Делалось это путем различных поощрений, увеличения числа мелких сельских хозяев, расширения мелкобуржуазного элемента в сельскохозяйственном населении страны. Именно этой задаче было подчинено новозеландское земельное законодательство 90-х годов прошлого века.

Изложение основных положений этого законодательства необходимо предварить указанием на то, что земля в Новой Зеландии принадлежала в основном государству.

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», изданной в 1908 г., В. И. Ленин отмечал Новую Зеландию как буржуазное государство, осуществившее в известной мере национализацию земли. «Теоретически,— писал В. И. Ленин,— национализация представляет из себя „идеально“ чистое развитие капитализма в земледелии. Другое дело — вопрос о том, часто ли осуществимы в истории такие сочетания условий и такое соотношение сил, которые допускают национализацию в капиталистическом об-

шестве. Но она является не только следствием, а также и условием быстрого развития капитализма. Думать, что национализация возможна только при очень высоком развитии капитализма в земледелии — значит, пожалуй, отрицать национализацию как меру *буржуазного* прогресса... Мера буржуазного прогресса, как буржуазная мера, немыслима при сильном обострении классовой борьбы пролетариата и буржуазии. Такая мера правдоподобна, скорее, в „молодом“ буржуазном обществе, еще не развившем свои силы, еще не развернувшем свои противоречия до конца, еще не создавшем такого сильного пролетариата, который стремится непосредственно к социалистическому перевороту... Опыт различных капиталистических стран не показывает нам национализации земли в сколько-нибудь чистом виде. Нечто аналогичное мы видим в Новой Зеландии, — молодой капиталистической демократии, где нет и речи о высоком развитии земледельческого капитализма» [3, с. 298—299].

Договор у Уаитанги 1840 г. подтверждал право собственности маори на землю. Земля переходила в руки государства путем ее выкупа у коренных жителей. С 1840 по 1908 г. новозеландское правительство приобрело у маори 28,5 млн. акров земли [75, с. 339].

Закон 1892 г. ограничивал размер продаваемых земельных участков. Согласно закону никто не мог приобрести более 640 акров земли первого сорта, 2 тыс. акров земли второго сорта и 5 тыс. акров земли третьего сорта [75, с. 346].

Правительство также энергично скупало крупные землевладения у частных лиц и даже провело закон о возможности принудительного выкупа земельных участков в городе и сельской местности, если, по мнению правительства, в том возникает необходимость.

Эти меры, конечно, не уничтожили крупного землевладения, но значительно увеличили число мелких и средних земельных собственников. Так, к 1911 г. общая площадь землевладений размером свыше 10 тыс. акров сократилась с 7 млн. до 3 млн. акров.

К 1912 г. правительство выкупило 200 крупных имений, общая площадь которых составляла 1,3 млн. акров, и перепродало эту землю 17 тыс. мелких землевладельцев. Общее число землевладельцев выросло в 90-х годах с 13 тыс. до 74 тыс. [117, с. 162, 164]. В начале XX в. оно превысило 115 тыс. человек, что составляло 15% всего населения страны.

Руководители новозеландского правительства в 90-х годах XIX — начале XX в. — «либерал» Болланс и «социалист» Седдон старались, как любят говорить буржуазные исследователи, «примирить труд и капитал на честной и справедливой основе» [117, с. 158]. В действительности же они верно служили новозеландской буржуазии, поощряя и всячески развивая оппортунизм в рабочем классе страны. В «Тетрадах по империализму»

В. И. Ленин иронически замечал: «Консерваторы расхваливали „социалиста Седдона“... хвала Седдону, радикалу, демократу, империалисту!» [4, с. 512].

По поводу манипуляций новозеландского правительства с землей В. И. Ленин отмечал: «Создание **мелкой** земельной собственности; выкуп крупных имений (награбленных и т. п. архиподло у маори и т. п.) (распродажа мелким) — это „**демократия**, а не **социализм**“... Превращать крупное землевладение в мелкое! Это и французская революция делала...» [4, с. 513].

Следует отметить, что перераспределение земельных участков в Новой Зеландии всегда сопровождалось огромными спекуляциями. С 1900 до 1937 г., например, общая площадь земельных участков, по поводу которых были заключены договоры о купле-продаже, превысила площадь самой Новой Зеландии [117, с. 185].

Очевидные особенности развития Новой Зеландии характерны не только для экономической, но и для политической жизни страны. Новая Зеландия являлась, да, пожалуй, и сейчас является, наиболее надежной частью Британского содружества. «Новозеландия=самая „верная“, верноподданная, колония Великобритании», — отмечал В. И. Ленин в начале нынешнего столетия [4, с. 511].

Новозеландское правительство охотно при случае демонстрировало свою лояльность, преданность интересам Британской империи. Это было и в дни общеимперских праздников, например таких, как золотой и бриллиантовый юбилей королевы Виктории, коронация короля Эдуарда VII, и в годы общеимперских тревог — англо-бурской и первой мировой войн. Новозеландское правительство посылало далеко за моря довольно крупные по местным масштабам воинские контингенты для участия как в пышных церемониальных королевских празднествах, так и в кровавых империалистических войнах.

Все это, однако, не мешало новозеландскому правительству преданно служить интересам собственной буржуазии, проявляя при этом зачастую большую строптивость и настойчивость, чем это делали руководители других «белых» колоний Британской империи.

Так, в период 1863—1873 гг., когда Австралия и Новая Зеландия вместе добивались права установления тарифов, новозеландский премьер-министр Фогель пошел дальше, он потребовал права самостоятельно заключать торговые соглашения с иностранными государствами, но не был поддержан ни австралийским, ни тем более британским правительством.

На первой общеимперской конференции в Лондоне в 1887 г. представитель Новой Зеландии опять настойчиво добивался права самостоятельно заключать внешнеторговые договоры, но не получил поддержки ни у британского правительства, ни у представителей британских колоний. В это же время ново-

зеландское правительство безуспешно ставило вопрос об ограничении власти губернаторов в британских колониях [117, с. 194].

В 80—90-х годах начали со всей очевидностью проявляться экспансионистские тенденции новозеландской буржуазии в отношении тихоокеанских островов, которые находили полную поддержку у новозеландского правительства, входившего в острые трения по этому поводу с британским правительством, чьи намерения в бассейне Тихого океана зачастую совершенно не совпадали с вожелениями «верноподданной» колонии. Но об этом мы подробно будем говорить в следующей главе.

Стремление новозеландской буржуазии как-то объединить верноподданность интересам империи со своими локальными интересами находило свое выражение в идее создания федерации государств, говорящих на английском языке. В 70-х годах премьер-министр Д. Фогель вынашивал идею создания Имперского конгресса как некоего супероргана, который занимался бы общими вопросами отношений Великобритании с ее колониями. В дальнейшем новозеландские премьеры Р. Седдон и Д. Уорд на имперских конференциях в Лондоне настойчиво ставили вопрос о создании постоянно действующего имперского органа в виде Имперского совета.

Так, на имперской конференции 1907 г. Уорд, обосновывая выдвигаемую идею, говорил о желании Новой Зеландии установить «ясную демаркационную линию между ответственностью, которую мы принимаем по нашей собственной свободной воле, и ответственностью, которая может быть на нас возложена без предварительного обсуждения» (цит. по [117, с. 200]).

Одновременно новозеландские лидеры всячески стремились убедить английское правительство, что Великобритания должна перестать чувствовать себя только европейской державой, а «быть,— как говорил в 1907 г. премьер-министр Р. Стоут,— столь же независимой в европейской политике, как и Соединенные Штаты», и ощущать себя «центром мировой империи» [117, с. 200]. При этом они исходили прежде всего из интересов собственной буржуазии, которая в ту пору хотела привлечь внимание британского правительства к тихоокеанским делам, получить его помощь и поддержку в борьбе с другими империалистическими державами за колонии в бассейне Тихого океана.

Политическим идеалом новозеландской буржуазии было получить некоторую автономию в рамках Британской империи, «поднять политический статус Новой Зеландии» [117, с. 202]. Они охотно признавали над собой верховенство британской короны как «новозеландцы и бритты», но отнюдь не желали иметь какую-либо промежуточную инстанцию между собой и британским правительством. Потому так решительно было отвергнуто предложение об объединении с австралийскими колониями. Выступая в 1890 г. в новозеландском парламенте, один из ораторов сделал следующее весьма характерное для настроений

новозеландской буржуазии заявление: «Новая Зеландия должна быть страной для новозеландцев. Великобритания распростерла над нами крылья, и мы не должны искать какой-либо другой страны или колонии для нашей защиты... Мы — пионеры великой нации, и у нас, несомненно, прекрасное будущее... Я думаю, что мы станем во всех отношениях такой же значительной страной, как и Австралия, сохраняя свою собственную национальность» [117, с. 205].

В «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин замечал по этому поводу: «Против соединения с Австралией: мы-де за себя сами. Мы „лучшая страна в мире“...» [4, с. 511].

В 1907 г. сбылась мечта новозеландской буржуазии — Новая Зеландия получила статус доминиона.

В области культуры и просвещения Новая Зеландия в этот период находилась полностью под влиянием Великобритании.

До середины 70-х годов школьное образование в Новой Зеландии было развито слабо. Лишь половина детей в возрасте от 5 до 15 лет посещали школы, причем в большинстве школ уровень преподавания был весьма низким [104, с. 222].

Улучшение наступило лишь после 1877 г., когда была введена единая для всей страны система начального образования. Что касается среднего образования, то изменения к лучшему произошли значительно позднее — после 1902 г.

Накануне получения статуса доминиона, в 1906 г., в Новой Зеландии насчитывалось 1847 государственных школ для детей европейского населения с общим числом учащихся 122 тыс. и 100 школ для детей маори, где обучалось всего 6,8 тыс. человек [75, с. 214—215].

Большое внимание в школьной программе уделялось военной подготовке учащихся. В законе об образовании прямо указывалось на то, что «в государственных школах должна быть предусмотрена военная подготовка всех мальчиков» в возрасте старше 8 лет. В связи с этим в 1906 г. в стране уже насчитывалось 280 кадетских корпусов общей численностью около 15 тыс. человек [75, с. 215]. Следует отметить, что такая система военного обучения позволила Новой Зеландии в дальнейшем выставить на фронты мировых войн наибольшее число солдат (в процентном отношении к численности населения) из всех стран Британской империи.

Кроме государственных в стране в 1906 г. имелось 308 частных школ, более половины которых находилось в руках римско-католической церкви. В этих школах обучался 17 131 человек [75, с. 221].

В результате распространения школьного образования количество грамотных в Новой Зеландии увеличилось в период 1874—1906 гг. с 68,15 до 83,5%.

Благодаря этому значительно возросло число выходящих в стране периодических изданий. В январе 1908 г., например, в

Новой Зеландии распространялось 232 газеты, т. е. одна на каждые 2 тыс. взрослого населения [75, с. 221]. Наиболее влиятельными газетами были «Otago Daily Times» (Данидин), «The Lyttelton Times», «The Press» (Крайстчерч), «The New Zealand Times», «The Dominion», «Evening Post» (Веллингтон), «The Hawkes Bay Herald» (Нейпир), «The Auckland Herald», «The Weekly Graphic» (Окленд) [75, с. 316].

Глава V

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ЗАХВАТЫ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ В 70—90-х ГОДАХ XIX ВЕКА

В последней четверти XIX в. колониальная лихорадка особенно сильно сотрясала буржуазный мир. Именно в это время и происходит завершение колониального раздела земного шара. Новозеландская буржуазия высказала откровенное желание принять участие в колониальном дележе и получить свою долю.

В этот период ярко проявляется та особая форма новозеландского империализма — «колониальный джингоизм», — в котором В. И. Ленин видел «два течения империализма (оба вполне примиримы): 1. великодержавный империализм (участие в империализме Великобритании); 2. „локальный империализм“ — своя обособленность... замкнутость» [4, с. 511].

Доказывая свою верноподданность интересам империи, новозеландское правительство сразу же в начале англо-бурской войны поспешило заявить о своей солидарности с Великобританией.

28 сентября 1899 г., выступая в палате представителей, Р. Седдон заявил, «что почтительный адрес представлен его превосходительству губернатору, в котором его просят предложить имперскому правительству для службы в Трансваале контингент войск, и что в случае, если это предложение будет принято, правительство будет уполномочено подготовить, вооружить и доставить этот контингент в Трансвааль» (цит. по [75, с. 376]).

Заканчивая выступление, Седдон патетически воскликнул: «Тучи войны сейчас выглядят особенно темными, их вот-вот должна разорвать молния. Я думаю, что сейчас не время обсуждать действия и решения имперского правительства, наш долг поддержать его в занятой им позиции» (цит. по [75, с. 376]).

Предложение Седдона было единодушно поддержано палатой. По окончании заседания новозеландские парламентарии стоя пропели британский гимн и трижды усердно прокричали приветствие королеве Британии.

Королева Виктория благосклонно рассмотрела адрес своих верноподданных новозеландцев, и 4 октября британские премьер-министр и министр обороны направили в Новую Зеландию

инструкции о том, что контингент войск может быть сформирован и направлен в район военных действий. 21 октября первый отряд новозеландских войск отправился в Южную Африку. Все-го в военных операциях против буров приняло участие 6,5 тыс. новозеландцев. Правительство колонии израсходовало на эти цели 334 тыс. ф. ст., и еще 113,3 тыс. ф. ст., полученных от добровольных пожертвований, было израсходовано на участие в войне. Потери новозеландских войск составили 230 убитых и 166 раненых [104, с. 271].

Еще более ретиво служа имперским интересам, действовало новозеландское правительство в период первой мировой войны, о чем мы будем говорить в следующей главе.

Но, верно служа общеимперским интересам, новозеландская буржуазия никогда не забывала о своих собственных. С начала 70-х годов XIX в. все определеннее и настойчивее звучат в Новой Зеландии голоса в пользу захвата островов Океании, политическая и коммерческая ценность которых становится очевидной. Дело в том, что окончание в 1869 г. строительства транс-американской железной дороги сделало более целесообразной транспортировку товаров из Европы в восточные страны, Австралию и Новую Зеландию через американскую территорию, нежели по старому пути вдоль Африканского материка, мимо мыса Доброй Надежды. Американские дельцы начали проявлять серьезный интерес к открытию новых тихоокеанских морских линий. Поскольку паровые суда того времени не могли передвигаться на большие расстояния без пополнения топлива, необходимо было искать в Тихом океане места для организации угольных станций. На первых порах американцы исследуют на этот предмет острова Микронезии.

В 1870 г. капитан Траксон на корабле «Джеймстаун» совершает трехмесячное плавание в Тихом океане. В своем отчете он отрицательно отзываясь о практической ценности для США островов Феникс, Гилберта и Маршалловых. Каролинские острова, по его мнению, смогут приобрести некоторую ценность для американцев, если значительно увеличится торговля Австралии с Китаем; сами же по себе они не представляют никакой выгоды для американского бизнеса [66, с. 317].

В этом же году крупный нью-йоркский судостроитель и судовладелец У. Уэбб передает на рассмотрение правительства США проект создания пароходной и почтовой линий, связывающих Сан-Франциско с Австралией, и получает поддержку от государственного департамента и почтового ведомства.

Видя активность американских дельцов, новозеландцы решили упредить их. Инициативу взял на себя Оклендокий провинциальный совет. В ноябре 1870 г. Совет обсудил возможность создания пароходной линии, соединяющей Новую Зеландию с Фиджи. Созданный им специальный комитет экспертов подтвердил целесообразность организации такой линии. Один

из членов комитета, И. Мосс, заявил, что Окленд может обогнать Сидней и Мельбурн по размерам торговых оборотов с Фиджи и Новая Зеландия «станет естественным центром островной торговли, которая станет играть для нее такую же роль, как Вест-Индия для Англии» [114, с. 90]. А другой член комитета, Д. Грэхем, пошел еще дальше: «Острова Фиджи находятся в такой непосредственной близости от Новой Зеландии, что почти могут рассматриваться как часть колонии, и я надеюсь увидеть их частью Новой Зеландии» [114, с. 90]. Комитет одобрил проект создания пароходной линии, а в январе 1871 г. Оклендский провинциальный совет его утвердил. Действовать пароходная линия начала с июня 1873 г. Но на этом оклендцы не успокоились. Они продолжали обсуждать проекты создания новых пароходных линий, в частности в Самоа и Тонга, и направляли правительству колонии соответствующие документы. У последнего они находили полную поддержку. Практическому осуществлению проектов расширения пароходных линий в Океании помогло неожиданное обращение к новозеландскому правительству уже упоминавшегося нами американского дельца У. Уэбба.

Оно было вызвано тем, что предложение Уэбба об открытии новой тихоокеанской линии не нашло поддержки в конгрессе США. И тогда он обратился к правительствам Австралии и Новой Зеландии за финансовой поддержкой, прекрасно понимая, что эти страны еще более, чем США, заинтересованы в такой линии. Новозеландцы приняли его предложение, и в 1871 г. тихоокеанская почтово-пароходная линия начала свою деятельность. Соглашение с американской компанией подписал Фогель. Именно с его именем связано начало истории новозеландского «локального империализма».

Фогель, уроженец Лондона, прибыл в Новую Зеландию в период «золотой лихорадки». Он начал свою деятельность в колонии в качестве журналиста. В 1863 г. был избран в палату представителей. Через шесть лет вошел в состав правительства, а в 1873 г. стал премьер-министром Новой Зеландии.

Первым из новозеландских деятелей он откровенно высказался за захват в той или иной форме островов Самоа и Фиджи. Под его нажимом правительство колонии в декабре 1871 г. посылает на Самоа специального представителя Уильяма Сиды, занимавшего пост секретаря таможенного управления (управляющим являлся Фогель). Через полтора месяца У. Сид представил Фогелю доклад, в котором утверждал, что и самоанцы, и европейцы, живущие на Самоа, будут приветствовать установление британского протектората над островами. Он также подчеркивал достоинства гавани в Паго-Паго для устройства там угольной станции для морских судов. Доклад Сиды заканчивался выводом о том, что правительство Новой Зеландии должно убедить британское правительство распространить свой суверенитет на острова Самоа, а непосредственное управление архипе-

лагом передать новозеландцам, как имеющим опыт в обращении с маори, что устранил многие трудности, которые «могут возникнуть, если управление островами будет передано лицам, плохо знающим или совсем не знающим характер и обычаи полинезийских туземцев» [114, с. 108].

Фогель немедленно послал доклад Сиды в обе палаты новозеландского парламента, а также в британское министерство колоний. Но предложение о захвате Самоа не встретило поддержки у британского правительства.

В официальном ответе министерства колоний сообщалось, что хотя британское правительство и понимает растущее значение тихоокеанских островов, но оно не готово к установлению протектората над Самоа [114, с. 110].

Но Фогель и не думал сдаваться. Активные действия на Самоа, к которым перешли США, а затем и Германия, побудили его действовать еще настойчивее.

Узнав о заключении американским капитаном К. Мейдом договора с самоанцами о строительстве станции в Паго-Паго, он послал 9 июня 1872 г. новую записку английскому правительству, а 25 июля 1873 г., уже будучи премьер-министром, еще одну в весьма решительных тонах, где он от имени новозеландского правительства настаивал на принятии Англией решительных мер, препятствующих тому, чтобы Самоа попали в руки какой-либо иностранной державы, а в случае, если британское правительство не захочет это сделать, разрешить Новой Зеландии самой предпринять необходимые действия для защиты своих интересов на островах.

Опять новозеландцы получили отрицательный ответ правительства Великобритании. Но Фогель продолжал упорствовать. 17 октября 1873 г. он направляет британскому правительству меморандум, в котором настаивает на захвате не только Самоа, но и всех других «ничейных» островов Тихого океана. Взывая к британским традициям, колониальным, коммерческим и политическим интересам, он настаивал на том, чтобы Англия взяла на себя заботу о распространении «цивилизации на благодатных островах Тихого океана», обещая самую горячую поддержку Новой Зеландии и не преминув заметить, что новозеландские министры «осмеливаются настаивать на том, что Великобритания... может справедливо гордиться своим воспроизведением в „Великобритании Южных морей“, как удачно называли Новую Зеландию» [114, с. 113].

Однако и на этот раз ответ британского правительства был отрицательным. Министерство колоний сообщало, что правительство ее величества не может санкционировать какие-либо шаги, которые привели бы Великобританию к необходимости вмешаться в самоанские дела.

«Я против аннексии этих островов или вмешательства в их дела,— заявил министр колоний лорд Кимберли.— Заключение

договора, предоставляющего равные возможности британским подданным, торгующим с Навигаторскими островами, могло бы быть правомерным, но в настоящее время представляется нежелательным такое действие, поскольку это может привести к спорам с Соединенными Штатами... Учитывая, что мы аннексировали множество мест в мире, мы не можем препятствовать другим морским державам добиваться получения для себя нескольких станций» [66, с. 329—330].

Столь снисходительная к действиям США позиция Великобритании объяснялась довольно просто: в то время английское правительство было занято фиджийскими делами; захват Фиджи представлял для него значительно больший интерес. Когда же новозеландское правительство вместе с правительствами австралийских колоний, видя заинтересованность Англии в островах Фиджи, начало проявлять активность в фиджийском вопросе, то имперское правительство недвусмысленно указало новозеландцам и австралийцам на их место.

Говоря в английском парламенте о судьбе Фиджи, лорд Карнарвон полностью исключил возможность передачи островов в управление британских «белых» колоний в Южных морях, считая, что они «еще не достигли такого уровня развития, который позволил бы им взять на себя такую ответственность. Их собственная ноша так тяжела, что, хотя с их стороны имеется добрая воля и они обладают значительной частью политической компетенции, они все же еще не готовы управлять делами молодой зависимой страны». Возможность предоставить Фиджи самим себе совершенно исключалась британским министром колоний. «Трудности настолько возросли, что гражданская война была предотвращена лишь благодаря присутствию там одного из кораблей королевского флота. На Фиджи находится такое число английских поселенцев, английский капитал столь велик и английские интересы так сильно требуют мира на островах, что мы не можем убрать руки и сказать, что не хотим ничего делать с этими островами». Единственный выход — это передача Фиджи под власть Великобритании, причем без каких-либо условий или оговорок. «С точки зрения правительства ее величества существует одно-единственное условие, при котором передача островов может быть принята. Это условие состоит в том, что во всех отношениях передача будет абсолютно безоговорочная и что мы получим полную свободу управления делами островов» [19, с. 182, 183, 185—186].

Не менее настойчиво и темпераментно продолжал политику Новой Зеландии в отношении тихоокеанских островов и Дж. Грей, сменивший Фогеля на посту премьер-министра.

Правительство Великобритании по-прежнему продолжало политику сдерживания своих ретивых представителей в колонии, но новозеландцы упорствовали в благом желании подарить британской короне новые земли.

Когда возникла угроза германского захвата Новой Гвинеи, новозеландское правительство вместе с правительствами австралийских колоний собрали в декабре 1883 г. совещание в Сиднее и заключили конвенцию, одобрявшую захват Новой Гвинеи (кроме ее западной части, принадлежавшей Голландии) и прилегающих к ней островов, а также объявившую, что дальнейшие захваты какой-либо державой территорий в западной части Тихого океана южнее экватора являются угрозой безопасности британских владений в Океании и что «ни одно приобретение или потенциальное приобретение земли, сделанное до установления британской юрисдикции, и владения в Новой Гвинее или на других островах Тихого океана... не будут признаны, за исключением небольших участков земли, занятых для миссионерских или торговых целей» [79, с. 75].

Но, делая вид, что она печется лишь об общеперских интересах в своих колониальных проектах, новозеландская буржуазия ни на минуту не забывала о собственных.

Фогель, являвшийся, как мы видели, энтузиастом британских захватов в Тихом океане, инспирировал движение среди белых колонистов Фиджи за федеративное объединение островов с Новой Зеландией.

На Фиджи происходили бурные митинги, принимались резолюции за объединение обеих колоний. Соответствующие петиции направлялись в новозеландский парламент. В июле 1885 г. специальная комиссия парламента рассмотрела эти обращения и поддержала их. Но при колониальном статусе новозеландские органы власти не могли принимать самостоятельные решения по территориальным вопросам без санкции британского правительства. А такого одобрения своих намерений в решении фиджийского вопроса они от Великобритании не получили.

Министерство колоний сообщило об отказе рассматривать предложения об объединении Фиджи с Новой Зеландией.

Выше упоминалось, что новозеландское правительство горячо выступало за захват Англией о-вов Самоа. Но в то же время оно направило на острова ловкого оклендского политика Джона Ландона, который склонил самоанских вождей обратиться в ноябре 1884 г. с петицией к английской королеве, прося ее распространить свою власть на Самоа и сделать их британской колонией или передать в управление Новой Зеландии. Передать эту петицию королеве Виктории вожди просили новозеландское правительство.

Используя страх самоанского верховного вождя Малиетоа перед немцами, Дж. Ландон добился того, что вождь в феврале 1885 г. направил в самоанский парламент проект акта о передаче островов под власть Новой Зеландии и посылке самоанской делегации в Новую Зеландию для передачи этого акта новозеландскому правительству.

Со своей стороны, новозеландское правительство через сво-

его представителя в Лондоне всячески старалось склонить британское правительство к решению аннексировать Самоа и передать их в управление Новой Зеландии.

Однако Англия, занятая сложной политической игрой с Германией и США, оставалась безразлична к колониальным вожделениям новозеландцев. Политические маневры великих держав в самоанском вопросе окончились подписанием 2 декабря 1899 г. англо-американо-германского соглашения, по которому Англия отказывалась от своих «прав» на Самоа, получив компенсацию на Тонга, Соломоновых островах и в Западной Африке. Для новозеландского правительства это было большим ударом. В сильном раздражении тогдашний премьер-министр колоний Седдон назвал действия Англии предательскими.

Седдон, как и Фогель и Грей, был ярым сторонником захвата тихоокеанских островов. Разница между ними заключалась лишь в том, что Седдон считал главным врагом Британии на тихоокеанской сцене Соединенные Штаты. Поэтому он стремился помешать американским захватам Самоа и Гавайев.

В июне 1897 г. по пути в Англию Седдон посетил Гонолулу. В конфиденциальном письме английскому правительству, посланном в Лондон 23 июня 1897 г., он настойчиво подталкивал последнее к решительным действиям, имеющим цель не допустить захвата Гавайев Соединенными Штатами, что, по его мнению, нанесет громадный ущерб имперским интересам. Но английское правительство продолжало спокойно взирать на энергичные действия своего тихоокеанского конкурента.

Отношение англичан к попыткам США захватить Гавайи было двойственным. Внутренне они были против этой аннексии. Англия имела с Гавайями давние связи. В истории англо-гавайских отношений были попытки распространения суверенитета Англии на острова, хотя и не получившие поддержки правительства. Англия имела серьезные коммерческие интересы на Гавайях. Прекрасно осознавая стратегическое и коммерческое значение островов, она понимала, насколько усилится позиция США в бассейне Тихого океана в результате их аннексии. Все это заставляло Англию внимательно следить за положением на Гавайях и стараться оказывать на направление развития этих событий свое влияние.

Официально же английское правительство старалось избегать таких действий и заявлений, которые вызвали бы обострение отношений с США. Некоторые шаги, предпринятые Англией, напротив, указывали на ее желание достичь более тесных отношений с Соединенными Штатами (так, например, возведение британского посланника в Вашингтоне в ранг посла и др.); что явно проявилось позднее, в период испано-американской войны.

Примечательна в этом отношении статья, помещенная в буржуазном либеральном органе «Спикер» 4 февраля 1893 г. «Мы

должны поддерживать Америку,— говорилось в этой статье,— в направлении, которое предписывает ей естественное расширение ее интересов и интересов цивилизации; а политика союза с Америкой сделает для нас возможным осуществление в Тихом океане, без риска и ущерба, наших собственных интересов или интересов наших колоний». В номере от 18 февраля эта мысль была развита дальше. Утверждалось, что английские государственные деятели должны понимать, что американские интересы на Гавайях значительно превосходят интересы любой другой державы и, несмотря на возражения колоний, захват островов должен явиться «первым шагом, возможно, наиболее важным в направлении к англо-американскому союзу в будущем...» (цит. по [119, с. 244]).

Совершая вояж по тихоокеанским островам под предлогом поправки здоровья, Седдон в мае 1900 г. прибыл на о-ва Тонга, которые незадолго до этого были переданы под «протекцию» Великобритании. Там он сразу же вступил в контакт с представителями белых колонистов, выражавших желание, чтобы о-ва Тонга были аннексированы Новой Зеландией. Седдон заручился поддержкой влиятельнейшего на острове человека — англичанина Бейкера, бывшего миссионера, достигшего поста премьер-министра тонганского правительства, и Р. Лифа, британского вице-консула на островах.

Однако решительных действий Седдон не предпринимал до мая 1902 г., до смерти короля Тонга. Узнав о кончине короля, Седдон немедленно телеграфировал британскому правительству, прося разрешения аннексировать Тонга. Но Лондон ответил отказом, считая, что «Новая Зеландия слишком торопится» [114, с. 283].

Такой же неудачей окончилась попытка Седдона поставить под новозеландский контроль Новые Гебриды. Ради этого Седдон ездил и в Англию, и в Австралию, ведя длительные переговоры с имперским и австралийским правительствами. Смерть настигла его в июне 1906 г. на пути из Австралии в Веллингтон, куда он возвращался после очередных переговоров.

Рассматривая события тех лет, современный новозеландский историк К. Синклер справедливо замечает: «Гигантская эпидемия шовинизма, утрируемой и агрессивной националистической или расистской доктрины, которая заразила многие европейские народы в это время, которая привела Соединенные Штаты к войне с Испанией, Германию — к *Weltpolitik* и несчастью, в британских странах приняла форму джингоизма...»

Этот вид истерического „империализма“, соединивший в себе грубые и нетерпимые расовые предрассудки и милитаризм с любовью к родине, оставался в Новой Зеландии в течение долгого времени» [177, с. 197—198].

Р. Седдон был ярким представителем новозеландского «колониального джингоизма». Его неудачи в стремлении добыть Но-

вой Зеландии собственные колонии не поколебали его преданности британскому империализму. «Президент Рузвельт сказал, что над Тихим океаном будет господствовать звездно-полосатый флаг,— восклицал Седдон.— Я же заявляю, что если какой-либо флаг и будет господствовать в Тихом океане, то лишь „Юнион Джек“» [117, с. 287].

Потерпев ряд неудач в попытках поставить под свой контроль относительно крупные и по размерам, и по населению архипелаги Океании, новозеландцы стали более внимательно присматриваться к мелким, часто незаселенным островам, которые не привлекали еще внимания мировых держав.

В 600 милях на северо-восток от Окленда расположена группа о-вов Кермадек. Новозеландцы долгое время не обращали на них никакого внимания. Эти мелкие, необитаемые острова не имели не только удобных гаваней, но и сколько-нибудь приличных якорных стоянок.

Но когда в 70—80-х годах XIX в. начался быстрый процесс колониального раздела Океании между европейскими державами, новозеландцы решили объявить о-ва Кермадек своей собственностью, до того как на них обратят внимание «великие мира сего».

28 октября 1885 г. новозеландский кабинет обратился к британскому правительству с меморандумом, где говорилось, что о-ва Кермадек рассматриваются как неотъемлемая часть Новой Зеландии и поэтому должны быть аннексированы последней.

Министерство колоний передало меморандум новозеландцев на обсуждение в адмиралтейство и министерство иностранных дел. И то и другое ведомство не возражало против аннексии островов Новой Зеландией, причем адмиралтейство откровенно объявило о невозможности использования их в военных и коммерческих целях. После этого английское правительство официально уведомило новозеландцев о согласии на захват о-вов Кермадек.

31 июля 1886 г. капитан Ф. Клейтон поднял британский флаг на самом крупном острове — Сандей и объявил суверенитет королевы Англии над всей группой островов. Через год, 17 августа 1887 г., на о-в Сандей прибыли представители новозеландского правительства и объявили об аннексии о-вов Кермадек Новой Зеландией. Таким образом был создан важный для новозеландцев прецедент. Первая удача окрылила их, и следующей жертвой их неутоленных колониальных вожделений стали о-ва Кука. Но этому предшествовала довольно долгая и сложная история.

Еще в 1865 г. под воздействием британских резидентов на о-вах Кука местные вожди обратились через Дж. Грея с петицией к английскому правительству об установлении протектората над островами. Эта петиция, подобно многим другим, была в то время отвергнута правительством Великобритании. Следу-

ет сказать, что в то время, да и позднее, вплоть до 1885 г., сами новозеландцы не обращали серьезного внимания на о-ва Кука, сосредоточившись на попытке захвата Самоа и Фиджи. Лишь потерпев там неудачу, они изменили свое отношение. В сентябре 1885 г. специальный комитет палаты представителей новозеландского парламента вынес рекомендацию о целесообразности установления британского суверенитета над о-вами Кука. У правительства Англии это не нашло поддержки, поскольку, как сообщало министерство колоний, из-за отсутствия хороших гаваней эти острова не представляют интереса для империи. Но новозеландский кабинет теперь проявил упорство и в своем ответе правительству Великобритании продолжал настаивать на необходимости аннексии островов. При этом новозеландцы указывали на значительный объем торговли с о-вами Кука, достигший в 1884 г. 11 тыс. ф. ст. по экспорту и 24 тыс. ф. ст. по импорту. Они указывали на желание правительницы о-ва Раротонга перейти под «протекцию» Британии. Кроме того, были высказаны опасения захвата островов другими державами, и в первую очередь Францией, проявляющей большую активность в Восточной Полинезии. При согласии Великобритании новозеландское правительство выражало готовность вступить в переговоры с правительницей о-ва Раротонга.

В октябре 1885 г. правительница о-ва Раротонга Макеа Арики с мужем посетила Новую Зеландию, где подтвердила свое желание видеть о-ва Кука под властью Англии.

Активизировалось и европейское население островов, обратившееся к английскому и новозеландскому правительствам с аналогичным предложением.

Английское правительство медлило с ответом. В то время оно вело переговоры с Францией по поводу Новых Гебрид и опасалось, что аннексия о-вов Кука помешает их благополучному завершению. Наконец ответ был получен, но он был отрицательным.

Но в мае 1888 г. правительница Макеа Арики вновь обратилась с петицией к английскому правительству об установлении протектората над о-вами Кука. На этот раз британское министерство колоний благосклонно отнеслось к призыву правительницы Раротонги и высказалось в пользу установления протектората, что было поддержано министерством иностранных дел.

В результате правительство Великобритании отдало приказ о немедленном объявлении о-вов Кука британским протекторатом. 27 сентября 1888 г. английский вице-консул на о-ве Раротонга Р. Эксхем обнародовал этот приказ. Управление же новым протекторатом возлагалось на Новую Зеландию: она должна была назначать и оплачивать резидента на островах.

В октябре 1890 г. Фредерик Мосс из Окленда был назначен резидентом. Практически он приступил к выполнению своих

обязанностей в апреле 1891 г. Мосс, однако, назывался «британским резидентом» и подчинялся британскому верховному комиссару западной части Тихого океана. Получалось своеобразное положение: Новая Зеландия посылает своего представителя на о-ва Кука, оплачивает расходы по управлению ими, но по существу не оказывает влияния на управление протекторатом. Подобное положение никак не устраивало новозеландское правительство, и оно твердо решило добиваться полной аннексии островов.

В 1900 г. Седдон, весьма обиженный на британское правительство за «предательство» в решении самоанского вопроса, особенно яростно стал добиваться захвата о-вов Кука. Чтобы склонить на это Великобританию, он не устал говорить о заслугах Новой Зеландии в верноподданническом служении общеимперским интересам.

В конце концов британское правительство сдалось. «Правительство ее величества,— писал в своем ответе Седдону министр колоний Чемберлен,— понимает законное неудовлетворение Новой Зеландии соглашением о Самоа и ценит лояльность, с которой оно было воспринято в колонии, поняв, что эти действия правительства ее величества благоприятно скажутся на делах империи в целом». В оплату за это английское правительство согласилось на аннексию островов, с тем чтобы они стали составной частью Новой Зеландии [114, с. 262].

В мае — июне 1900 г. Седдон совершил поездку на острова. По возвращении он представил обширную записку губернатору Новой Зеландии, в которой советовал как можно скорее захватить о-ва Кука и о-в Ниуэ в связи с тем, что умерли и правительница о-вов Кука Макеа, и верховный вождь о-ва Ниуэ То-гия и возможны всяческие осложнения и неожиданности.

Записка Седдона была встречена благосклонно, и он получил разрешение действовать. Седдону хотелось объявить о расширении британских владений в Тихом океане именно 1 января 1901 г. В телеграмме английскому министру иностранных дел он объяснил это тем, что «наша экспансия будет подходящим знаком, отмечающим наступление нового столетия» [114, с. 270]. Но различного рода формальности задержали официальное провозглашение аннексии о-вов Кука и о-ва Ниуэ на полгода, и оно состоялось 11 июня 1901 г.

Так, имея еще статус колонии, Новая Зеландия сама стала колониальной державой.

Глава VI

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Парадоксально, но Новую Зеландию, страну относительно молодую и находящуюся действительно на краю света, в огромном отдалении от заселенных мест, можно вполне отнести к числу государств с большими военными традициями. Британская Новая Зеландия образовалась в ходе ожесточенных и кровавых войн, растянувшихся на многие десятилетия. С середины 60-х годов XIX в. Великобритания осуществляла колонизацию новозеландских островов в основном силами самих британских колонистов. Регулярные войска в большинстве своем были вывезены из Новой Зеландии. Практически все мужчины страны проходили военную подготовку, несмотря на добровольческий принцип формирования новозеландской армии. Выше мы уже говорили о том, как широко было организовано военное обучение в новозеландских школах, и о том, что новозеландские воинские формирования активно участвовали в англо-бурской войне 1899—1902 гг. В преддверии первой мировой войны новозеландское правительство еще более усилило военную подготовку населения. Согласно законам об обороне 1909—1911 гг. все мужчины в возрасте до 25 лет должны были проходить обязательное военное обучение. В 1910 г. военные приготовления в Новой Зеландии инспектировал британский военный министр лорд Китченер, потребовавший их ускорения и усиления.

Сразу, что предприняло новозеландское правительство в первой мировой войне, был захват Западного Самоа, принадлежавшего Германии. Только после завершения этого давно лелеемого акта, так естественно вытекающего из политики «колоннального джингоизма», правительство Новой Зеландии отправило войска в далекую Африку, где они должны были проливать кровь уже непосредственно за интересы Британской империи.

Новая Зеландия официально вступила в войну 4 августа 1914 г., а 15 августа 1400 солдат были направлены на Самоа. В Египет первый отряд новозеландских войск отбыл лишь в октябре 1914 г.

Новозеландские войска свое первое боевое крещение в Африке получили, отражая нападение турок на Суэцкий канал. Но это было короткое столкновение. Тяжелым испытанием для но-

новозеландских солдат (о нем и сейчас еще помнят в Новой Зеландии) были кровавые и неудачные бои в Галлиполи в апреле — декабре 1915 г., в ходе которых новозеландские войска понесли тяжелые потери.

После галлиполийских боев новозеландские войска участвовали в сражениях на Ближнем Востоке и во Франции. Особенно тяжелыми были бои на Сомме.

Участие в первой мировой войне легло тяжелым бременем на новозеландский народ. Более 100 тыс. солдат было отправлено на фронт. Это составило около 40% всего мужского населения страны, способного носить оружие. Убитых и раненых насчитывалось около 60 тыс. человек, т. е. один на каждые 17 жителей страны. Денежные расходы Новой Зеландии на войну составили 82 млн. ф. ст. [104, с. 275].

В период войны иммиграция в Новую Зеландию была незначительна. За пять лет (1914—1918) в страну приехало лишь 9,9 тыс. человек, из них 8 тыс. — в 1914—1915 гг. Снизился и естественный прирост населения вследствие падения рождаемости. Так, если прирост британского населения в Новой Зеландии в 1914 г. составил 18,2 тыс. человек, то в 1918 г. — 9,5 тыс. человек. За 1914—1918 гг. европейское население страны увеличилось всего с 1096 тыс. до 1108 тыс. человек. Прирост населения произошел за счет увеличения числа женщин. Если в 1914 г. их было 527,8 тыс., то в 1918 г. — 566,3 тыс. Число мужчин сократилось с 568,2 тыс. до 542,1 тыс. Большинство европейского населения (59,2%) жило на Северном острове.

Численность маорийского населения составила, по данным 1916 г., 49,8 тыс. человек, в том числе 25,9 тыс. мужчин и 23,9 тыс. женщин [112, с. 238—239].

Война привела к некоторым изменениям в структуре занятости населения. Если в 1911 г. в промышленности было занято 133,6 тыс., в сельском хозяйстве и добывающей промышленности — 124,8 тыс., транспорте и связи — 34,4 тыс., торговле — 65,7 тыс., органах государственного управления, здравоохранения, просвещения и др. — 32,7 тыс. человек, то в 1916 г. — соответственно 116,6 тыс.; 132,5 тыс.; 42,5 тыс.; 66,2 тыс.; 42,1 тыс. человек [112, с. 189, 239].

В годы войны сократились посевные площади под основными культурами — пшеницей и ячменем, снизилось их производство. К 1918 г. посевные площади под пшеницей и ячменем уменьшились по сравнению с 1911 г. соответственно с 322 тыс. до 280 тыс. акров и с 302 тыс. до 156 тыс. акров, их производство — с 8,3 млн. до 6,8 млн. бушелей и с 10,1 млн. до 4,9 млн. бушелей.

В животноводстве положение было иным. поголовье крупного рогатого скота увеличилось к 1918 г. по сравнению с 1911 г. с 2,7 млн. до 3,7 млн., а овец — с 24 млн. до 26,5 млн. [112, с. 422—423].

Добыча золота и угля (основы добывающей промышленности Новой Зеландии) в годы войны сократилась. Если в 1911 г. было добыто 2,9 млн. унций золота и 2,1 млн. т угля, то в 1916 г.— 2 млн. унций золота, а в 1918 г.— 2 млн. т угля.

Количество предприятий обрабатывающей промышленности увеличилось с 4402 в 1910—1911 гг. до 4670 в 1915—1916 гг., а количество работающих на них — с 56,2 тыс. до 57,8 тыс. [112, с. 241].

Несмотря на то что в важнейших отраслях экономики производство в годы войны сократилось, а если и возросло, то незначительно, стоимостное выражение производимой ими продукции резко увеличилось. Так, если стоимость продуктов земледелия составляла в 1910—1911 гг. 4 млн. ф. ст., животноводства — 26,6 млн., обрабатывающей промышленности — 8,1 млн. ф. ст., то в 1918—1919 гг. — соответственно 8,2 млн., 41,5 млн., 12,3 млн. ф. ст. Общая стоимость всей произведенной в стране продукции составила в 1918—1919 гг. 88,2 млн. ф. ст., а в 1910—1911 гг. — 51,9 млн. ф. ст.

Это произошло почти целиком за счет роста цен. За указанный период цены увеличились в среднем почти в 1,7 раза. Таким образом, реально стоимость выпущенной в 1918—1919 гг. продукции увеличилась по сравнению с 1910—1911 гг. лишь на 2 млн. ф. ст. [112, с. 243].

Этим же обстоятельством, т. е. ростом цен, объясняется в основном увеличение стоимостного выражения внешнеторгового оборота Новой Зеландии в период первой мировой войны. В 1914—1916 гг. стоимость внешнеторгового оборота страны увеличилась с 48 млн. до 59 млн. ф. ст., в том числе экспорта — с 26 млн. до 33 млн. ф. ст. и импорта — с 22 млн. до 26 млн. ф. ст. В этот же период количество вывозимой шерсти уменьшилось с 220 млн. до 185 млн. фунтов, а ее стоимость выросла с 9 млн. до 12 млн. ф. ст. Аналогичная ситуация была с маслом, экспорт которого в количественном отношении значительно сократился, а стоимость выросла с 2,3 млн. до 2,6 млн. ф. ст. Стоимость вывезенного в 1916—1918 гг. сыра увеличилась с 3,5 млн. до 4,1 млн. ф. ст., в то время как количество экспортированного в этот период сыра снизилось с 949 тыс. до 883 тыс. ц.

В 1916 г. стоимость новозеландского внешнеторгового товарооборота достигла рекордной за все годы войны цифры. Затем вследствие сокращения грузового судоходства и введения ограничений на импорт товаров из Европы внешнеторговый оборот начал снижаться, составив в 1918 г. 53 млн. ф. ст.

Наибольший удельный вес в экспорте составляли продукты животноводства — 88,2%, на лесоматериалы приходилось 2,6%, на золото и уголь — 1,7, на зерно — 0,7%.

Среди импортированных за время войны товаров главное место занимали пищевые товары и сырье. Так, в 1918 г. из общей стоимости импорта в 28 млн. ф. ст. 13,9 млн. ф. ст. прихо-

дилось на пищевые товары и 12,6 млн. ф. ст. — на сырье [112, с. 244, 246, 247].

Основным торговым партнером Новой Зеландии оставалась Великобритания. Однако ее доля во внешнеторговом обороте доминиона значительно сократилась за годы войны. В 1914 г. Англия ввозила из Новой Зеландии товаров на 21,4 млн. ф. ст., а вывозила — на 12 млн. ф. ст. В 1918 г. эти цифры изменились соответственно на 18,2 млн. и 9 млн. ф. ст. Таким образом, если в начале войны на долю Англии приходилось $\frac{4}{5}$ экспорта и более половины импорта Новой Зеландии, то в конце войны — $\frac{2}{3}$ экспорта и менее $\frac{1}{3}$ импорта. В то же время товарооборот Новой Зеландии с США в период 1914—1918 гг. увеличился с 3,3 млн. до 9 млн. ф. ст., а с Канадой — с 1,5 млн. до 2,7 млн. ф. ст.

Товарооборот с Австралией увеличился ненамного: с 5,3 млн. ф. ст. в 1914 г. до 6,9 млн. ф. ст. в 1918 г. [112, с. 249, 253].

Окончание войны совпало с большим бедствием для Новой Зеландии — эпидемией гриппа, в результате которой в сентябре—декабре 1918 г. в стране умерло 6,6 тыс. человек [69, с. 17].

В самый разгар эпидемии, 24 октября, открылась сессия парламента. Неотложные дела призывали парламентариев в Веллингтон, несмотря на опасность. Главными вопросами были репатриация и трудоустройство солдат, отправленных на фронты мировой войны. После долгих прений парламентом был принят акт о репатриации. Причем на заключительном этапе (второе чтение) обсуждение законопроекта продолжалось с полудня 4 декабря до 4 часов утра 5 декабря без перерыва. Но принятие закона не означало решения проблемы.

Газета «Нью Зиланд гералд» 9 января 1919 г. писала: «Доминион имеет акт о репатриации и Репатриационный совет, но не имеет репатриационной политики» (цит. по [69, с. 19]). Недовольство законом высказала и газета «Куик марш» — орган возникшей еще в 1915 г. Ассоциации вернувшихся солдат (цит. по [69, с. 19]). Несмотря на это, премьер-министр У. Мэссей через неделю после принятия акта о репатриации покинул страну. Он спешил на Парижскую мирную конференцию.

Новозеландское правительство, в сущности, глубоко интересовал лишь один вопрос из обсуждавшихся в Версале — судьба германских колоний в Тихом океане. У. Мэссей поспешил заявить, что его страна никогда не согласится с возвращением Западного Самоа Германии и будет всеми силами препятствовать установлению контроля над этими островами какой-либо иностранной державой. Получение У. Мэссеем мандата Лиги наций на управление Западным Самоа было с удовлетворением принято новозеландскими «локальными империалистами».

Одновременно Новая Зеландия получила мандат на управ-

ление о-вом Науру (совместно с Великобританией и Австралией). В 1925 г. Англия передала в управление Новой Зеландии о-ва Токелау. Кроме этих островных владений Новая Зеландия с 1923 г. стала претендовать на часть Антарктиды, называемой Землей Росса.

Когда в ноябре 1918 г. было объявлено перемирие, во Франции, Англии и Египте находилось свыше 52 тыс. новозеландских солдат. В соответствии с актом о репатриации 1918 г. было создано специальное правительственное ведомство — департамент по делам репатриации. Во всех странах, где находились новозеландские военнослужащие, были открыты репатриационные бюро. Ежемесячно примерно 4,5 тыс. человек из Англии и Франции и 0,5 тыс. из Египта репатриировались в Новую Зеландию. В течение 1919 г. в стране было немало трудностей с трудоустройством демобилизованных солдат.

20-е годы принесли некоторое оживление в деловой жизни Новой Зеландии. Стоимость валовой продукции страны увеличилась за 1918/19—1927/28 гг. на 40% — с 86,8 млн. до 121,1 млн. ф. ст. Основные отрасли новозеландской экономики показали в 20-х годах существенный рост. Стоимость произведенных продуктов земледелия увеличилась за 1918/19—1927/28 гг. с 8,2 млн. до 9,3 млн. ф. ст., мясопродуктов — с 38,6 млн. до 40,8 млн. ф. ст., молочных продуктов — с 14,8 млн. до 28,3 млн. ф. ст., стоимость продукции обрабатывающей промышленности — с 12,3 млн. до 22 млн. ф. ст. [112, с. 272]. Необходимо отметить, что этот рост происходил за счет увеличения производства, так как цены менялись незначительно.

К марту 1929 г. 44 млн. акров земли из 66 млн. акров всей площади находилось в частном владении. В собственности маори оставалось лишь 5 млн. акров. Из 44 млн. акров занятых земель 1,8 млн. были отведены для земледелия, 5,8 млн. — для молочного животноводства, 36 млн. — для овцеводства.

Распределение земельной площади среди частных владельцев было крайне неравномерным. Лица, имевшие земельные участки размером до 100 акров, составляли 45,6% всех землевладельцев, но им принадлежало лишь 2,7% занятых земель. В то же время лица, имевшие участки площадью свыше 5 тыс. акров, составляли лишь 1,3% всех собственников, но владели свыше 40% занятых земель. Собственникам участков площадью от 1 тыс. до 5 тыс. акров, составлявшим 7,2% общего числа землевладельцев, принадлежало 28% занятых земель. В 20-е годы на основании акта о предоставлении земельных участков демобилизованным солдатам, принятого в 1915 г., было передано 1,4 млн. акров земли 23 тыс. бывших военнослужащих [112, с. 274].

Площадь под пшеницей увеличилась с 1918/19 по 1928/29 г. с 208 тыс. до 255 тыс. акров. Урожайность с акра выросла с 31,6 до 34,7 бушелей. Общее производство пшеницы в стране

выросло с 6,6 млн. до 8,8 млн. бушелей. Что касается другой ведущей культуры — ячменя, то его производство на протяжении 20-х годов в общем имело тенденцию к понижению, несмотря на рост урожайности. Это объяснялось значительным уменьшением площадей, отводимых под эту культуру. С 1918/19 по 1928/29 г. производство ячменя снизилось с 6,9 млн. до 3,1 млн. бушелей, хотя урожайность с акра возросла с 39,9 до 42 бушелей. Посевные площади под ячменем сократились за этот период со 172,7 тыс. до 73,1 тыс. акров [112, с. 275].

Поголовье крупного рогатого скота и овец увеличилось в 1919—1929 гг. соответственно с 3,9 млн. до 4,8 млн. и с 25,8 млн. до 29,1 млн. [112, с. 422—423].

В добывающей промышленности основное место занимала добыча угля. В 1919—1928 гг. добыча угля увеличилась с 1,9 млн. до 2,5 млн. т. Добыча золота резко сократилась. Незначительной оставалась добыча железной руды, меди, марганца и олова. В начале 20-х годов в Онекака было построено металлургическое предприятие, дававшее в 1928 г. около 6,5 тыс. т чугуна [112, с. 282—283].

Обрабатывающая промышленность развивалась довольно быстро. В 1916—1928 гг. общее число рабочих выросло с 50,7 тыс. до 81,8 тыс. человек, а стоимость выпускавшейся продукции — с 44 млн. до 87,7 млн. ф. ст. К концу 20-х годов в стране работало около 5,2 тыс. предприятий. Но в подавляющем большинстве они были небольшими. В 1928 г. на 66% предприятий обрабатывающей промышленности работало до 10 рабочих. Имелось лишь 129 предприятий с числом рабочих более 100. Главными промышленными районами были провинции Окленд, Веллингтон, Кентерберри и Отаго, где находилось соответственно 33, 21,7, 17,3, 13,1% рабочих страны [112, с. 286—287].

В течение 20-х годов внешнеторговый товарооборот Новой Зеландии увеличился с 84,2 млн. в 1919 г. до 103,6 млн. ф. ст., в том числе экспорт — с 53,9 млн. до 54,9 млн. ф. ст., а импорт — с 30,3 млн. до 48,7 млн. ф. ст. [112, с. 424]. Подавляющую часть экспорта составляли продукты животноводства. Их доля в новозеландском вывозе поднялась с 80,6% в 1919 г. до 94,2% в 1928 г. [112, с. 219]. Главным экспортным товаром была шерсть. В 1929 г. ее было экспортировано на 15,4 млн. ф. ст. Второе место занимал вывоз масла, третье — мороженого мяса, четвертое — сыра (соответственно на 13,2 млн., 9,9 млн., 7 млн. ф. ст.) [112, с. 425—426]. Земледельческие товары, золото и уголь занимали незначительное место в новозеландском экспорте. В 1928 г. зерна было вывезено лишь на 300 ф. ст., ячменя — на 30 тыс. ф. ст., золота — на 0,5 млн. ф. ст., угля — на 0,2 млн. ф. ст. [112, с. 292].

Основными импортными товарами были машины и оборудование, продукты питания и сырье. В 1928 г. при общей стоимости импорта в 49,9 млн. ф. ст. стоимость машин и оборудова-

ния составила 35 млн., продуктов, табака и алкогольных напитков — 7,2 млн., сырья — 2,4 млн. ф. ст. [112, с. 297].

Главным торговым партнером Новой Зеландии оставалась Великобритания. Но ее доля как в новозеландском экспорте, так и в импорте на протяжении 20-х годов снижалась. Так, если в 1921 г. Великобритания поглощала 86,4% новозеландского экспорта, то к 1928 г. ее доля сократилась до 72,1%. В довоенное время из Англии ввозилось около 60% необходимых Новой Зеландии товаров, а в 1928 г. — всего 47%.

В 1928 г. экспорт и импорт Новой Зеландии из Англии составляли соответственно 40,5 млн. и 21,3 млн. ф. ст. Второе место в торговле с Новой Зеландией занимали Соединенные Штаты. Они вывезли товаров на сумму 4,3 млн. ф. ст., а ввезли — на 8,2 млн. ф. ст. Далее шли Австралия и Канада, товарооборот с которыми составил соответственно 6,9 млн. и 5,8 млн. ф. ст. Товарооборот с Японией был невелик. К 1928 г. он равнялся 1,2 млн. ф. ст. [112, с. 297, 299].

Европейское население Новой Зеландии за 1919—1929 гг. увеличилось с 1227 до 1486 тыс. человек, в среднем на 20 тыс. человек в год.

Но если за 1920—1924 гг. оно увеличилось на 113 тыс. человек, то за 1925—1929 гг. — всего на 85 тыс. человек, т. е. в первое пятилетие оно росло ежегодно в среднем почти на 23 тыс. человек, а во втором пятилетии — на 17 тыс. человек. Для сравнения укажем, что, например, в 1911—1915 гг. население страны ежегодно увеличивалось на 25 тыс. человек. Снижение ежегодного прироста населения объяснялось двумя причинами: во-первых, снижением рождаемости и, во-вторых, снижением соотношения между приезжающими в страну и покидающими ее. Так, если в 1913 г. число рождений превышало число смертей на 17,8 тыс., а число иммигрантов превышало число эмигрантов на 12 тыс., то в 1929 г. эти цифры составляли соответственно 14,5 тыс. и 0,7 тыс. [112, с. 418—419].

Согласно данным переписи населения, проведенной в 1926 г., маорийское население составляло 63,7 тыс. человек. Маори были сосредоточены в основном на Северном острове. Главным их занятием было сельское хозяйство, где были заняты $\frac{2}{3}$ самодельного маорийского населения [112, с. 270—271].

Конец 20-х годов ознаменовался жестокой депрессией во всех отраслях хозяйственной жизни Новой Зеландии. Экономический кризис, поразивший капиталистический мир в конце 1929 г., сильно ударил и по Новой Зеландии. Доходы от экспорта сократились с 56 млн. ф. ст. в 1928/29 г. до 35 млн. ф. ст. в 1930/31 г. Цены на экспортные товары в этот период упали на 43% [104, с. 246]. Несмотря на попытки правительства остановить рост безработицы расширением общественных работ (в сентябре 1931 г. на общественных работах было занято около 16 тыс. рабочих в сравнении с 6,5 тыс. в 1924 г.), армия безра-

ботных неуклонно и стремительно увеличивалась. Так, за первые четыре месяца 1931 г. число безработных в стране увеличилось соответственно с 8,7 тыс. до 37,6 тыс. человек [104, с. 246]. Правительство лихорадочно искало выхода из этого весьма опасного положения. Разработкой плана сокращения безработицы занимался созданный в 1928 г. специальный комитет. Комитет считал, что следует отказаться от британской системы страхования от безработицы как не оправдавшей себя, и, в свою очередь, предложил создать совет по вопросам безработицы из представителей рабочих и предпринимателей. Совету необходимо было изыскать пути развития наиболее перспективных отраслей промышленности. Финансирование развития этих отраслей должно осуществляться правительством из фондов, образуемых от взимания специальных налогов со всех работающих. Предложения комитета легли в основу закона о безработице, принятого парламентом в 1930 г.

Но принятые правительством меры не помогали. К концу зимы 1932 г. число безработных в стране превысило 70 тыс., а в сентябре 1933 г. достигло 75 тыс. [104, с. 251].

Количество промышленных предприятий сократилось с 5,1 тыс. в 1928/29 г. до 4,9 тыс. в 1932/33 г., а стоимость выпускаемой продукции — со 121,8 млн. до 89,6 млн. ф. ст. Значительно сократилось число предприятий строительной промышленности и объем строительных работ. Если в 1929 г. насчитывалось 1,3 тыс. предприятий, то в 1932 г. — 821, а стоимость строительных работ сократилась за это время с 9,4 млн. до 2,2 млн. ф. ст. [112, с. 323, 332—333]. Кризисные явления наблюдались и в сельском хозяйстве. поголовье овец сократилось с 29,1 млн. в 1929 г. до 27,5 млн. в 1933 г.

Сократился объем новозеландского внешнеторгового оборота. Если в 1929 г. он составлял 103,6 млн. ф. ст., то в 1931 г. — 61,5 млн. ф. ст., причем экспорт уменьшился с 54,9 млн. до 35 млн. ф. ст., а импорт — с 48,7 млн. до 26,5 млн. ф. ст. [112, с. 424]. Лишь к середине 30-х годов экономика Новой Зеландии начала выходить из кризисного состояния. Продолжалось развертывание общественных работ, бюджетные ассигнования на которые увеличились с 10,5 млн. до 20,7 млн. ф. ст. Количество безработных в стране сократилось до 8,3 тыс. человек [104, с. 261]. Наблюдалась заметная интенсификация сельского хозяйства. Значительно увеличивается потребление искусственных удобрений, расширяется ирригационная система, усиливается механизация сельскохозяйственных работ. Так, количество тракторов в стране увеличилось в период 1935—1940 гг. с 0,3 тыс. до 1,3 тыс. [69, с. 319]. Появляются комбайны: если в 1930 г. их было всего четыре, то к 1938 г. — уже около трехсот [69, с. 319]. Естествен поэтому рост производства продуктов полеводства, в первую очередь пшеницы. Если в сезон 1934/35 г. было произведено 6 млн. бушелей пшеницы, то в 1935/36 г. — 9 млн. т. Уро-

жайность пшеницы увеличилась за это время с 27 до 37 бушелей с акра [35, с. 419]. Ведущими отраслями сельского хозяйства оставались овцеводство и мясо-молочное скотоводство.

Во второй половине 30-х годов заметно увеличивается поголовье овец. Если в 1934 г. в стране было 28,6 млн. овец, то в 1937 г. — 31,3 млн. Производство шерсти к этому времени достигает 303 млн. фунтов в год. Соответственно увеличивается экспорт шерсти. В 1937 г. было продано шерсти на 19,1 млн. ф. ст., что составило 28,6% общей стоимости новозеландского экспорта [72, с. 265, 269].

Другие ведущие экспортные товары Новой Зеландии — масло, мясо и сыр. В период 1934—1937 гг. стоимость их экспорта увеличилась соответственно с 10 млн.; 11,9 млн.; 4,7 млн. ф. ст. до 17 млн.; 14,7 млн. и 5,7 млн. ф. ст. [72, с. 265, 269]. Стоимость же всего новозеландского экспорта увеличилась в тот период с 46,8 млн. до 66,7 млн. ф. ст. [72, с. 265, 269]. Таким образом, шерсть, мясо, масло и сыр давали Новой Зеландии около 85% общей стоимости ее экспорта. Главным торговым партнером Новой Зеландии продолжала оставаться Великобритания. Правда, при постоянной тенденции к росту в абсолютном выражении доля Англии в новозеландском экспорте в процентном отношении неизменно снижалась. Так, в период 1934—1937 гг. стоимость новозеландского экспорта в Великобританию увеличилась с 38,6 млн. до 50,7 млн. ф. ст., а его доля в общем экспорте страны сократилась с 81,6 до 76% [72, с. 265, 269].

Новозеландский импорт в период 1934—1937 гг. также имел тенденцию к повышению и вырос с 31,3 млн. до 56,2 млн. ф. ст. И здесь главную роль играла Англия, товары которой составляли в 1937 г. 49,6% всего импорта Новой Зеландии [72, с. 267].

Вторым по значению торговым партнером Новой Зеландии были США, затем шли Австралия, Франция и Канада. Но размер экспорта в эти страны далеко отставал от новозеландского экспорта в Великобританию, составив в 1937 г. соответственно 2,8 млн., 2,2 млн., 1,6 млн., 1 млн. ф. ст. Новозеландский экспорт в Японию снизился к 1939 г. до 0,4 млн. ф. ст. Все эти страны закупали в основном новозеландскую шерсть [112, с. 354].

Промышленные товары Новой Зеландии занимали по-прежнему подчиненное место во внешней торговле страны, но тем не менее во второй половине 30-х годов новозеландская промышленность значительно выросла как по стоимости выпускаемой ею продукции, так и по численности занятых на промышленных предприятиях рабочих. Если в 1932/33 г. стоимость всего промышленного производства сократилась до 89,6 млн. ф. ст., в том числе стоимость продукции обрабатывающей промышленности упала до 41,3 млн. ф. ст., а численность рабочих — соответственно до 68,9 тыс. и 46,3 тыс. [72, с. 269], то в 1936/37 г. общая стоимость промышленного производства Новой Зеландии уже составляла 141,2 млн. ф. ст., в том числе стоимость обра-

батывающей промышленности — 63,6 млн. ф. ст., а численность рабочих — 96,4 тыс., из них в обрабатывающей промышленности — 66,4 тыс. [72, с. 269].

Европейское население страны выросло за десятилетие 1926—1936 гг., т. е. между двумя переписями, с 1,4 млн. до 1,6 млн. человек. Численность маори за этот же период увеличилась с 63,7 тыс. до 82,3 тыс. [72, с. 274].

Экономический кризис 1929—1933 гг. сказался и на демографической ситуации в Новой Зеландии. Если в 1925—1930 гг. число рождений превышало число смертей на 77,3 тыс., то в 1931—1935 гг. — на 64 тыс. Если в 1925—1930 гг. в страну приехало на 24,6 тыс. человек больше, чем уехало из нее, то в 1930—1935 гг. из Новой Зеландии уехало на 10 тыс. человек больше, чем приехало. Таким образом, за последнее пятилетие 20-х годов весь прирост населения составил 102 тыс. человек, а за первое пятилетие 30-х годов — 54 тыс. человек.

В 1936 г., когда была проведена последняя перед второй мировой войной перепись населения, положение существенно не изменилось: превышение числа рождений над числом смертей составило 11,8 тыс., а число иммигрантов превышало число эмигрантов лишь на 226 человек [112, с. 318].

Занятость населения Новой Зеландии (по основным отраслям) накануне второй мировой войны характеризовалась следующими данными: в сельском хозяйстве работало 150,8 тыс., обрабатывающей промышленности — 105,4 тыс., строительной промышленности — 46 тыс., на транспорте и в связи — 62,4 тыс., в торговле и финансах — 100 тыс., органах управления, просвещения, здравоохранения и др. — 59,2 тыс., добывающей промышленности — 11,4 тыс., рыболовстве — 2,5 тыс., лесном хозяйстве — 10,3 тыс., энергетике — 5,6 тыс. человек [112, с. 322].

Большинство работавших в сельском хозяйстве было занято на молочных и овцеводческих фермах — соответственно 75 тыс. и 34 тыс. человек.

Структура землевладения не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. По-прежнему в сельском хозяйстве господствовали крупные землевладельцы. Из общей площади занятых в 1940 г. земель размером 43 млн. акров собственники участков площадью свыше 1 тыс. акров, составлявшие 7,3% общего числа землевладельцев, держали в своих руках 28 млн. акров, т. е. 67%. Собственники же участков размером до 100 акров, составлявшие 44,7% всех землевладельцев, обладали 1,4 млн. акров, что составляло лишь 3,2% общей площади занятых земель [112, с. 336].

В промышленности большинство рабочих было занято на пищевых (12 тыс.), лесобработывающих (10 тыс.), машиностроительных (9,5 тыс.), полиграфических (6,2 тыс.), энергетических (5 тыс.), швейных (4,2 тыс.) предприятиях.

Из 6,2 тыс. предприятий в стране в 1938/39 г. на 4,1 тыс.

работало до 10 рабочих. Предприятий с числом рабочих более 100 насчитывалось лишь 173. На них работало 36,1 тыс. человек, т. е. около 30% всех рабочих [112, с. 323—324].

Внутриполитическая жизнь страны в период между мировыми войнами характеризовалась значительным усилением лейбористов. Новозеландская лейбористская партия, возникшая в июле 1916 г. на конференции в Веллингтоне, постепенно завоевывала массы избирателей.

На выборах 1919 г., выступая впервые в объединенной партии, лейбористы собрали 132,7 тыс. голосов из 550 тыс. и получили восемь мест в парламенте. Возглавляемая премьер-министром У. Мэссеем Партия реформ получила 200 тыс. голосов.

На выборах 1922 г. лейбористы получают уже около 145 тыс. голосов и проводят в парламент 17 своих депутатов [67, с. 73]. Количество голосов, полученных лейбористами на выборах 1925 и 1928 гг., увеличилось соответственно до 184,6 тыс. и 196,4 тыс., а на выборах в разгар экономического кризиса в 1931 г. — до 242 тыс. На последних выборах перед второй мировой войной, состоявшихся в 1938 г., лейбористы получили 55,8% голосов и провели в парламент 53 своих депутатов [67, с. 225]. Это был самый крупный успех Новозеландской лейбористской партии за всю ее историю с 1916 г. до наших дней. Лидеры лейбористов неоднократно возглавляли новозеландское правительство, численность партии к началу второй мировой войны достигла 237 тыс. человек, но никаких действительно революционных преобразований в стране не наблюдалось.

Это объяснялось тем, что лейбористы прочно стояли на оппортунистических, реформистских позициях, хотя их лидеры иногда и щеголяли революционными высказываниями.

Один из вождей новозеландского лейборизма, П. Фрэзер, писал в передовой статье газеты «Уоркер» 17 июля 1918 г.: «Платформой партии... является не социализм, а путь к социализму... Лейбористская партия скорее партия эксперимента, чем партия доктрины» [67, с. 43].

В предвыборном послании, опубликованном в газете «Уоркер» 10 декабря 1919 г., другой лейбористский лидер, Г. Холланд, писал: «Борьба, в которую мы втянуты, не является борьбой индивидуумов за обладание министерскими портфелями... Это борьба между капитализмом и социализмом... Наша задача — социальная трансформация...» [67, с. 39]. Но, проведя успешно избирательную кампанию, лейбористы устами своего лидера Г. Холланда поспешили заявить, что «социальная революция может быть достигнута путем эволюционного процесса» [67, с. 59]. Поэтому так враждебно относились вожди новозеландского лейборизма к Великой Октябрьской социалистической революции. «Большевизм для народа Новой Зеландии, — писал в июне 1919 г. Д. Суллеван, — означает убийства, анархию и грабежи...» [67, с. 53].

Во время избирательной кампании в 1935 г. лидер Лейбористской партии Джо Севедор всячески подчеркивал, что «лейбористское движение в Новой Зеландии не ведет к ущемлению интересов каждого мужчины, женщины и ребенка в стране. Наша задача — охранять их интересы и предотвращать нанесение ущерба этим интересам». В предвыборном манифесте партии объявлялось, что «целью Лейбористской партии является максимальное использование богатых возможностей доминиона» [67, с. 179].

Незадолго до начала второй мировой войны, открывая конференцию Новозеландской лейбористской партии в 1937 г., П. Фрээр провозглашал, что лейборизм всегда «должен соединять реализм с идеализмом...» [67, с. 222].

Понятно, что при таких «социалистах» в правительстве новозеландской буржуазии ничто не угрожало.

В области внешнеполитической Новая Зеландия после первой мировой войны продолжала считать себя частью Британской империи. По-прежнему новозеландцы любили говорить, что они больше британцы, чем сами жители Альбиона, называя свою страну «Британией Южных морей» [72, с. 169].

Но как в этот период, так и в более ранний (это отмечалось выше) было бы неправильно рассматривать Новую Зеландию как «традиционно самую беззаветную и верноподданную из всех британских доминионов и колоний» [107, с. 15].

Новая Зеландия всегда, при всей ее верноподданности, выше всего ставила свои интересы. И теперь, подчеркивая преданность Британии, новозеландские лидеры разъясняли, что они понимают под этой преданностью не безоговорочное признание господства над собой Англии, а равноправное участие во всех делах Британской империи, неотъемлемой частью которой они являются. Именно поэтому новозеландский премьер-министр У. Мэссей не уставал восхвалять созданный в конце мировой войны имперский военный кабинет, в который наряду с пятью членами английского правительства входили пять премьер-министров доминионов. Он считал, что и в дальнейшем имперская политика должна направляться аналогичным органом [69, с. 183].

Во время обсуждения в новозеландском парламенте вопроса о ратификации Версальского мирного договора в октябре 1919 г. один из парламентариев, Д. Стьюард, спросил У. Мэссея, почему самоуправляющиеся доминионы не изменяют свой статус, подписывая мирный договор как независимые нации, ведь все авторитеты в области конституционного права «признают государственную власть действительно суверенной, если она имеет право заключать мир или объявлять войну».

У. Мэссей решительно ответил: «Я не согласен с мнением высокочтимого джентльмена. Вы считаете, что большие изменения, которые имели место в британской конституции, датиру-

ются подписанием мирного договора. По-моему, это не так... Эти изменения датируются созданием первого имперского военного кабинета» (цит. по [69, с. 183—184]).

На имперской конференции в Лондоне в 1921 г. У. Мэссей не устал повторять, что доминионы находились в лучшем положении, когда существовал военный кабинет. На просьбу австралийского премьер-министра У. Хьюза пояснить его мысль У. Мэссей сказал: «Мы потеряли право, которым обладали тогда в вопросах войны... помогать в выработке рекомендаций для короля... в решении любого интересующего нас вопроса» [69, с. 184].

Такое же отношение к имперским интересам высказывал почти двадцать лет спустя другой видный новозеландский политический деятель — У. Нэш. Выступая в 1937 г. на сессии парламента, он, в ту пору министр финансов, подчеркивал: «Существуют части ассоциации, объединенные в Содружество, которое можно резонно назвать империей, поскольку мы, как и Великобритания, имеем колонии, но взаимная связь, которая реально существует между различными частями Содружества, происходит потому, что они представляют собой индивидуальные образования, наделенные своей собственной суверенной властью решать, как, когда и что они будут делать» [38, с. 488].

В том же году на последней перед второй мировой войной имперской конференции новозеландский премьер М. Сэведж еще раз отчетливо определил позицию своей страны к Британскому содружеству: «Новая Зеландия не видит особой необходимости в определении теоретической основы нашего объединения как членов Британского содружества. У нас нет каких-либо затруднений и, надеемся, не будет в осуществлении своей собственной политики в делах нашего доминиона. Все, что мы, как доминион, хотим, — это, чтобы наше объединение... было бы более плодотворным, эффективным и даже более тесным и чтобы Британское содружество не ослабевало» [7, с. 35].

Несмотря на некоторые расхождения во мнениях между новозеландским и английским правительствами относительно тех или иных международных событий, а также по внешнеполитическим вопросам, Новая Зеландия по-прежнему оставалась «большей Британией, чем сама Британия», уповала на мощь Альбиона и интересовалась другими державами лишь, в сущности, как рынками для сбыта своих сельскохозяйственных товаров.

Новая Зеландия имела единственное дипломатическое представительство за рубежом — представительство верховного комиссара в Лондоне. Самостоятельного органа, осуществлявшего внешние сношения, в системе новозеландских правительственных учреждений не существовало, имелся лишь маленький отдел по имперским делам при секретариате премьер-министра.

Новозеландцы, полагаясь на океан, отделявший их страну от других государств, продолжали и в тревожное время второй половины 30-х годов XX века жить, подобно некоему викторианскому англичанину, «вне истории». Даже очевидные претензии Японии на господство в Тихоокеанском бассейне не особенно беспокоили новозеландцев. Лишь в самом преддверии второй мировой войны новозеландская пресса начала бить тревогу. «Мы теперь начинаем понимать,— писала, например, 16 января 1939 г. газета „Пресс“,— что Дальний Восток становится Ближним Севером» [141, 16.I.1939].

Новая Зеландия была не способна самостоятельно отразить сколько-нибудь серьезное нападение. «Мы думаем,— говорил в октябре 1937 г. в палате представителей новозеландский министр обороны,— что сухопутные силы с помощью военно-воздушного флота, который мы сейчас создаем, и двух новых крейсеров смогут оказать сопротивление отдельным кораблям противника, если они здесь появятся. Однако мы не сможем противостоять великой державе...» [39, с. 1158].

Новозеландское правительство в войне фатально полагалось на Великобританию. «Когда воюет Британия, воюем и мы,— говорил в своем выступлении в Оттаве 24 апреля 1935 г. новозеландский премьер-министр Форбс.— Не может обсуждаться вопрос, участвовать или не участвовать Новой Зеландии в войне, которую ведет империя...» [72, с. 263].

Четыре года спустя об этом же сказал другой новозеландский премьер-министр — М. Сэведж: «Если Британия будет вовлечена в войну, наша страна не может и не будет стоять в стороне» [141, 23.V.1939].

Столь же преданно следовала Новая Зеландия в изменчивом фарватере британских внешнеполитических махинаций, приведших в конце концов к величайшему мировому катаклизму, реально угрожавшему гибелью и Новой Зеландии. Соглашение в Мюнхене расхваливалось на все лады буржуазной новозеландской прессой. «Триумф разума» — так была озаглавлена передовая статья одной из крупнейших газет страны — «Нью Зиланд гералд». «Совершенно очевидно, сам план содержит больше,— утверждалось в статье,— чем чехословацкое правительство могло ожидать» [140, 10.X.1938]. В газете «Отаго дейли таймс» предполагалось организовать сбор средств в стране на подарок Чемберлену в знак благодарности [69, с. 271].

Лейбористское правительство, стоявшее в то время у власти в Новой Зеландии, послало в Лондон телеграмму, приветствовавшую мюнхенское соглашение и выражавшую уверенность в том, что война теперь будет предотвращена [69, с. 272].

* * *

Новую Зеландию с Соединенными Штатами как в XIX в., так и в первые сорок лет XX в. связывали лишь торгово-экономиче-

ские отношения. В 1870 г. новозеландским правительством была сделана первая попытка установить торговые отношения с США. Это объяснялось намерением использовать американский рынок для оживления экономики страны, переживавшей в то время известные трудности, а также охлаждением отношений с Англией, выведшей британские войска из Новой Зеландии. Вопреки конституционным положениям тогдашний новозеландский премьер-министр У. Фокс начал переговоры непосредственно с правительством США через американского консула в Данидине Г. Драйвера о заключении торгового соглашения о ввозе новозеландской шерсти в США. Но переговоры не увенчались успехом [83, с. 378—379]. До первой мировой войны торговые отношения Новой Зеландии с США развивались медленно. После же войны, как мы отмечали выше, США заняли второе место в новозеландском товарообороте и удерживали его в течение 20 лет. На Соединенные Штаты приходилось до 15% новозеландского экспорта и до 12% импорта. Это увеличение роли США как торгового партнера Новой Зеландии произошло главным образом по двум причинам. Во-первых, во время войны американские предприниматели, воспользовавшись ослаблением экономических позиций Великобритании в Новой Зеландии, расширили и укрепили там свои позиции, и, во-вторых, после войны США стал господствовать на международных рынках, в том числе и в Новой Зеландии, как экспортер новых, вызвавших большой спрос товаров, таких, как автомобили, радио, искусственный шелк и др.

В 30-е годы новозеландское правительство делает несколько попыток заключить торговое соглашение с США о сбыте новозеландских сельскохозяйственных товаров, особенно мяса. Министр финансов Новой Зеландии Д. Коатс трижды ставил этот вопрос перед американским правительством (с 1933 по 1935 г.), но последнее не выражало интереса, что объяснялось его опасениями вызвать недовольство американских производителей мяса [10, с. 69—84].

В 1937 г. У. Нэш, новый министр финансов, будучи в Вашингтоне на обратном пути из Англии в Новую Зеландию, предпринял очередную попытку заключить торговое соглашение с американским правительством, но опять безуспешно. На этот раз американское правительство заявило, что не вступит ни в какие переговоры с Новой Зеландией, пока не достигнет удовлетворяющего его торгового соглашения с Великобританией. Такое соглашение было подписано в ноябре 1938 г., и в следующем месяце правительство США получило приглашение послать своих представителей в Новую Зеландию для продолжения переговоров. Но оно ответило отказом [12, с. 203—209].

На этот раз отказ правительства США объяснялся неудовольствием по поводу нарушения американских торговых прав на Западном Самоа. Согласно конвенции 1899 г., урегулировав-

шей англо-американо-германский спор по поводу Самоа, все три страны получали равные торговые права на островах. Но в 1920 г. Соединенные Штаты и Новая Зеландия, тогда мандатарий Западного Самоа, нарушили конвенцию. Первые распространили на Восточное Самоа действие акта о торговом судоходстве, согласно которому все грузы и пассажиры должны доставляться на американские территории только на американских судах, вторая распространила на Западное Самоа преференциальную систему таможенных сборов для ввозимых на острова британских товаров. Через четыре года, в 1924 г., Новая Зеландия предложила предоставить США «национальный режим в торговле с Западным Самоа, если, со своей стороны, Соединенные Штаты предоставят аналогичный режим для британской торговли и судоходства на Восточном Самоа». Соединенные Штаты ничего не ответили на предложение новозеландского правительства, и этот вопрос не обсуждался в течение последующих десяти лет.

В 1934 г. Соединенные Штаты сняли ограничения на торговлю с Восточным Самоа и предложили Новой Зеландии сделать то же самое на Западном Самоа для американской торговли, основываясь на конвенции 1899 г. Теперь Новая Зеландия ответила отказом, заявив, что не намерена возобновлять свое предложение, сделанное в 1924 г., а также сославшись на то, что после 1920 г. обе стороны нарушили конвенцию и потому ни одна из них не вправе требовать от другой соблюдения конвенции [11, с. 853—854].

Отказ Новой Зеландии вызвал обмен нотами между правительствами США и Великобритании. Американское правительство обвиняло английское в нарушении конвенции 1899 г., а последнее отвечало, что оно не имеет теперь никакого отношения к этому делу, и адресовывало США к Новой Зеландии. Новозеландское же правительство, ссылаясь на международное право, настаивало на своем отказе изменить существовавшее регулирование торговли на Западном Самоа [12, с. 210—212]. Поэтому понятно, что правительство США негативно отнеслось к предложению Новой Зеландии возобновить переговоры о заключении торгового соглашения, сделанному в декабре 1938 г.

Отношения Новой Зеландии и США в политической сфере были незначительны до 1939 г. В конце 60-х годов XIX в. в политических кругах Новой Зеландии некоторое время муссировался вопрос об отделении от Великобритании и распространении американского суверенитета на острова. Эти настроения, как и попытки экономического сближения с США, о чем говорилось выше, объяснялись недовольством, вызванным решением британского правительства вывести имперские войска из Новой Зеландии, несмотря на продолжавшиеся выступления маори. Ораторы в новозеландском парламенте подвергали сомнению ценность имперских связей и собирались «поднять вопрос о не-

зависимости». Местная пресса подчеркивала необходимость искать покровительства у Соединенных Штатов, которые, несомненно, «окажут нам такую же помощь против маори, какую оказывают новым территориям к западу от Миссисипи против индейцев» (цит. по [95, с. 13]). Однако, когда мир с маори был заключен и британское правительство предоставило Новой Зеландии заем, подобные разговоры прекратились. Они в какой-то мере возобновились в 1908 г., когда Окленд посетила эскадра военно-морского флота США.

Эскадра пришла по приглашению премьер-министра Новой Зеландии Джозефа Уорда, причем сделанному дважды. Первый раз Уорд передал приглашение непосредственно через генерального консула США У. Прикитта, второе — через британское правительство, т. е. конституционным путем. Посылая приглашение самостоятельно, Уорд тем самым выразил свое недовольство британским правительством, игнорировавшим зачастую мнение правительств доминионов в проведении имперской внешней политики. Одновременно он хотел показать британскому правительству, что Новая Зеландия всегда сможет самостоятельно договориться с США, поскольку Соединенные Штаты будут «естественным союзником» в борьбе против азиатских государств за контроль над южной частью Тихого океана. Но, посылая свое приглашение вторично уже через английское правительство, Уорд демонстрировал лояльность доминиона перед Британской империей, подчеркивая, что основным гарантом безопасности Новой Зеландии остается королевский флот, а то, что смогут сделать американцы, — это будет дополнительной акцией [95, с. 13—14].

Новозеландская пресса по-разному оценивала значение этого визита. Так, газета «Окленд стар» в номере от 15 августа 1908 г. настаивала на том, что Новая Зеландия не может доверять ни одному государству, кроме Англии. Газета «Ивнинг стар» в номере от 8 августа 1908 г., напротив, высказывала сомнение в том, что британский флот, который в случае войны должен будет сражаться и в Атлантическом и в Тихом океанах, сможет защитить Новую Зеландию. Газета считала, что США не отнесутся безразлично к угрозе «австралазийскому единству», и подчеркивала, что Новая Зеландия должна приветствовать захват Филиппин американцами, «поскольку он означает создание форпоста англоязычной расы» [95, с. 14].

Практически отношения Новой Зеландии с США осложнялись столкновениями их интересов в тихоокеанских делах.

Сразу после получения Соединенными Штатами Восточного Самоа Новая Зеландия заняла нейтральную и даже почти дружественную позицию. Конечно, новозеландское правительство сожалело, что о-ва Самоа не попали под власть британской короны, но, по его мнению, было лучше, что Восточное Самоа оказалось под властью США, чем Германии.

«Людам в колониях (имеются в виду британские переселенческие колонии.— К. М.),— сказал тогда новозеландский премьер-министр Роберт Стаут,— трудно смотреть на Соединенные Штаты как на иностранную державу. Тот факт, что мы говорим на одном языке и в большинстве своем принадлежим к одной расе, связывает нас с ними гораздо больше, чем с европейскими государствами, пытающимися вмешиваться в тихоокеанские дела» [95, с. 14—15]. Такую же позицию занимал Дж. Грей. Но Р. Снеддон был противником распространения власти Соединенных Штатов в южной части Тихого океана, считая, что «британский флаг должен реять на всех островах Тихого океана». Он рассматривал США как главного соперника Великобритании на Тихом океане. Снеддон бурно протестовал против захвата Соединенными Штатами Гавайских островов, считая, что «это нанесет ущерб имперским и колониальным интересам с точки зрения как торговли, так и обороны» [114, с. 197, 280]. Он даже настаивал на «совместных действиях» Англии и Японии для предотвращения перехода Гавайев под власть США [114, с. 281].

Еще одно столкновение Новой Зеландии с США произошло на Версальской мирной конференции 1919 г. Оно было связано с разным подходом к судьбе германских колоний в Океании. В. Вильсон предложил распространить на них систему мандатов. Новая Зеландия, так же как и Австралия, желавшая получить их в свою собственность, выступила против американских предложений. И только тогда, когда были выработаны три вида мандатов — «А», «В», «С» — и бывшие германские колонии в Океании были отнесены к последнему виду — «С», который ничем, по существу, не отличался от обычного колониального управления, Новая Зеландия, как и Австралия, сняла свои возражения [115, с. 773, 784].

После Версальской конференции мнения Новой Зеландии и США вновь разделились в вопросе об англо-японском сотрудничестве. Соединенные Штаты, вообще не одобрявшие сближения Японии и Великобритании, к 1920 г. стали, как отмечалось на имперской конференции в Лондоне в середине ноября 1920 г., «просто враждебны» к возобновлению этого альянса [95, с. 16].

Новая Зеландия, несмотря на свое подозрительное отношение к Японии как союзнику Англии, считала, что возобновление англо-японского союза помешает Японии превратиться «в очень опасного антагониста» [95, с. 16].

На имперской конференции в 1921 г. Новая Зеландия развивала те же взгляды, в чем нашла поддержку только у Австралии. Австралийский премьер-министр У. Хьюз пошел даже дальше в своих аргументах за возобновление англо-японского союза, но, как и У. Мэссей, австралийский премьер высказался за необходимость сохранения дружественных отношений с Соединенными Штатами. В этой связи Хьюз предложил созвать конфе-

ренцию держав, заинтересованных в тихоокеанских делах. Новая Зеландия поддержала это предложение [95, с. 16]. Однако дальнейшая дискуссия по этому вопросу на имперской конференции была прервана получением Великобританией приглашения от США на конференцию по разоружению в Вашингтоне. Имперская конференция прервала работу, решив пока не денонсировать договора с Японией. Новая Зеландия и Австралия пытались воздействовать на США, чтобы провести конференцию по тихоокеанским делам до конференции по разоружению, но Соединенные Штаты не проявили к этому интереса [95, с. 16].

Неоднократные столкновения Новой Зеландии и США происходили вследствие возросшего интереса Соединенных Штатов к островам Океании и стремления взять ряд архипелагов под свой контроль. Острова нужны были США как для военно-стратегических целей, так и для создания воздушных транстихоокеанских линий. Новая Зеландия не могла согласиться с монопольным положением США в области воздушных сообщений в Тихом океане, считая, как это говорилось на конференции по вопросам обороны в Веллингтоне в 1939 г., что британская авиация должна «идти рядом и в тесном сотрудничестве» с Соединенными Штатами — от Новой Зеландии через западнотихоокеанские острова, Гавайи и Сан-Франциско к Канаде [95, с. 19].

13 мая 1936 г. президент США Ф. Рузвельт подписал акт, устанавливавший американскую юрисдикцию на о-вах Хауленд, Бекер и Джарвис в группе о-вов Феникс, находившихся под управлением английской администрации. В следующем году американская юрисдикция была установлена на о-вах Кантон, Халл и Эндербери из той же группы [12, с. 125—126, 132]. Новозеландское правительство было сильно встревожено, так как боялось, что Соединенные Штаты захватят и другие острова, например о-в Рождества, входивший в зону, патрулируемую новозеландскими военно-морскими силами.

В сентябре 1939 г. опасения новозеландского правительства подтвердились: США объявили свои права не только на отдельные острова, на которые претендовала Великобритания, но и на Токелау и несколько островов архипелага Кука [14, с. 318].

В возникшем споре между США и Великобританией по поводу тихоокеанских островов Новая Зеландия играла весьма активную роль, хотя и не участвовала непосредственно в переговорах. Ее корабли использовались для изучения островов, посылались группы специалистов для определения мест под аэродромы, базы и т. п. Британское правительство заявило правительству США, что не согласится ни с каким американским предложением без «полного и добровольного одобрения» новозеландского правительства [12, с. 135]. При этом представители английского правительства подчеркивали несговорчивость новозеландцев в вопросах, касавшихся океанийских территорий. Так, британский посол в Вашингтоне во время переговоров в

начале 1938 г. сказал, что «забрать у Новой Зеландии какой-либо атолл так же трудно, как выхватить мясо из собачьей пасти», и добавил, что «новозеландцы обидчивы, как щенки» [13, с. 80].

В начале 1939 г. было достигнуто частичное соглашение, по которому на о-вах Кантон и Эндербери сроком на 50 лет устанавливалась двойная администрация (британская и американская). Англия выразила согласие обсудить статус и других островов, но предложила сделать это на конференции стран, заинтересованных в организации воздушных сообщений в Тихом океане, а именно США, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии. Великобритания считает, что вопрос о статусе островов непосредственно связан с организацией транстихоокеанских авиалиний, поскольку вправе разрешить посадку самолетов на том или ином острове лишь та страна, которая управляет им. Американское правительство отвергло это предложение англичан [14, с. 310, 313—314, 318]. Новозеландское правительство, в свою очередь, заявило, что если США не примут британские предложения, то самолетам американских авиакомпаний будет запрещено совершать посадку на новозеландской территории [95, с. 21—22].

Опасные для Англии события разгоравшейся второй мировой войны и необходимость укрепления союза с США заставили британское правительство принять американское предложение отложить обсуждение вопроса о статусе океанийских территорий до окончания войны. Но Новая Зеландия, которой пока непосредственно ничто не угрожало, выступила против этого и сохраняла свою позицию вплоть до 1941 г., когда уже и над ней нависли грозные тучи войны.

Как уже говорилось выше, Новая Зеландия в вопросах собственной обороны целиком уповала на Великобританию. С начала 20-х годов ее стратегия основывалась на том, что в случае войны на Тихом океане Англия немедленно пошлет сильный флот в Сингапур для укрепления британской военно-морской эскадры в Тихом океане. Этот флот будет лишь отражать отдельные рейды вражеских кораблей в водах Новой Зеландии. Однако Новую Зеландию беспокоило два вопроса: как скоро Англия сможет послать подкрепление в Сингапур и сможет ли она послать корабли в Тихий океан, если сама окажется в трудном положении?

В конце 1936 г. советники новозеландского правительства по вопросам обороны высказали мнение, что Англия не сможет «в ближайшем будущем» послать из Европы в Тихий океан эскадру для защиты доминиона. Поэтому новозеландский премьер-министр М. Сэведж, будучи на имперской конференции в Лондоне в 1937 г., поставил прямой вопрос об этом перед британским правительством. В ответ последнее заверило М. Сэведжа, что флот, необходимый для защиты имперских ин-

тересов в Тихом океане, прибудет в Сингапур вовремя. В феврале 1939 г. английское правительство вновь заверило Новую Зеландию, что пришет флот в Сингапур, если Британская империя будет вовлечена в войну не только в Европе, но и на Тихом океане. Однако ничего конкретного ни о самой эскадре, ни о сроках ее прибытия сказано не было. На конференции по вопросам обороны на Тихом океане, состоявшейся в Веллингтоне в апреле 1939 г., Англия подтвердила свои обязательства, но никаких деталей опять не сообщила.

Беспокойство в Новой Зеландии росло. Большие сомнения вызывала способность Сингапура выдержать массированный удар. Кроме того, внушало тревогу и положение Новой Зеландии в течение шести месяцев, которые, как считали, понадобятся британскому флоту для перехода из Европы в Тихий океан [95, с. 17—18].

В этих обстоятельствах новозеландское правительство начало делать шаги к налаживанию отношений с Соединенными Штатами. 23 августа 1939 г. заместитель премьер-министра П. Фрэзер заявил, что дружба с Соединенными Штатами представляет собой «большую ценность и мы должны ее всячески укреплять» [95, с. 18—19]. В то же время в Новой Зеландии считали, что США придут на помощь лишь в том случае, если это будет в их собственных интересах. Поэтому теперь уже новозеландское правительство, как и правительство Австралии, не возражало против использования тихоокеанских островов для нужд американской авиации. В сентябре 1941 г. американские самолеты «Б-17», «летающие крепости», начали летать на Филиппины с Гавайев через Мидуэй, Уэйк, Порт-Морсби и Дарвин. Но вскоре военное министерство США решило, что этот путь опасен, так как легкодостижим для врага, и сочло необходимым избрать новый, который проходил бы южнее. В связи с этим начали строить аэродромы на о-вах Рождества и Кантон [94, с. 125]. Однако, несмотря ни на что, Новая Зеландия и в экономическом и в военном отношении продолжала полностью ориентироваться на Великобританию.

* * *

До начала нынешнего столетия Новая Зеландия не имела почти никаких отношений с азиатскими странами Тихоокеанского бассейна. Лишь из Китая импортировался чай. В 80-х годах XIX в. Япония начала поставлять Новой Зеландии в небольших количествах рис, шелк, хлопчатобумажные изделия. Тогда же в ограниченных количествах в Новую Зеландию стали поставляться индийские, филиппинские и бирманские товары. Таким образом, торговля имела односторонний характер: новозеландские товары на рынки азиатских стран почти не поступали.

Новозеландское правительство обратило внимание на Япо-

нию, в сущности, в середине 90-х годов XIX в., после подписания в 1894 г. англо-японского торгового договора, действие которого распространялось не только на Великобританию, но и на ее владения. Договор предоставлял лицам японской национальности права наибольшего благоприятствования в коммерческой деятельности. Статьи I и III предоставляли японцам также и права неограниченного въезда в страну, проживания и свободы заниматься любой деятельностью. В то время немногочисленные японцы выражали желание ехать в Новую Зеландию и, собственно говоря, ей не угрожало «нашествие желтой расы». Но новозеландское правительство категорически отказалось присоединиться к договору. Министр труда У. Ривс заявил, что «появление японских кули, садоводов и розничных торговцев нежелательно и недопустимо» [96, с. 2].

Когда в 1911 г. Великобритания и Япония заключили новый торговый договор, Новая Зеландия опять отказалась к нему присоединиться. Новозеландское правительство никак не объясняло своей позиции, но она, совершенно очевидно, была продиктована боязнью того, что, присоединившись к договору, Новая Зеландия не сможет сохранить ограничения на въезд в страну лиц японской национальности.

Договор 1894 г. был поворотным пунктом в англо-японских отношениях. За ним последовало заключение в январе 1902 г. англо-японского союзного договора. В Новой Зеландии заключение договора не вызвало почти никакой реакции. Лишь одна из ведущих газет — оклендская «Стар» поместила статью, подчеркивавшую важность англо-японского альянса для британских интересов на Тихом океане [96, с. 4—5].

Только после русско-японской войны 1905 г. Новая Зеландия начала всерьез интересоваться Японией.

Поскольку главным врагом Англии в азиатско-тихоокеанском регионе новозеландцы считали Россию, то победа Японии вызвала в стране прилив симпатий к последней. Но почти одновременно с этим у новозеландцев возникло опасение, что столь усилившаяся Япония может двинуться и на юг. Отражением таких настроений была статья министра юстиции Р. Стоута «Желтая опасность», помещенная 1 июля 1905 г. в газете «Нью Зиленд геральд», в которой он развивал мысль о возможности объединения Японии и Китая и движения их в южную часть Тихого океана. При этом Р. Стоут указывал на японо-китайские поселения на севере Австралии как на базу распространения влияния Японии и Китая в Австралазии. «Мы можем говорить о выгодном использовании желтой расы в качестве слуг и о дешевой оплате их труда, но это не значит, что они всегда будут оставаться на положении низкооплачиваемых рабочих. Они могут конкурировать с нами в любой отрасли промышленности. Наступит время, когда они будут использовать белых рабочих, и уже сегодня Австралия столкнулась с проблемой, чьим домом

она будет — белой, смешанной или желтой расы. Я уверен, что наступающий вопрос нам нельзя игнорировать» [96, с. 6—7].

В августе 1905 г. был подписан второй англо-японский союзный договор. Однако в прессе Новой Зеландии высказывалась мысль, что договор хотя и связал Японию определенными обязательствами в отношении как самой Великобритании, так и ее колоний и доминионов, но «силой обстоятельств она может быть поставлена во враждебное к нам отношение» [96, с. 7].

Новозеландское правительство вполне разделяло подобные настроения. Поэтому оно приветствовало усиление американского военно-морского флота в Тихом океане. Новозеландцев пугало то обстоятельство, что в случае войны между Японией и США Британская империя, а следовательно, и их страна будет в силу англо-японского договора автоматически втянута в войну против Соединенных Штатов.

В августе 1910 г. Япония аннексировала Корею. Это событие, а также расширявшаяся эмиграция японцев на южнотихоокеанские острова усилили антияпонские настроения в Новой Зеландии. Редакция газеты «Нью Зиленд гералд» в начале 1911 г. послала даже своего корреспондента в Новую Каледонию, куда иммигрировало большое число японцев.

В своих сообщениях этот корреспондент писал, что островитяне «нисколько бы не удивились, увидя японский флаг на правительственных зданиях», и высказывал предположение, что Япония намерена использовать Новую Каледонию так же, как она использовала Гавайи, т. е. «как базу, связывающую ее собственные маленькие острова с большими островами, которые могут быть объектом ее внимания, — Австралией или Новой Зеландией». Свои соображения он обосновал следующим образом: «Одно время Китай был той дальневосточной страной, на которую были обращены взоры народов. А... Япония выжидала. Она сидела тихо в углу и наблюдала. Она всегда ждет случая, когда можно укусить. И это ей удастся... ее внешняя политика преследует неизменно одну цель... установление единоличного господства на Тихом океане... Япония ждет 1915 г., когда истечет срок договора (имеется в виду англо-японский союзный договор 1905 г. — К. М.), и тогда она покажет себя... Но если она сочтет Австралию или Новую Зеландию подходящим местом для размещения там миллионов своих людей и вознамерится забрать находящиеся там богатства, какое благоприятное положение создастся для нее, чтобы захватить Америку и Панамский канал... Не это ли та цель, к которой она стремится?...» [96, с. 13—14].

Редактор «Нью Зиленд гералд», ссылаясь на сообщение своего корреспондента, утверждал, что приобретение Японией Новой Каледонии «поставит вопрос о будущем контроле над всеми тихоокеанскими островами и приведет азиатскую опасность к нашим дверям». Поэтому он просил премьер-министра

«посоветоваться с коллегами о необходимости рассмотреть это дело на имперской конференции» [96, с. 14].

В это время премьер-министр Дж. Уорд находился на пути в Лондон для участия в открывавшейся там имперской конференции 1911 г. На конференции должен был рассматриваться вопрос о продлении действия англо-японского союзного договора 1905 г. Следует сказать, что в британском парламенте и за его стенами широко распространилось отрицательное отношение к договору, объяснявшееся, во-первых, опасением, что последний может вовлечь Англию в японо-американский спор, а во-вторых, недовольством действиями Японии в Китае, серьезно угрожавшими британским интересам в этой стране [91, с. 202]. Но британские правительственные круги придерживались другого мнения. Так, британское адмиралтейство «целиком поддерживало» договор, а министерство иностранных дел считало, что его сохранение отвечает «жизненным интересам империи» [99, с. 239]. Это объяснялось тем, что к тому времени обострились англо-германские отношения и Англии пришлось сконцентрировать большую часть своего флота в собственных водах. Отказ от договора с Японией вынудил бы британское правительство, заботясь о своей собственной безопасности, бросить на произвол судьбы тихоокеанские доминионы и пренебречь своими интересами на Дальнем Востоке, ибо быть одинаково сильной и в Атлантике, и на Тихом океане Англия не могла. Имелась еще одна причина, которая заставила британское правительство продлить договор с Японией. О ней говорил русскому послу в Лондоне постоянный помощник министра иностранных дел А. Николсон. Англия считала договор гарантией против недоброжелательства Японии, вызванного плохим отношением к японцам в странах Британской империи, особенно в Австралии, и боялась, что его аннулирование приведет к серьезным последствиям для нее, «если не вызовет прямую опасность войны» [96, с. 15].

26 мая 1911 г. вопрос об англо-японском союзном договоре обсуждался на специальном заседании комитета по имперской обороне в присутствии премьер-министров доминионов. На этом заседании выступил британский министр иностранных дел Э. Грей. Он весьма откровенно обрисовал международное положение и поставил вопрос о продлении действия англо-японского союзного договора, аргументировав это следующим: «Если в 1914 г. мы должны будем сообщить Японии, что не желаем продолжения союза... она, естественно, расценит это как изменение нашей политики и немедленно начнет искать возможность заключения соглашения с другой державой, чтобы обезопасить себя... Не может быть никакого сомнения, что стратегическое положение сразу изменится, учитывая, что японский флот станет нашим потенциальным врагом, и Япония тут же начнет строить флот более мощный, чем она бы имела, если бы союз продолжал существовать. И нам вместо той эскадры, которую

мы держим в китайских водах для обеспечения морских коммуникаций между Дальним Востоком и Европой, а также между Дальним Востоком, Австралией и Новой Зеландией, пришлось бы сосредоточить в китайских водах целый флот, равный по размеру флотам двух держав в этих водах... в интересах стратегии, в интересах сохранения стабильности. Поэтому необходимо, чтобы союз с Японией был продлен» [96, с. 16].

Э. Грей далее высказал условия, на которых Англия хотела бы продлить союз с Японией. «Договор будет заключен на десять лет... свобода доминионов в вопросе иммиграции не будет никоим образом ущемлена» и Великобритания не поддержит Японию в войне с державой, с которой имеет договор об арбитраже. Это условие должно было исключить возможность вовлечения Англии в войну с США — с последними она в то время вела переговоры о заключении такого договора.

Несмотря на данные объяснения, австралийский премьер-министр Э. Фишер и премьер-министр Новой Зеландии Дж. Уорд выразили беспокойство по поводу японской иммиграции в их страны. Они боялись, что чрезвычайные обстоятельства могут вынудить Великобританию оказать давление на доминионы, чтобы последние изменили существовавшие законоположения о японской иммиграции. Э. Грей поспешил убедить их в беспочвенности их страхов. Совещание закончилось единогласным одобрением продолжения действия договора с Японией. Такое решение получило со стороны Новой Зеландии «самую серьезную поддержку» [133, т. 4, 1970, № 2, с. 191].

Новый договор был подписан 13 июля 1911 г. Его текст почти не был изменен по сравнению с договором 1905 г. Лишь в статью IV было внесено добавление о том, что ни одна из сторон, подписавших договор, не будет требовать от другой вступления в войну с державой, с которой последняя имеет договор об арбитраже. Никакого упоминания об иммиграционных законах доминионов в договоре не было. Но за неделю до его подписания японский министр иностранных дел заверил британское правительство, что Япония никогда не разрешит эмиграцию своих подданных в страны, которые этого не желают.

В Новой Зеландии на заключение нового англо-японского союзного договора обратили гораздо большее внимание, чем на договор 1905 г.; это объяснялось все возрастающими подозрениями в отношении настроений Японии. Вера в то, что англо-японский союз защитит Новую Зеландию от японского вторжения, быстро рассеялась. Холодность новозеландцев к Японии все время усиливалась. Это со всей очевидностью проявлялось в обсуждении вопросов обороны страны.

На имперской конференции 1909 г. была достигнута договоренность о создании тихоокеанского флота, в состав которого должны были войти корабли австралийского флота и британские военные корабли, находившиеся в ост-индских и китайских

водах. Флагманским кораблем тихоокеанской эскадры выбрали крейсер «Новая Зеландия». Часть эскадры предполагалось сосредоточить в новозеландских водах. Но указанная договоренность не была осуществлена. Обострившаяся обстановка в Европе заставила Англию отозвать свои корабли из китайских вод. Туда же был направлен крейсер «Новая Зеландия». Это привело к тому, что в 1912 г. Тихий океан «был почти очищен от британских судов» [121, с. 6]. Новозеландцев, естественно, весьма беспокоила подобная ситуация.

В июле 1912 г. к власти пришла Партия реформ, сменившая Либеральную партию, находившуюся у власти в течение 21 года. Лидер Партии реформ У. Мэссей, ставший премьер-министром, считал, что Новая Зеландия находится накануне огромных перемен в Тихом океане и в то же время не имеет необходимой защиты. Новый министр обороны, Д. Аллен, выехал в Лондон, где встретился с У. Черчиллем, занимавшим тогда пост первого лорда адмиралтейства. Д. Аллен выразил беспокойство по поводу состояния обороны Новой Зеландии и недовольство переброской крейсера «Новая Зеландия» в Европу без согласия новозеландского правительства. Но Д. Аллен не получил удовлетворительного ответа. У. Черчилль заявил, что безопасность Новой Зеландии и Австралии прочно обеспечивается мощью британского флота и англо-японским союзом. Поэтому ни один военный корабль, в том числе крейсер «Новая Зеландия», не будет послан в новозеландские воды, как это было определено на имперской конференции 1900 г. Все корабли будут сосредоточены в Северном море [82, с. 280—281].

Единственное, чего добился Д. Аллен, было обещание британского адмиралтейства на время выделить в распоряжение Новой Зеландии учебный корабль для подготовки собственных военно-морских сил, а также отправки в новозеландские воды двух легких крейсеров. Новозеландское правительство, однако, заявило, что не считает это компенсацией за отказ британского правительства послать к берегам Новой Зеландии тяжелые крейсеры типа «Бристоль». В своем ответе в начале октября 1913 г. британское адмиралтейство вновь отказало в посылке крупных военных судов к берегам Новой Зеландии.

Видя невозможность получить британские корабли, новозеландское правительство спустя два месяца провело через парламент акт о морской обороне, предусматривавший создание собственного военно-морского флота, который в мирное время должен будет находиться под контролем новозеландского правительства, а во время войны — под контролем британского.

Выступая в парламенте с обоснованием необходимости принятия акта о морской обороне, У. Мэссей говорил: «Япония в настоящее время строит самые мощные линейные корабли. Видя это, Новая Зеландия не должна долго раздумывать над тем, что ей предпринять для собственной морской обороны... Разве

Япония строит эти линкоры, крейсера и торпедные катера для игры, или для воскресных прогулок, или для коммерческих операций? Япония стала одной из сильнейших военно-морских держав мира. Ни Новая Зеландия, ни Австралия, ни Новая Зеландия и Австралия вместе не смогут успешно соперничать с Японией. Я не думаю, что в ближайшее время мы создадим флот, способный противостоять японскому флоту, но это не значит, что нам не следует кое-что предпринять для укрепления нашей собственной обороны и в то же самое время для укрепления имперского флота... Я как гражданин Новой Зеландии заявляю, что не буду спокоен... до тех пор, пока не увижу британский флот в Тихом океане или корабли Канады, Австралии, Новой Зеландии или всех четырех стран вместе... способные противостоять любому врагу...» [96, с. 21—22].

Что касается Австралии, то она приступила к созданию собственного флота значительно раньше Новой Зеландии.

Однако практически к началу первой мировой войны оба доминиона были, в сущности, беззащитны от нападения на них сколько-нибудь серьезного врага. Австралийский флот состоял из крейсера «Австралия», трех легких крейсеров, трех эсминцев и трех подводных лодок. Флот Новой Зеландии был представлен старым крейсером «Филомел», который был выделен британским адмиралтейством в качестве учебного судна, и двумя небольшими крейсерами. Британский флот в Ост-Индии и Китае состоял из нескольких старых крейсеров. В своей речи в палате общин в марте 1914 г. У. Черчилль категорически заявил, что адмиралтейство не намерено усиливать британское военно-морское присутствие в Тихом океане. «Безопасность Австралии и Новой Зеландии,— говорил он,— обеспечивается... Великобританией. Ни одно европейское государство не сможет напасть или завоевать Новую Зеландию и Австралию до тех пор, пока не будет уничтожен британский флот. Та же военно-морская мощь Англии в европейских водах защищает также Новую Зеландию и Австралию от сегодняшней опасности со стороны Японии... не говоря уже о здравом смысле и выдержке, которыми славится японское правительство, о великих услугах, оказанных друг другу, и преимуществах, получаемых обеими державами от союза.

Мы связаны тесными узами общих интересов. Эти узы надежно защищают безопасность Австралии и Новой Зеландии и целиком зависят от сохранения британского военно-морского превосходства» [96, с. 23].

Но доводы Черчилля не убедили новозеландцев. «Я не хочу обвинить мистера Черчилля в несправедливости,— говорил У. Мэссей,— но если он думает, что народы Австралии и Новой Зеландии должны быть удовлетворены тем, что их защищают японские корабли и японские матросы, то мистер Черчилль очень сильно ошибается...» [96, с. 23—24].

Когда разразилась мировая война, не только Новая Зеландия и Австралия, но и сама Великобритания начала относиться к Японии с подозрением из-за ее политики в отношении Китая и Индии. Поэтому объявление Японией войны Германии 23 августа 1914 г. было встречено в Англии без особого энтузиазма.

Япония сразу же начала энергично захватывать германские владения в Тихом океане. В начале сентября японские войска атаковали Киао-Чао (Цзяочжоу). Через месяц Япония оккупировала Марианские, Маршалловы и Каролинские острова, недвусмысленно давая понять, что оставляет их за собой.

Отношение британского правительства к военным действиям Японии было двойственным. С одной стороны, британское правительство боялось, что активные военные операции Японии в Тихом океане вызовут отрицательную реакцию в США, Австралии и Новой Зеландии и это осложнит общую обстановку, с другой — британское правительство, сознавая свою слабость в Тихом океане, нуждалось в поддержке Японии.

Отсюда непоследовательность и даже некоторая противоречивость в позиции Англии к Японии как своей союзнице до начала и после вступления последней в войну с Германией. Так, в начале августа 1914 г. британское министерство иностранных дел сообщило Японии, что ее помощь потребуется лишь в случае нападения Германии на Гонконг или британскую концессию Вэйхайвэй в провинции Шаньдун. Но уже 6 августа министерство сообщило японскому правительству, что помощь Японии потребуется для уничтожения германского флота в Тихом океане. Через четыре дня после этого министерство, получив сведения, что китайские воды свободны от вражеских судов, сообщило японскому правительству, что Англия не намерена призывать Японию к вступлению в войну на основании имевшегося с последней договора.

Когда Япония захватила микронезийские острова, британское министерство иностранных дел было готово потребовать от японского правительства эвакуации вооруженных сил из Микронезии, ибо боялось реакции США и своих тихоокеанских доминионов. Адмиралтейство же, напротив, весьма одобряло эти действия Японии. Черчилль воспротивился попыткам заставить Японию уйти с захваченных ею островов. Министерство иностранных дел вынуждено было уступить и согласиться с японской оккупацией микронезийских островов до окончания войны.

6 августа 1914 г. британское правительство попросило Новую Зеландию оккупировать Западное Самоа, а Австралию — «германскую» Новую Гвинею, о-ва Яп в Каролинском архипелаге и Науру. В конце августа новозеландские войска захватили Западное Самоа, а австралийские — германские владения на Новой Гвинее и Науру. Австралия начала подготовку к захвату принадлежавших Германии микронезийских островов. Операция по высадке войск была назначена на 26 ноября. Однако

за два дня до этого австралийское правительство получило телеграмму из Лондона, в которой правительство Англии просило отменить предполагавшуюся операцию, аргументируя это следующим: «Поскольку Марианские, Каролинские и Маршалловы острова сейчас оккупированы Японией, которая по нашей просьбе была вовлечена в военные действия в северной части Тихого океана, мы считаем, что по стратегическим соображениям их следует оставить под японской оккупацией, а вопрос о будущем островов решать после окончания войны. Поэтому желательно, чтобы австралийские экспедиционные силы сосредоточились на оккупации принадлежащих Германии островов, расположенных к югу от экватора» [96, с. 27].

В начале 1915 г. британское правительство, заверив правительства Австралии и Новой Зеландии, что оно не заключало никаких секретных соглашений с Японией по поводу будущего тихоокеанских островов, просило их принять меры против антияпонской пропаганды, которая может распространиться в связи с расширением влияния Японии в Тихом океане.

В Новой Зеландии отношение к Японии как к союзнице в войне с Германией было намного отрицательнее, чем в Англии. Оказавшись, по сути дела, беззащитной от нападений германских рейдеров как на посылаемые ею в Европу военные транспорты, так и на ее собственную территорию, Новая Зеландия нуждалась в помощи японского флота. Так, когда десять транспортов с большей частью экспедиционного корпуса покинули 16 октября 1914 г. Новую Зеландию, их сопровождал эскорт военных кораблей, в состав которых входил тяжелый японский крейсер «Ибуки». Поэтому и правительство и печать сохраняли внешне вполне лояльное отношение к Японии. Так, после японской оккупации Марианских, Маршалловых и Каролинских островов в новозеландской прессе не было никаких недоброжелательных комментариев. Более того, газета «Нью Зиленд гералд» поместила хвалебную статью по этому поводу. Газета, которая в довоенные годы яростно выступала против «желтой опасности», объясняла действия Японии как «шаг к началу борьбы с вражескими военными кораблями, находившимися в Тихом океане» [96, с. 29].

Но недоброжелательное отношение к Японии в Новой Зеландии продолжало усиливаться. Об этом свидетельствовало ответное послание новозеландского правительства на заверения британского правительства о том, что не было никакой договоренности с Японией о будущей судьбе германских владений в Тихом океане, которое было направлено в Лондон в мае 1915 г. В нем новозеландское правительство в весьма решительных выражениях заявляло о своем недоверии к Японии. Заверив британское правительство, что делается все возможное для пресечения антияпонских настроений в стране в связи с захватом Японией тихоокеанских островов, новозеландское правительство

вместе с тем выразило свои соображения по поводу будущего островов. Оно заявило, что не будет предпринимать «никаких шагов без Австралии» и «просит правительство его величества использовать каждую возможность, чтобы препятствовать расширению границ Японии в Тихом океане». Если же обстоятельства сложатся для Англии так, что она не сможет воспрепятствовать захвату островов, то в этом случае новозеландское правительство просило Англию решительно добиваться, чтобы Японии было запрещено укреплять эти острова и строить там военные базы [96, с. 29].

На имперской конференции в Лондоне в 1917 г. представители Новой Зеландии У. Мэссей и Дж. Уорд настойчиво ставили вопрос о будущем германских владений в Тихом океане, подчеркивая все растущее значение этого района в международных отношениях. Будущая проблема, по мнению новозеландских руководителей, заключалась в том, кто займет господствующее положение в Тихом океане — «желтая или белая раса» [96, с. 32]. И Мэссей и Уорд требовали, чтобы Западное Самоа осталось в британских руках, ибо «всякое предложение вернуть эту территорию врагу встретит сильнейшую оппозицию новозеландцев» [96, с. 32].

Новозеландские представители настойчиво добивались передачи им Западного Самоа на имперской конференции 1918 г. и на Парижской мирной конференции, о чем говорилось выше.

В 20—30-х годах отношение Новой Зеландии к Японии в принципе оставалось таким же, как и перед первой мировой войной. Япония, взявшая курс на милитаризацию и перешедшая к открытой агрессии на Дальнем Востоке, вызвала страх в Новой Зеландии, которая сознавала собственное бессилие в военном отношении. Поэтому так охотно подхватили новозеландцы предложенный английским правительством план создания британской военной базы в Сингапуре.

При обсуждении этого вопроса в специальном комитете имперской конференции 16 октября 1930 г. новозеландский премьер-министр Дж. Форбес, подчеркнув «огромное значение» сооружения военной базы в Тихом океане, указал, что без нее «весь Тихий океан практически не защищен». «До тех пор,— продолжал премьер-министр,— пока эта база не будет построена, Новая Зеландия будет отдана на милость любого агрессора». Что же касается документов, подобных пакту Келлога, то они «в конце концов — лишь бумажка» [96, с. 74].

Вместе с тем Новая Зеландия все-таки надеялась, что Япония не нападет на нее. Поэтому захват Японией Маньчжурии, а затем агрессия против Китая рассматривались в Новой Зеландии как события, указывавшие на благоприятное для нее направление японской экспансии. Одновременно новозеландское правительство старалось расширять экономические связи с Японией. В 1924—1927 гг. объем торговли между Новой Зелан-

дней и Японией вырос по сравнению с 1910—1913 гг. почти в 4 раза: с 210 тыс. до 800 тыс. ф. ст. Правда, баланс все время был в пользу Японии. Новая Зеландия вывозила в Японию товаров на сумму 200 тыс. ф. ст., а ввозила на 600 тыс. ф. ст. В 1928 г. впервые японо-новозеландский торговый баланс был в пользу Новой Зеландии, что объяснялось увеличением экспорта в Японию новозеландской шерсти. Если в 1924—1927 гг. Новая Зеландия ежегодно экспортировала в Японию шерсти на сумму 173 тыс. ф. ст., то в 1928 г. — более чем на 500 тыс. ф. ст. [103, с. 17, 28].

В 1928 г. Новая Зеландия заключила торговый договор с Японией, который приветствовался в стране как фактор, укрепивший новозеландско-японские отношения.

Япония в период между мировыми войнами занимала третье после Англии и США место во внешней торговле Новой Зеландии. Но по сравнению с этими двумя странами ее доля была очень мала. В 1930 г. новозеландский экспорт в Японию составил лишь 0,34% всего ее экспорта, в то время как доля Англии и США — соответственно 80,14 и 4,71%. В том же году доля новозеландского импорта из Японии составляла 1,33% всего ее импорта, в то время как доля Англии и США — соответственно 47,59 и 17,8%. В 1939 г. доля Японии в новозеландском экспорте составляла 0,68%, в импорте — 2,1%, а доля Англии и США — соответственно 80,99 и 4,94%; 46,84 и 11,37% [103, с. 27].

1 сентября 1939 г. гитлеровские войска хлынули в Польшу, и Англия через два дня, 3 сентября, вынуждена была объявить войну Германии. Британский премьер Н. Чемберлен немедленно уведомил об этом все доминионы и потребовал, чтобы последние сообщили о своих решениях.

Интересно проследить, как реагировали правительства доминионов на послание Чемберлена.

Эйре объявило о своем нейтралитете и сохраняло его в течение всей войны. В Южно-Африканском Союзе и Канаде это сообщение вызвало острые дебаты, что затянуло их ответы соответственно на три и семь дней. В конце концов оба доминиона ответили, что они объявляют войну Германии.

Австралия, премьер-министром которой в то время был Р. Мензис, юрист по образованию, формально так и не объявила войну Германии. Мензис строго придерживался концепции, что объявление войны британским монархом автоматически вовлекает в войну всех его подданных, в какой бы части империи они ни проживали. Поэтому Мензис в заявлении, сделанном по радио 3 сентября, сообщил, что «Великобритания объявила войну, в результате чего Австралия тоже находится в состоянии войны» [124, с. 8].

В Новой Зеландии сообщение об объявлении Англией войны Германии было получено 3 сентября за несколько минут до

полуночи. Но «верноподданные» новозеландцы сумели объявить о своем вступлении в войну с Германией в тот же день. Часы еще не успели пробить двенадцать раз, как генерал-губернатор Новой Зеландии подписал прокламацию, где говорилось, что «он уполномочен его величеством королем объявить, что правительство Великобритании находится в состоянии войны с Германским рейхом» и что это состояние войны существует со времени истечения срока британского ультиматума Германии, содержание которого Новая Зеландия предварительно одобрила. Прокламация тут же была подписана Питером Фрэзером, исполняющим обязанности премьер-министра страны ввиду болезни М. Сэведжа. А в 1.55 утра 4 сентября новозеландское правительство послало в Лондон составленную в энергичных выражениях телеграмму, где сообщало о горячей поддержке действий британского правительства и просило его выполнить формальности, предусмотренные международным правом, для уведомления немцев о том, что Новая Зеландия вступила с ними в войну [16, с. 6—7].

Как мы уже упоминали, премьер-министр М. Сэведж был болен и потому смог обратиться к населению страны по радио лишь 6 сентября. «В благодарность за прошлое и с надежной на будущее мы встанем рядом с Британией,— говорил он,— куда пойдет она, туда пойдем и мы, где она остановится, там остановимся и мы» [85, с. 101].

Первой акцией новозеландского правительства было выделение двух крейсеров — «Ахилла» и «Линдери» — в распоряжение британского адмиралтейства. В это время Новая Зеландия, как и Великобритания, воспринимала ситуацию в Тихом океане оптимистически.

По мнению британского министерства иностранных дел, Япония, заявившая о своем нейтралитете на следующий день после начала войны, не должна была пойти на дальнейшее расширение агрессии, ибо была слишком связана в Китае, а также опасалась реакции Соединенных Штатов. В то же время министерство считало, что в случае японской угрозы Новой Зеландии и Австралии США вступят в войну, хотя и не испытывают «сильных чувств» к обоим доминионам. Британский посол в Вашингтоне лорд Лотиан в письме министру иностранных дел лорду Галифаксу от 10 ноября 1939 г. объяснял это следующим: «Во-первых, потому что центральная часть Тихого океана сейчас рассматривается как своего рода американский резерв, во-вторых, такая экспансия Японии будет косвенно угрожать доктрине Монро и, в-третьих, война с Японией не должна потребовать отправки за границу больших армий» [16, с. 34].

У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства, укреплял новозеландцев в их оптимистической оценке событий. Он утверждал, что самое большое, что может угрожать Новой Зеландии и Австралии,— это «случайные нападения на их бе-

рега или корабли», а в случае войны с Японией Англия немедленно придет им на помощь.

«Мы заявляем,— писал Черчилль в „Меморандуме о морской обороне Австралии и Новой Зеландии“ 21 ноября 1939 г.,— что рассматриваем оборону Австралии и Новой Зеландии, а также Сингапура, форпоста, защищающего оба доминиона, второй по значению после обороны нашей родины и что, если перед нами встанет выбор — защищать их или британские интересы в Средиземном море, наш долг перед нашими братьями возмет верх» [17, с. 536]. Сингапур, как утверждал в том же Меморандуме Черчилль, может быть взят лишь при осаде его 50 тыс. солдат, но он сомневается, чтобы японцы пошли на такое сумасшедшее предприятие [17, с. 535].

Не видя непосредственной опасности для страны, новозеландское правительство решило послать свои войска, как и в первую мировую войну, на Ближний Восток. Первая группа войск из 6 тыс. человек под командованием генерал-майора Б. Фрейберга покинула родные берега в декабре 1939 г., в начале февраля 1940 г. прибыла в Египет и расположилась в лагерях близ Каира. Вторая группа тоже вначале направлялась в Египет, но затем маршрут ее был изменен. Она высадилась в Англии и была сосредоточена в юго-восточной части страны для отражения возможного вторжения германских войск на Британские острова. В феврале 1941 г. эта группа войск была переброшена в Египет, в район расположения первой группы и третьей, бывшей в Египет еще в сентябре 1940 г.

Благодушие, царившее в Новой Зеландии, было нарушено сообщением о вторжении в мае 1940 г. германских войск в Голландию и Францию, а также об оккупации Дании и Норвегии. Тревожась за свою судьбу в случае поражения Великобритании, Новая Зеландия вместе с Австралией обратилась к США с призывом оказать Англии максимальную помощь. 27 мая 1940 г. П. Фрэнгер, ставший премьер-министром, писал Ф. Рузвельту: «Народ Новой Зеландии смотрит на Соединенные Штаты Америки как на великую и сильную державу, не вовлеченную в нынешнюю войну и являющуюся оплотом свободы, справедливости и демократии, которые подвергаются сегодня смертельной опасности. У меня нет намерения убедить Вас и американский народ принять курс, который не полностью отвечает американским интересам и политике, но мы знаем, что Вы, как и мы, жизненно заинтересованы в том, чтобы демократия не погибла на нашей земле, и с огромной благодарностью примем в этот критический момент любую помощь, которую Соединенные Штаты Америки сочтут возможным оказать Британскому содружеству и его союзникам...» (цит. по [96, с. 26]).

Однако на этот страстный призыв Рузвельт ответил довольно холодно, заявив, что, конечно, Соединенные Штаты постараются оказать посильную помощь, но он не уверен, что многое

можно сделать в этом направлении. Союзники уже получили все самолеты, которые могла поставить Америка. США сами испытывают нехватку самолетов. Рузвельт отказался гарантировать большую помощь, чем та, которая уже предоставляется (цит. по [96, с. 27]).

Положение Англии становилось все сложнее, и в Новой Зеландии росло опасение, что она будет не в состоянии оказать какую-либо помощь своим доминионам в Тихом океане. Это опасение полностью подтвердилось 3 июня, когда была получена телеграмма от британского правительства следующего содержания: «Если, что маловероятно, Япония, несмотря на сдерживающее влияние Соединенных Штатов Америки, захочет изменить статус-кво на Дальнем Востоке, мы окажемся в такой ситуации, что без помощи Франции не сможем одновременно противостоять объединенному военно-морскому флоту Германии и Италии в европейских водах и японскому флоту на Дальнем Востоке. В таких обстоятельствах представляется невероятным, чтобы мы смогли послать достаточные силы на Дальний Восток. Поэтому мы хотели бы доверить защиту наших интересов там Соединенным Штатам Америки» (цит. по [96, с. 27]).

Новая Зеландия приняла этот удар довольно спокойно. Как уже отмечалось, на протяжении 30-х годов в стране усиливалось мнение, что в случае серьезной опасности Великобритания бросит на произвол судьбы свои доминионы. Воспользовавшись прямым заявлением британского правительства о намерении переложить бремя защиты тихоокеанских доминионов на США, новозеландское правительство немедленно начало предпринимать шаги для установления тесного сотрудничества с США. Через два дня после получения телеграммы оно обратилось к британскому правительству за разрешением направить в Вашингтон одного из своих министров со специальной миссией «содействовать укреплению безопасности в Тихом океане и усилить уже имеющееся у президента Рузвельта представительство союзников».

Британское правительство отрицательно отнеслось к этому предложению, поддержав мнение своего посла в Вашингтоне, что подобное назначение будет истолковано в Соединенных Штатах «как попытка воздействовать на президентские выборы и втянуть страну в войну».

Тогда новозеландское правительство выдвинуло новое предложение: создать в Вашингтоне свое постоянное дипломатическое представительство. Британское правительство не возражало, и 23 декабря 1940 г. США дали формальное согласие на обмен дипломатическими представительствами с Новой Зеландией (цит. по [96, с. 28—29]).

Хотя Новая Зеландия смогла послать своего представителя в Вашингтон лишь через год, контакты с правительством США осуществлялись все это время. До марта 1941 г.

Соединенные Штаты посетил член военного кабинета, бывший премьер-министр Д. Коатс. Он обсуждал вопросы о поставке вооружения. Ф. Ленгстон, министр земель, вел торговые переговоры и обсуждал вопросы, связанные с организацией в Вашингтоне новозеландской миссии. Коатс вернулся в Новую Зеландию в середине 1941 г., а Ленгстон остался в Вашингтоне. Создавалось впечатление, что он будет назначен посланником в США.

В мае 1941 г. по совету Коатса в Вашингтон отбыла новозеландская миссия для обсуждения вопросов поставок товаров по акту о ленд-лизе. Коатс также рекомендовал новозеландскому правительству включить морского офицера в состав британской военной миссии в Вашингтоне, где интересы Новой Зеландии представлял австралийский военно-морской атташе. В Вашингтон был направлен Р. Бейли.

В июле 1941 г. Новая Зеландия вместе с Канадой и Австралией усилили давление на Великобританию, чтобы последняя добилась «более твердых заверений» от Соединенных Штатов об оказании немедленной «активной военной поддержки в случае нападения Японии». Великобритания отказалась это сделать.

Новая Зеландия в отличие от Австралии не выразила протеста, заявив, что Соединенные Штаты «неизменно будут сотрудничать с Британским содружеством в любом конфликте с Японией» [17, с. 47—48].

Но в то же время новозеландское правительство решило не испытывать судьбу, а самостоятельно добиваться поддержки Соединенных Штатов. В августе 1941 г. премьер-министр Фрэнк Фрэнк, находясь в Вашингтоне после визита в Англию, заявил о готовности Новой Зеландии «тесно сотрудничать с Соединенными Штатами» и указывал на «полезность ее баз для нужд американских военных кораблей» [142, 27.VIII.1941]. В тот период, однако, Соединенные Штаты прежде всего, как отмечалось выше, были озабочены поисками наиболее удобного и безопасного пути с Гавайев на Филиппины.

В октябре 1941 г. американское правительство попросило Новую Зеландию содействовать созданию аэродромов на тихоокеанских островах. Новозеландское правительство незамедлительно ответило, что «счастливио сделать все, что в его силах» [15, с. 575—576, 579]. 17 ноября США попросили Новую Зеландию построить три аэродрома на Фиджи [80, с. 40—41].

19 ноября 1941 г. министр финансов У. Нэш был назначен новозеландским посланником в Вашингтоне. В начале декабря правительство США назначило Д. Уинстона посланником в Веллингтоне. Но последний не принял это назначение. Тогда на этот пост был назначен бывший военный министр бригадный генерал П. Харли.

Когда американское правительство приняло решение о на-

значении Д. Уинстона в Новую Зеландию, японский флот уже шел к Перл-Харбору.

За час двадцать пять минут до нападения на Перл-Харбор, в 7.50 утра 7 декабря 1941 г., японские войска высадились в Кота-Вару на северо-восточном побережье Малайи, и вскоре после этого японская авиация начала бомбить Сингапур, Гонконг и Манилу. 9 декабря новейший британский крейсер «Принц Уэльский» и крейсер «Рипалс» были потоплены в малайских водах и японцы заняли господствующее положение в западной части Тихого океана.

Соединенные Штаты пытались укрепить Филиппины, направив туда флот и авиацию. Рузвельт призвал англичан и голландцев провести конференцию в Сингапуре для обсуждения плана обороны юго-западной части Тихого океана, где США решили играть активную роль. Но американскому командованию с каждым днем становилось яснее, что Филиппины не удастся удержать. Поэтому конвоям, направлявшимся к Филиппинам, было приказано повернуть к Австралии. 17 декабря военное министерство США дало согласие на организацию американской базы в Австралии. С двадцатых чисел декабря Австралия уже рассматривалась как основная опорная база Соединенных Штатов в юго-западной части Тихого океана [100, с. 83, 85—87].

Потеря английских военных кораблей, разгром американского флота в Перл-Харборе создали для Новой Зеландии весьма опасную ситуацию. Над страной нависла реальная угроза японского вторжения.

Настроение новозеландского общества отразилось в статье, помещенной в газете «Окленд стар» от 31 января 1942 г., за две недели до падения Сингапура: «События на Тихом океане после вступления в войну Японии вызвали у народов Австралии и Новой Зеландии шок, не меньший, чем блицкриг во Франции, а даже больший. Япония совершает нападения в районах, в которых нам непривычно вести военные действия. Стратегическая ценность различных пунктов в Тихом океане, за исключением Сингапура, до настоящего времени никогда не интересовала нас. Мы больше знали о Дуврском проливе, чем о Малаккском, и больше думали о значении Голландии и Бельгии для Франции, чем о значении Таиланда для Малайи. Одно из общих мнений было то, что Сингапур на Дальнем Востоке являлся крепостью, и крепостью практически неприступной. Внезапно ситуация на тихоокеанской сцене изменилась... Япония трансформировала наше чувство безопасности в чувство смертельной тревоги» [81, с. 147].

Основные вооруженные силы страны находились далеко, в бассейне Средиземного моря, поэтому правительство приняло срочные меры к увеличению вооруженных сил и укреплению береговой обороны. Стремлять защитить себя от японского нападе-

ния, новозеландцы начали концентрировать часть своих войск на тихоокеанских островах, прикрывающих подступы к Новой Зеландии.

Особое значение придавалось Фиджи, которые рассматривались не только как форпост обороны Новой Зеландии, но и как важный пункт в системе американских воздушных сообщений в Тихом океане [17, с. 289—290]. В конце декабря 1941 г. на Фиджи была послана бригада в 4 тыс. солдат. На о-вах Тонга, Гилберта и Эллис тоже были высажены вооруженные отряды.

В начале января 1942 г. на совещании Объединенного штаба в Вашингтоне по настоянию Новой Зеландии и Австралии было создано командование АНЗАК, в задачу которого входила оборона восточного побережья Австралии и Новой Гвинеи, Тасманова моря, Южного острова и западной части Северного острова Новой Зеландии. Командование объединенными морскими силами в этом районе было поручено американскому адмиралу Г. Лири, который, в свою очередь, подчинялся главнокомандующему американским военно-морским флотом в Тихом океане. Новая Зеландия передала в распоряжение командования АНЗАК два корабля — «Ахилл» и «Линдер», находившиеся в Суве.

В феврале положение союзников резко ухудшилось. Япония начала быстрое продвижение на юг. В конце февраля Сингапур капитулировал, японские войска вторглись в Нидерландскую Ост-Индию, бомбили Дарвин, захватили Соломоновы острова. Военно-морским силам союзников было нанесено тяжелое поражение в Яванском море.

Новая Зеландия ждала со дня на день японского вторжения. Начальник новозеландского генерального штаба генерал Э. Паттик заявил, что две японские дивизии при поддержке крупных военно-морских сил готовы напасть на страну [17, с. 232]. Не меньший страх испытывала Австралия. Оба доминиона настаивали на срочной военной помощи, на расширении действий командования АНЗАК на всю территорию Австралии и Новой Зеландии. Австралия потребовала возвращения своих войск с Ближнего Востока. В начале марта 1942 г. Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой послать американские войска в Австралию, чтобы сохранить австралийские войска на Ближнем Востоке. Рузвельт сообщил, что в мае в Австралию и Новую Зеландию будет послано по одной дивизии [17, с. 235].

Новую Зеландию не удовлетворило это решение. По мнению новозеландского генерального штаба, для защиты страны необходимы по крайней мере шесть дивизий. Одной американской и трех «плохо обученных и плохо вооруженных» новозеландских дивизий совершенно недостаточно для выполнения этой задачи [17, с. 245]. Новозеландское правительство также не устраивал срок прибытия американских войск: конец мая, ибо это было «слишком поздно» [17, с. 246]. 17 марта П. Фрээр об-

ратился непосредственно к правительству США с просьбой оказать немедленную помощь, т. е. отправить в Новую Зеландию не только флот и военную технику, но и сухопутные войска, указав на особо важную в стратегическом отношении позицию страны, которая наряду с Австралией является главной базой для развертывания боевых действий против Японии [17, с. 248—249].

В ответ на обращение Фрэзера Рузвельт обещал ускорить помощь Новой Зеландии как людьми, так и военной техникой [17, с. 248—249]. В начале мая правительство США сообщило Новой Зеландии, что берет на себя ответственность за оборону Фиджи и Тонга [17, с. 318].

В первой половине 1942 г. японские войска продолжали свое продвижение в Тихоокеанском бассейне. Согласно плану, принятому японским командованием в апреле 1942 г., японские войска должны были захватить о-ва Мидуэй, Алеутские, Тулагу и Гуадалканал в группе Соломоновых островов и Порт-Морсби — на южном побережье Новой Гвинеи. Базируясь на Новой Гвинее и Соломоновых островах, японский флот должен был перерезать морские коммуникации, связывавшие США с Австралией и Новой Зеландией, дабы помешать концентрации там австралийских войск. Непосредственного вторжения в Австралию, Новую Зеландию, а также на Фиджи и Самоа Япония не предусматривала. На захват Австралии и Новой Зеландии, включенных Японией в объявленную в сентябре 1940 г. «сферу процветания», у японского командования не было достаточных сил. На процессе японских военных преступников в Токио в декабре 1948 г. генерал Тодзио, премьер-министр Японии в годы войны, на вопрос, планировалось ли вторжение японских войск в Австралию и Новую Зеландию, ответил: «У нас не было достаточно войск для этого. Мы и так слишком растянули наши коммуникации... Мы намеревались захватить Новую Гвинею, сделать Рабаул основной базой и атаковать Северную Австралию с воздуха. Но действительного физического вторжения не планировалось никогда» [80, с. 211].

Практически японскому командованию удалось захватить Тулагу и Гуадалканал, а также Кыску и Атту в группе Алеутских островов.

После поражения японского флота в Коралловом море и у о-вов Мидуэй американские военно-морские силы заняли господствующее положение в Тихом океане. Американское командование начало подготовку к контрудару. 2 июля 1942 г. адмирал Г. Нимиц, командующий в зоне Тихого океана, и генерал Д. Маккартур, командующий в юго-западной части Тихого океана, получили приказ перейти в наступление, причем Маккартуру предписывалось нанести удар по японским войскам, расположенным на Новой Гвинее и Соломоновых островах. 7 августа началась битва за Гуадалканал. Вскоре после этого

адмирал Р. Гормли, командующий в южной части Тихого океана, обратился с просьбой к новозеландскому правительству послать войска на Тонга, Норфолк и Новую Каледонию. Новозеландское правительство незамедлительно согласилось. 2 ноября части 3-й новозеландской дивизии прибыли на Новую Каледонию. Быстрая реакция Новой Зеландии на просьбу Р. Гормли объяснялась, во-первых, тем, что указанные острова были важны для обороны страны, а во-вторых, и это, пожалуй, главное, тем, что новозеландское правительство стремилось играть активную роль в войне против Японии, чтобы после войны претендовать на большее влияние в решении тихоокеанских дел.

3-я дивизия пробыла на Новой Каледонии до сентября 1943 г., когда ее перебросили на Гуадалканал. В сентябре на Велья-Лавелья была доставлена 14-я новозеландская бригада. Ее задачей было помочь американским войскам очистить острова от японских войск. Командующим новозеландскими и американскими войсками на острове с середины сентября стал новозеландский генерал Г. Берроуклаф, командующий 3-й дивизией. В конце октября на Соломоновы острова прибыла 8-я новозеландская бригада, а в феврале 1944 г. — 14-я бригада.

С конца 1943 г. Новая Зеландия испытывает острую нехватку людей как для увеличения армии в Тихом океане, так и для развертывания сельскохозяйственного производства в стране для снабжения Великобритании и союзных войск в Тихоокеанском бассейне. Не раз новозеландское правительство обращалось с просьбой к Великобритании вернуть некоторые новозеландские части, сражавшиеся в Средиземноморье. Но всякий раз английское правительство настаивало на сохранении новозеландских войск на средиземноморском театре войны. Наконец в апреле 1944 г. новозеландское правительство с одобрения Великобритании и Соединенных Штатов приняло решение не возвращать 2-ю дивизию из Италии, а вывести 3-ю дивизию из района боевых операций в Тихом океане, большую ее часть (12 тыс. солдат) вернуть в Новую Зеландию для использования в важнейших отраслях экономики, а остальных перевести на Новую Каледонию. Новозеландские морские и авиационные части продолжали активно участвовать в боевых операциях в Тихом океане.

Новая Зеландия не только снабжала американские войска продуктами питания, но и служила одной из основных баз для вооруженных сил США в Тихом океане. 14 июля 1942 г. первый эшелон американских войск прибыл в Веллингтон. С середины 1942 до середины 1944 г. в Новой Зеландии находилось около 100 тыс. американских солдат [96, с. 70].

Всего в годы второй мировой войны Новая Зеландия послала за границу 194 тыс. солдат. Ее людские потери во второй мировой войне выразились в следующих цифрах: убитых —

11 671, раненых — 15 749, пленных — 8469 человек [92, с. 137]. Военные расходы составили 500 млн. ф. ст.

Сложные и опасные перипетии второй мировой войны серьезнейшим образом повлияли на дальнейшее развитие Новой Зеландии. Оторванные от метрополии, новозеландцы почувствовали себя одинокими перед грозным врагом. Война заставила их реорганизовать экономику страны и искать среди великих держав новых союзников и покровителей. Именно в самый острый период войны Новая Зеландия отправляет в заокеанские страны свои дипломатические миссии. Как указывалось выше, в 1941 г. дипломатические отношения были установлены с США, в 1942 г. — с Канадой, в 1943 г. — с Австралией, в 1944 г. — с СССР. В 1943 г. в системе государственных учреждений взамен скромной секции по имперским делам, входившей в состав секретариата премьер-министра, создается самостоятельный орган для осуществления внешнеполитических сношений — министерство иностранных дел.

Стремление Новой Зеландии к самостоятельности во внешней политике особенно ярко проявлялось в тихоокеанских делах. По мере того как победа над Японией становилась все более очевидной, Новая Зеландия стремилась повлиять на послевоенную судьбу тихоокеанских островов и извлечь при этом максимальную для себя выгоду.

Но здесь новозеландское правительство наталкивалось на не менее нетерпеливое желание своего могущественного покровителя — Соединенных Штатов — усилить позиции в Океании.

Почти на каждом заседании Тихоокеанского военного совета в Вашингтоне в течение 1943 г. Рузвельт поднимал вопрос о послевоенной судьбе ряда тихоокеанских территорий. В частности, он говорил о намерении американского правительства отобрать мандат Японии на микронезийские острова, касался будущего французских тихоокеанских владений. На заседании совета 17 февраля 1943 г. Рузвельт выступил специально по поводу о-вов Самоа, заявив, что для Восточного и Западного Самоа «было бы лучше иметь одну администрацию во главе с верховным комиссаром» (цит. по [96, с. 77]). Кроме того, Соединенные Штаты намеревались оставить за собой те острова в Тихом океане, на которых они создали свои базы. Влиятельные круги в Соединенных Штатах поддержали такой политический курс. Свидетельством этого может служить передовая статья чикагской газеты «Дейли ньюс», напечатанная в конце 1942 г. Владелец этой газеты был Ф. Нокс, военно-морской министр. Статья эта очень интересна, поскольку в ней, по сути дела, предопределялась послевоенная стратегия Соединенных Штатов.

«Одно ясно уже сегодня, — говорилось в статье, — наша будущая безопасность больше чем когда-либо зависит от нашего флота и морской авиации. Одни океаны не спасут нас, так же

как союзники в Европе и Азии. Каждому сейчас ясно, что ни наш флот, ни авиация не смогут эффективно действовать ни в Атлантике, ни на Тихом океане без создания американских баз, укрепленных и обслуживаемых американцами. Базы нам необходимы, независимо от того, какие формы коллективной безопасности или международная организация смогут или не смогут быть созданы после войны... Таким образом, по нашему мнению, для американского народа гораздо более важным является создание баз, чем будущий статус Индии, или Финляндии, или Испанского Марокко... Нашей первоочередной задачей должно быть создание для нас этих баз... В Тихом океане, это совершенно ясно, должна быть исправлена трагическая ошибка 1919 г. На Марианские, Каролинские, Маршалловы острова, на о-ва Гилберта или на те из них, которые нужны военно-морскому флоту, должен быть распространен американский суверенитет... И если наш флот сочтет необходимым создать базы в водах Австралазии или Голландской Ост-Индии, мы, конечно, будем рассчитывать на сотрудничество наших австралийских и голландских друзей» [96, с. 78].

В феврале 1943 г. Ф. Нокс в комиссии по иностранным делам палаты представителей уже сам указал на необходимость создания системы военно-морских и военно-воздушных баз на Каролинских, Маршалловых островах и о-вах Гилберта: «Мы не жаждем расширения своей территории, но будем настаивать на создании достаточного числа баз в Тихом океане...» На пресс-конференции Нокс специально указал на особую важность для Соединенных Штатов создания военно-воздушной базы на Уполу, главном острове Западного Самоа. Затем в начале марта председатель комиссии по военно-морским делам палаты представителей, касаясь судьбы японских мандатных территорий в Тихом океане, заявил: «Мы заберем их» [96, с. 78—79].

Такого рода заявления вызывали весьма болезненную реакцию как в Новой Зеландии, так и в Австралии, также стремившейся к укреплению своих позиций в Тихом океане. Это привело к их сближению, что особенно проявилось в январе 1944 г., когда в Канберре было заключено австралийско-новозеландское соглашение.

Инициатива созыва конференции двух тихоокеанских доминионов исходила от австралийского правительства, которое полагало, что обе страны скорее достигнут своих целей, объединив свои усилия. 21 октября 1943 г. Австралия предложила правительству Новой Зеландии встретиться в Канберре для обсуждения вопросов, «прямо касающихся наших общих интересов в Тихом океане» [96, с. 83]. Новая Зеландия немедленно ответила согласием. Однако из-за болезни П. Фрэзера переговоры начались лишь 17 января 1944 г. Но происшедшие за это время события еще более усилили беспокойство Австралии и Новой Зеландии за судьбу тихоокеанских островов и заставили их торо-

питься с выработкой единой позиции в отношении послевоенного решения тихоокеанских проблем.

За пять дней до начала переговоров в Канберре, 12 января, Рузвельт на заседании Тихоокеанского военного совета вновь поставил вопрос о послевоенном статусе тихоокеанских островов. Он предложил установить над ними опеку, а «французские интересы в Тихом океане передать другой стране» [96, с. 83].

Позиции Австралии и Новой Зеландии оказались настолько близкими, что соглашение между ними было подписано уже через четыре дня после начала переговоров, 21 января 1944 г.

В соглашении декларировалось намерение обоих доминионов тесно сотрудничать в вопросах проведения политики в бассейне Тихого океана, подчеркивалась необходимость создания оборонительной зоны, которая бы базировалась на Австралию и Новую Зеландию и распространялась на цепь островов к северу и северо-востоку от Австралии до Западного Самоа и о-вов Кука.

Боясь за судьбу своих владений в Тихом океане, Новая Зеландия и Австралия записали в соглашении: «Оба правительства считают, что сооружение и использование во время войны какой-либо державой морских, сухопутных или военно-воздушных баз на территориях, находящихся под суверенитетом или контролем другой державы, сами по себе не являются основанием для территориальных претензий или возникновения права на суверенитет или контроль над этими территориями после прекращения военных действий» [81, с. 205].

В то же время, не скрывая своих территориальных притязаний в бассейне Тихого океана, оба доминиона объявили в соглашении, что использование вражеских тихоокеанских территорий является «жизненно важным» для обеих стран и потому передача кому-либо суверенных прав на эти территории будет действительной «только с их согласия» [81, с. 206].

Следует отметить, что несколько месяцев спустя, в мае 1944 г., на конференции премьер-министров стран Британского содружества министерство иностранных дел Новой Зеландии огласило проект своей послевоенной политики. В нем подчеркивалось, что, несмотря на намерение правительства активно участвовать в общемировой системе безопасности, Новая Зеландия проявит особый интерес к обороне Тихоокеанского бассейна, особенно того района, где расположены Тонга, Новая Каледония, Норфолк, а также Новые Гебриды, о-ва Эллис и Кука. Однако, несмотря на свою заинтересованность в островах Океании, Новая Зеландия в том же, 1944 г. заявила, что считает закономерными претензии США на острова Микронезии. Этим заявлением Новая Зеландия пыталась завоевать расположение своего нового могучего покровителя.

В Канберрском соглашении Новая Зеландия и Австралия объявляли также о необходимости создать специальную между-

народную организацию по тихоокеанским делам, пригласив все заинтересованные державы принять в ней участие. Пока же они договаривались о создании постоянно действующего органа из представителей обеих стран для сотрудничества по всем вопросам, касающимся Тихоокеанского бассейна.

Международная организация по экономическим вопросам была создана уже после окончания войны — 6 февраля 1947 г. Новая Зеландия, Австралия, Англия, Франция, США и Голландия подписали соглашение о создании Южнотихоокеанской комиссии.

Идеи же создания военного союза в бассейне Тихого океана, выдвинутые австралийско-новозеландским соглашением 1944 г., получили свое воплощение в Тихоокеанском пакте безопасности (АНЗЮС), заключенном в Сан-Франциско 1 сентября 1951 г.

Новая Зеландия на Сан-Францисской конференции 1945 г. разыгрывала роль адвоката интересов малых наций. Особенно бурно обрушился премьер-министр Фрэзер, возглавлявший новозеландскую делегацию на конференции, на принцип единогласия великих держав, называя его «антидемократическим». Следуя той же идее, новозеландская делегация выступала за максимальное расширение компетенции Генеральной Ассамблеи ООН за счет сужения прав Совета Безопасности. Особый интерес проявляли новозеландские делегаты к судьбе колоний и зависимых территорий. Именно новозеландский представитель был председателем комитета, обсуждавшего вопросы подопечных и самоуправляющихся территорий.

Глава VII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ В 50—70-х ГОДАХ XX ВЕКА

В послевоенные годы в экономике Новой Зеландии произошли значительные изменения. Из страны преимущественно аграрной она превратилась в аграрно-индустриальную. Этот процесс начался в период второй мировой войны. Так, если в 1938/39 г. в стране было 6 тыс. промышленных предприятий с общим числом рабочих 93,6 тыс. человек, то в 1945/46 г. эти цифры возросли соответственно до 6,9 тыс. и 119 тыс. Через 30 лет (в 1976/77 г.) в стране стало 9,7 тыс. предприятий с общим числом рабочих 306 тыс. человек [37, с. 904; 37а, с. 894].

Валовая стоимость промышленной продукции за период с 1945/46 по 1976/77 г. увеличилась с 367 млн. до 9 млрд. долл. [37, с. 904].

Особенно быстро развивались машиностроение, металлообрабатывающая, химическая, нефтеперерабатывающая, угольная, текстильная промышленность (табл. 2).

Необходимо указать, что в основном предприятия новозеландской промышленности до сих пор мелкие. Более половины всех промышленных предприятий обслуживают не более 10 рабочих. Лишь 2,2% предприятий имеют число рабочих более 200 человек [37, с. 425]. Если в течение 10—60-х годов XX в. количество предприятий в Новой Зеландии выросло почти в 3 раза, а общее число рабочих — в 4, то средняя численность рабочих на предприятиях за это время возросла лишь на 6 человек: с 16 до 22 [106, с. 44].

В 1973/74 г. число предприятий с количеством рабочих до 10, от 10 до 50, от 50 до 100 и свыше 100 человек составляло соответственно: 3931, 2795, 530, 434 [37, с. 440]. Процесс концентрации промышленности идет довольно медленно (табл. 3).

В конце 60-х — начале 70-х годов вступают в строй новые крупные промышленные предприятия. Наиболее крупными промышленными районами становятся Окленд, Веллингтон и Кентерберри. В 1976/77 г. в районе Окленда находилось 4,3 тыс. промышленных предприятий с годовым оборотом 5,8 млрд. долл. и с общим числом рабочих 142 тыс. человек. В Веллинг-

Рост стоимости промышленной продукции по отраслям (1956/57 г. = 1000) *,
ф. ст.

Отрасль	Стоимость продукции	
	1972/73 г.	1973/74 г.
Металлообрабатывающая промышленность (кроме общего машиностроения и транспортного машиностроения)	6 709	8 809
Общее машиностроение (кроме электротехнического)	4 279	5 214
Электротехническое машиностроение	6 427	8 196
Транспортное машиностроение	4 377	5 268
Химическая промышленность	3 912	4 681
Нефтеперерабатывающая и угольная промышленность	20 783	22 841
Металлургическая промышленность	21 336	28 447
Текстильная промышленность	6 213	6 761
Лесная промышленность	3 079	3 934
Бумажная промышленность	4 776	6 184
Швейная и обувная промышленность	2 586	3 167

* New Zealand Official Yearbook, 1977, с. 448.

Т а б л и ц а 3

Количество предприятий и численность рабочих *

Годы *	Предприятия с количеством рабочих:			
	до 10 человек	от 10 до 50 человек	от 50 до 100 человек	свыше 100 человек

I. Количество предприятий

1971—1972	4 109	2 774	492	408
1972—1973	3 984	2 769	504	412
1973—1974	3 931	2 795	530	436

II. Численность рабочих

1971—1972	21 171	63 042	34 717	113 494
1972—1973	20 896	62 616	35 398	116 738
1973—1974	20 472	62 979	37 358	123 713

* New Zealand Official Yearbook, 1977, с. 440.

тоне и Кентербери эти цифры составляли соответственно 1,6 тыс., 2 млрд., 54,4 тыс.; 1,3 тыс., 1 млрд., 45,2 тыс. [37а, с. 449, 452].

В конце 60-х годов был построен металлургический комбинат в районе Окленда, работающий на местном сырье.

В Блафф, портовом городе на Южном острове, в 1971 г. вступил в строй алюминиевый завод. Через год после ввода в

строй завод производил до 70 тыс. т алюминия из глинозема, импортируемого из Квинсленда. Его нынешняя мощность рассчитана на производство 210 тыс. т алюминия в год. Создание этого завода освободило страну от необходимости импорта алюминия и алюминиевых сплавов, которые до этого полностью ввозились из-за границы. Более того, Новая Зеландия сама смогла экспортировать некоторую часть производимого заводом алюминия.

В 1973 г. начали работу два автосборочных завода в районе Окленда, а в 1975 г. — крупнейшее в стране автосборочное предприятие в Порируа.

Быстрыми темпами развивается целлюлозно-бумажная промышленность. Объем ее продукции за период с 1958/59 по 1977/78 г. возрос с 239 тыс. до 1,2 млн. т [37а, с. 390].

Горнодобывающая промышленность в послевоенные годы не показала сколько-нибудь существенного роста вследствие бедности ее минеральной базы. В небольших количествах добывается золото и серебро. Добыча золота снижается из года в год. Если в 1959 г. его добыча составила 1143 кг, то в 1977 г. — лишь 223 кг. В 1977 г. было добыто 236 кг серебра [37а, с. 407].

Основным видом минерального сырья в Новой Зеландии является уголь, главным образом бурый. Его добыча за последние 40 лет составляет ежегодно не более 2—3 млн. т [37а, с. 407].

Значительный процент стоимости продукции горнодобывающей промышленности приходится на долю нерудных минералов (гравий, известняк, песок и т. п.). В 1977 г., например, при общей стоимости продукции горнодобывающей промышленности в 140,4 млн. долл. на долю нерудных минералов приходилось 74 млн. долл. [37а, с. 407].

В начале 60-х годов в Капуни были обнаружены запасы природного газа, удовлетворяющие восьмую часть потребностей страны в топливе. Этот газ подается по трубопроводу в Окленд, Веллингтон и другие города Северного острова. Коммерческая эксплуатация этого месторождения началась в 1971 г. Однако значительно важнее месторождение газа, находящееся в провинции Таранаки, на западном побережье Северного острова.

В стране ведутся усиленные поиски нефтяных месторождений. К началу 1979 г. были выданы лицензии на поисковые работы на площади более 500 тыс. кв. км новозеландской суши, территориальных вод и континентального шельфа [37а, с. 412]. До 1964 г. Новая Зеландия ввозила готовые нефтепродукты. В 1964 г. был построен крупный нефтеперерабатывающий комбинат. В 1978 г. было импортировано 1,7 млн. т сырой нефти и 0,7 млн. т частично рафинированной [37а, с. 582].

Что касается энергетической базы новозеландской экономики, то она заметно увеличилась за послевоенные годы. Если в 1954 г. в стране производилось 3,9 млрд. кВт·ч электроэнер-

**Прямые иностранные инвестиции в распределении по странам
с 1950/51 по 1975/76 г. ***

	Капиталовложения, млн. новозеландских долларов	%
Всего	1404	100
Страны ЕЭС	582	41,5
Австралия и Океания	408	28,9
Страны Северной Америки	322	23,0
Другие страны	92	6,6

* «Бюллетень коммерческой информации», № 21. I.1979.

гин, то в 1967 г.—уже 11,13 млрд., а в 1978 г.—21,3 млрд. кВт·ч [37, с. 496]. Более 80% электроэнергии дают гидроэлектростанции. В 1954, 1967 и 1978 гг. они произвели соответственно 3,2; 9,6 и 146,6 млрд. кВт·ч [37а, с. 490].

Несмотря на серьезные сдвиги, которые произошли за послевоенные годы в новозеландской промышленности и привели к увеличению производства средств производства, доля отраслей промышленности, производящей потребительские товары, остается значительной. Так, в 1976/77 г. количество предприятий пищевой, табачной, текстильной, швейной, обувной, мебельной промышленности достигало 4 тыс. с количеством рабочих 120 тыс. и общим годовым оборотом 4,6 млрд. долл., в то время как эти показатели по всей новозеландской промышленности были соответственно 9 тыс., 306 тыс., 11,7 млрд. [37а, с. 429—449].

Следует также отметить крайнюю региональную неравномерность развития промышленности Новой Зеландии. Подавляющее большинство промышленных предприятий сосредоточено на Северном острове. К середине 70-х годов там находилось 75% всех промышленных предприятий страны, выпускавших более 3/4 валовой продукции.

После второй мировой войны чрезвычайно увеличился приток иностранного капитала в Новую Зеландию. Особенно характерны в этом отношении 60-е и 70-е годы. Если за период 1950—1960 гг. иностранные частные инвестиции составили 188,2 млн. долл., то за 1960—1970 гг.—442,2 млн. долл., а за 1970—1975 гг.—650,1 млн. долл. Общая сумма иностранных частных прямых капиталовложений составила 1280,5 млн. долл. [49, с. 17]. К 1976 г. она поднялась до 1,4 млрд. долл.

Большая доля в общей сумме иностранных инвестиций принадлежала Великобритании, Австралии, США и Канаде, но она значительно менялась на протяжении послевоенных лет. Так, если в 1961—1970 гг. доля Англии, Австралии, США и Канады в иностранных капиталовложениях составила соответ-

ственно 42,5, 30,6 и 18,2%, то в 1970—1975 гг. на первое место вышли США и Канада — 30,6%, на второе — Австралия — 29,8%, а Англия была оттеснена на третье место — 27,4% [49, с. 18].

В то же время следует отметить, что доля стран «Общего рынка», включая Англию, весьма внушительна. Если, как указывалось выше, общая сумма иностранных капиталовложений за 1950—1976 гг. достигла 1,4 млрд. долл., то почти 600 млн. приходилось на страны ЕЭС (табл. 4).

Иностранный капитал внедрялся в наиболее важные отрасли промышленности. Так, по данным новозеландского министерства финансов, в 1973 г. иностранный капитал контролировал 90% электротехнической и радиотехнической промышленности, 85% нефтеперерабатывающей и горнодобывающей промышленности, 40% автомобильной промышленности, 30% целлюлозно-бумажной промышленности [109, с. 48]. Из 63 наиболее крупных предприятий в четырех капитал полностью находится в руках новозеландцев, в 11 — полностью принадлежит иностранцам, в 23 — иностранцам принадлежит более 50%, в пяти — от 40 до 49%, в 20 — до 40% [109, с. 49].

Высок уровень иностранных капиталовложений в лесное и сельское хозяйство, внутреннюю торговлю, финансы. В 1973 г., как заявил тогдашний министр финансов У. Роулинг, иностранный капитал контролировал 35% всех финансов страны. В банках, контролируемых иностранцами, сосредоточено около 60% вкладов предприятий и около 65% вкладов частных лиц. Из 15 компаний по страхованию жизни, действовавших в 1973 г. в Новой Зеландии, 12 контролировались иностранцами [109, с. 47].

Иностранные предприятия, составлявшие в Новой Зеландии на начало 70-х годов лишь около 2% компаний, владели более чем $\frac{1}{5}$ всего акционерного капитала страны и получали около трети всех прибылей [70, с. 2].

Расширение иностранных инвестиций происходит не только за счет ввоза капитала из-за границы, но и вследствие использования нераспределенной прибыли. Так, в 1960/61 г. в общей сумме иностранных инвестиций 34,2 млн. долл. вновь введенный капитал составил 20,9 млн., нераспределенная прибыль — 13,3 млн., а в 1970/71 г. эти цифры уже составляли соответственно 133,7 млн., 99,1 млн. и 34,6 млн. долл. [109, с. 51].

Основная доля импорта иностранного капитала состоит из государственных займов. К 1978 г. государственная задолженность Великобритании и США составила 1,8 млрд. долл. Погашение займов, выплата прибылей иностранным компаниям и процентов частным иностранным держателям акций новозеландских компаний в значительной мере способствовали образованию большого дефицита платежного баланса. К 1 февраля 1976 г. он достиг 1,3 млрд. долл., или почти 12% валового на-

ционального продукта, а общая сумма иностранной задолженности к концу 1977 г. увеличилась до 2 млрд. долл. [49, с. 25].

Иностранные инвесторы получают весьма значительные доходы от вложенного капитала. По оценкам новозеландских специалистов, на долю компаний, принадлежащих иностранному капиталу, приходится около 30% общего объема прибыли всех корпораций страны. За период 1950/51—1975/76 гг. сумма доходов от прямых иностранных капиталовложений составила более 1,4 млрд. новозеландских долларов, причем 662 млн (46,1%) приходилось на страны ЕЭС, 418 млн. (29,2%) — на Австралию и Океанию, 326 млн. (22,7%) — на страны Северной Америки и 29 млн. (2%) — на другие страны [127, 23.1.1979].

Валютное законодательство Новой Зеландии предусматривает свободный перевод из страны дивидендов и других доходов иностранных держателей акций.

* * *

В послевоенные годы в Новой Зеландии значительно увеличились автомобильный парк и протяженность авиалиний. Количество автомобилей возросло с 315 тыс. в 1946 г. до 1,9 млн. в 1978 г. (из них легковых автомобилей — 1,5 млн.). Общая протяженность шоссейных дорог составила в 1976 г. 96 тыс. км [37а, с. 306, 307]. Количество пассажиров, перевезенных на внутренних авиалиниях за 1959—1977 гг., увеличилось почти в 3 раза — с 557 тыс. до 1,5 млн. человек [37а, с. 328].

В 1977 г. протяженность новозеландских железных дорог составила 4,7 тыс. км. Железные дороги теряют свое значение для перевозки пассажиров, хотя перевозка грузов благодаря промышленному развитию страны из года в год увеличивается. Если в 1965 г. было перевезено 25 млн. пассажиров, в основном на пригородных линиях, то в 1976 г. — 20 млн. (из них 18,2 млн. — на пригородных линиях). Стоимость перевозимых грузов и скота за 1965—1976 гг. увеличилась с 60 млн. до 125,2 млн. долл. [37а, с. 890].

Послевоенное индустриальное развитие Новой Зеландии сочеталось с определенным ростом сельского хозяйства, которое, используя новейшие технические средства, добилось значительного увеличения производства продукции. Общее производство сельскохозяйственной продукции увеличилось более чем в 2 раза. В сельском хозяйстве производится треть валовой продукции страны. Основа сельского хозяйства страны — пастбищное животноводство. На пастбищах Новой Зеландии в 1979 г. паслось 8,5 млн. голов крупного рогатого скота (в том числе 2 млн. молочных коров) и 62 млн. овец. Для сравнения укажем, что в 1945 г. количество крупного рогатого скота и овец составляло соответственно 4,6 млн. и 34 млн. голов [37а, с. 892].

Производство основных сельскохозяйственных продуктов не-

Распределение самостоятельного населения по основным секторам экономики *

Сектор экономики	1966 г.		1978 г.	
	численность рабочей силы	%	численность рабочей силы	%
Первичный (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, добывающая промышленность)	140 936	13,7	133 956	10,8
Вторичный (обрабатывающая промышленность, строительство, энергетика) . . .	381 589	37,2	433 190	34,1
Третичный (сфера обслуживания, финансы, органы управления)	503 514	49,1	705 184	55,4

* New Zealand Official Yearbook, 1979, с. 579.

уклонно растет. В 1945/46 г. было произведено 166 тыс. т шерсти, а в 1977/78 г. — 311 тыс. т. Производство молочных продуктов и мяса за тот же период увеличилось соответственно со 169 тыс. до 279 тыс. т; с 550 тыс. до 1,2 млн. т [37а, с. 893].

Что касается производства пшеницы, то оно было довольно неравномерно в послевоенные годы. Если в 1945/46 г. урожай пшеницы достигал 148,1 тыс. т, то в 1955/56 г. — 72,4 тыс. т, в 1965/66 г. — 291,8 тыс., в 1974/75 г. — 179,9 тыс., а в 1977/78 г. — 329 тыс. т [37а, с. 891].

Следует отметить, что рост сельскохозяйственного производства сопровождается неуклонным уменьшением числа работающих в сельском хозяйстве. Аналогичные процессы наблюдаются и в лесном хозяйстве, рыболовстве и добывающей промышленности.

В то же время количество работающих в обрабатывающей промышленности, строительстве и энергетике и особенно в сфере обслуживания, финансах, органах управления постоянно возрастает (табл. 5).

Для сравнения укажем, что в начале 50-х годов в первичном, вторичном и третичном секторах новозеландской экономики работало соответственно 20,2; 34,3 и 45,5% самостоятельного населения страны.

Естествен поэтому все увеличивающийся рост городского населения. В 1977 г. население Новой Зеландии насчитывало 3140 тыс. человек, из которых более половины проживало в семи крупнейших городах. За 50 лет (1926—1976) городское население (без маори) увеличилось с 941,7 тыс. до 2,6 млн. человек, тогда как сельское — с 460,6 тыс. до 532,4 тыс. человек. Процент городского населения (без маори) вырос за этот период с

67,2 до 83, в то время как процент сельского населения снизился с 32,8 до 17.

Этот же процесс захватил и маорийское население страны. С 1926 по 1976 г. количество маори, живущих в городах, увеличилось с 10 тыс. до 205,7 тыс. (в процентном отношении выросло с 15,6 до 76,2), а количество маори, живущих в сельской местности уменьшилось с 53,7 тыс. до 64,3 тыс. человек (в процентном отношении с 84,4 до 23,8) [37а, с. 62].

Преимущественно экономическое развитие Северного острова ведет ко все увеличивающейся диспропорции в распределении населения страны. Если в 1921 г. при общей численности населения 1 271 668 человек 791 918 (62,3%) проживало на Северном острове и 479 750 (37,7%) — на Южном, то в 1976 г. эти цифры составили соответственно 3 129 383, 2 268 393 (72,5%), 860 990 (27,5%) [37а, с. 55].

Буржуазные идеологи, средства пропаганды в капиталистических странах в течение многих десятилетий популяризировали Новую Зеландию как пример государства «классовой гармонии» и «всеобщего благоденствия». «В Новой Зеландии не существует чудовищного социального неравенства, которое характерно для североамериканских и европейских стран, — писала, например, „Гардиан уикли“ в июле 1973 г., — поэтому возникающие разногласия смягчаются благодаря отсутствию социальных барьеров. Это высокопроцветающее общество — только маорийское меньшинство серьезно отстает — не знает трущоб, грязных притоков, ферм, утопающих в навозе, и комнат для прислуги, потому что там нет прислуги» [129, 28.VII.1973].

Однако Новая Зеландия ни в прошлом, ни в настоящем не была «идеальным государством». Классовая поляризация существовала всегда, а в настоящее время еще более усилилась. В Новой Зеландии давно и прочно сложился класс крупных фермеров. В 1974 г., например, фермеры, владевшие земельными участками размером более 800 га, составляли лишь 5% общей численности фермеров, но владели более 60% обрабатываемой земли [37, с. 351].

В последние десятилетия в стране быстро росла крупная промышленная буржуазия. 1,4% компаний производят более трети всей промышленной продукции Новой Зеландии [49, с. 86].

Развернувшийся в капиталистическом мире с начала 70-х годов экономический кризис сильно ударил по Новой Зеландии. Совет по вопросам планирования при новозеландском правительстве охарактеризовал ситуацию в стране в 1978 г. как «кризисную». Реальный доход на душу населения сократился за период с 1973 по 1976 г. почти на 15%. Уровень жизни, измеряемый валовым внутренним продуктом на душу населения, значительно снизился: в 60-е годы Новая Зеландия была на четвертом месте в мире, теперь — на двадцатом [137, 22.I.1979].

Доходы фермеров с 1973 по 1977 г. снизились на 40%, а и

1978 г. — еще на 35% [137, 22.I.1979]. Прибыли промышленных корпораций упали до 1,3 млрд. новозеландских долларов [128, 16.III.1979, с. 121].

На доходы от экспорта Новая Зеландия могла приобрести в 1978 г. лишь две трети того, что она покупала в 1973 г. За период с 1968/69 по 1974/75 г. доходы от экспорта сократились с 26 до 22% валового национального продукта, а расходы на импорт возросли с 20 до 30%. Запасы валюты сократились в 1973—1976 гг. с 1,2 млрд. до 450 млн. новозеландских долларов. За годы правления лейбористов (1972—1975) было получено иностранных займов на сумму 950 млн. новозеландских долларов, а при консервативном правительстве лишь за один 1976 г. — 1 млрд. новозеландских долларов.

По официальным данным, в Новой Зеландии в 1978 г. насчитывалось 50 тыс. безработных. Но действительное число безработных, очевидно, составляло 100 тыс. [128, 16.III.1979, с. 122—123].

Ухудшение экономического положения Новой Зеландии вызвало значительный рост эмиграции. За два года, с июня 1976 по июнь 1978 г., страну покинуло 120 тыс. человек, т. е. более чем каждый тридцатый. Если в 1974 г. население увеличилось на 30 тыс. человек, то в 1978 г. сократилось на 30 тыс. «Так одна из немногих стран, которая могла давать работу все большему числу людей, — писала газета „Уолл-стрит джорнал“, — стала одной из немногих стран, которые теряют своих граждан... На протяжении десятилетий Новая Зеландия была известна как страна, в которой проводился гигантский социал-демократический эксперимент. Да, эксперимент был удачным, однако подопытный кролик умирает» [137, 22.I.1979].

Новозеландское правительство стремится переложить экономические трудности на плечи трудящихся. Лишь в 1971—1975 гг. прямые налоги на население выросли в 2,1 раза, а косвенные — в 1,6 раза [49, с. 96—97].

В 1976 г. правительство повысило цены на молоко вдвое, и это в стране — крупнейшем экспортере молочных продуктов. В следующем году цены на молоко были подняты еще на 50%. Выросли цены на масло и хлеб. Одновременно правительство объявило о «замораживании» на год заработной платы новозеландских трудящихся. Были подняты на 30% плата за электроэнергию, на 25% — цены на уголь, на 40% — на газ. Вдвое были увеличены плата за проезд на транспорте, а также почтовые и другие сборы.

Сложные, нерешенные проблемы наблюдаются в жилищном строительстве, в системах здравоохранения и образования.

В своем выступлении на ежегодной сессии новозеландского Института государственного управления, состоявшейся в мае 1977 г. в Данидине, заместитель министра иностранных дел Новой Зеландии М. Норрис сказал: «Мы не принадлежим больше

Количество промышленных профсоюзов и численность их членов *

Год	До 100 членов	100—199 членов	200—299 членов	300—499 членов	500—999 членов	1000—1999 членов	2000—2999 членов	3000—4999 членов	5000—9999 членов	10 тыс. членов и более	Всего членов
<i>Количество профсоюзов</i>											
1973	92	36	24	30	42	30	18	9	16	8	305
1974	90	29	32	29	41	29	17	11	15	9	302
1975	90	26	23	33	34	34	18	10	14	10	292
1976	87	29	21	32	37	36	13	13	13	11	292
1977	86	28	23	29	43	31	16	12	13	11	292
<i>Численность членов профсоюзов</i>											
1973	4060	5250	5651	11 838	28 482	42 795	43 765	33 174	106 702	145 975	427 692
1974	4095	4142	7952	11 644	28 761	40 630	39 282	38 669	101 626	159 822	436 623
1975	4324	3598	5705	13 278	23 750	45 135	43 656	36 497	100 476	178 572	454 991
1976	3992	4116	5136	12 608	24 873	50 092	31 469	48 486	92 601	191 070	464 453
1977	4181	3985	5659	11 059	29 284	44 140	37 454	44 744	94 533	198 342	473 432

* New Zealand Official Yearbook, 1979, с. 796.

к числу стран с наивысшим доходом на душу населения... мы не являемся больше, если вообще когда-либо были, страной, которая имеет право показывать другим странам пример добропорядочности в человеческих взаимоотношениях. В области рабовых отношений, несмотря на наши иллюзии, мы не в лучшем положении, чем многие другие страны... Наши притязания на ведущее место в мире в области социальных отношений уже в течение многих лет беспочвенны. Мы должны признать тот факт, что в этом плане другие страны нас обошли. Мы — первая страна, давшая женщинам право участвовать во всеобщих выборах. Но мы остались позади в осуществлении этого принципиального решения на практике» [28, с. 141].

Недовольство трудящихся страны своим положением выражается в резком увеличении числа забастовок. За период с 1969 по 1977 г. число забастовок увеличилось со 169 до 562, число бастующих — с 44 тыс. до 159 тыс. В результате забастовок было потеряно в 1969 г. 139 тыс. рабочих дней, а в 1977 г. — 430 тыс. [37а, с. 798].

Борясь с забастовочным движением, правительство приняло закон, по которому предприниматели получили право увольнять бастующих рабочих, а забастовки политического характера, например в поддержку борьбы против захода в новозеландские порты американских атомных кораблей с ядерным оружием на борту, полностью запрещались; принимающие в них участие члены профсоюзов наказывались штрафами.

Но этот закон привел лишь к еще большему обострению внутривластной обстановки. В 1977/78 г. Новую Зеландию охватила новая волна забастовок, в которых приняли участие, в частности, портовые рабочие, работники транспорта, мясоперерабатывающей и резиновой промышленности, стригали.

Профсоюзы консолидировали свои действия. Новая Зеландия принадлежит к капиталистическим странам с высоким процентом членов профсоюзов относительно общей численности работающих по найму. В 1977 г. члены профсоюзов составляли около 44% (473 тыс. из 1,1 млн. человек) [37а, с. 796, 797].

Но профсоюзное движение Новой Зеландии характеризуется большой раздробленностью. В основном профсоюзы объединяют организации с количеством членов до 100 человек. Однако в 70-е годы наблюдается как некоторое сокращение общего числа промышленных профсоюзов, так и известное увеличение членства в крупных организациях, что видно из табл. 6.

* * *

Если европейское трудящееся население Новой Зеландии испытывает трудности, то у маори они еще значительнее.

Выше мы говорили о том, что начало XX в. маори встретили в упорной борьбе за право на человеческое существование, которая явилась обнадеживающим симптомом их духовного и

физического возрождения. Свидетельство тому — прекращение падения абсолютной и относительной численности маори.

В 1921 г. численность маорийского населения впервые за годы британского господства превысила уровень 50-х годов XIX в., а с 1928 г. уровень рождаемости у маори превзошел уровень рождаемости у пакеха. К началу 40-х годов численность маорийского населения перевалила за 90 тыс. человек, т. е. вдвое превзошла уровень 1901 г. [102, с. 80].

Однако экономические условия жизни маори оставались трудными. Их исконные земли продолжали прибираться к рукам пакеха. С 1896 по 1921 г. было продано 6 млн. акров маорийских земель. Защищаясь, маори начали объединять свои земельные участки, создавая сельскохозяйственные кооперативы. Первый такой кооператив был создан в 1924 г. в Руаторна.

К началу второй мировой войны маори значительно укрепили свое политическое и экономическое положение. После войны маорийские солдаты, воевавшие за океаном, вернувшись в Новую Зеландию, создали влиятельную организацию ветеранов войны и стали требовать предоставления работы в тех отраслях экономики страны, куда маори раньше не допускались. В результате начинается быстрое увеличение городского маорийского населения. В период 1945—1961 гг. ежегодный прирост городского населения маори в среднем составлял 16%. Маори добились отмены законов о запрещении продажи им спиртных напитков (в 1948 г.), отдельной от пакеха регистрации браков, рождений и смертей (в 1961 г.) и др. Их официальное наименование «туземцы» было изменено на «маори» (коренные жители других полинезийских островов, живущие в Новой Зеландии, официально именуются «островитяне»).

К началу 60-х годов численность маорийского населения превысила 167 тыс. человек (около 7% всего населения), и маорн образовали наиболее влиятельное национальное меньшинство в Новой Зеландии. Если у пакеха рождаемость в 1961 г. составила 25,5 на 1000 человек, то у маори почти вдвое больше — 46,4. В целом и смертность у маори была к этому времени несколько ниже, чем у пакеха: 89 на 1000 против 90 человек. Но вследствие большой смертности у маори в возрасте от 15 до 25 лет средняя продолжительность жизни у них оставалась значительно меньше, чем у пакеха: 54 года против 68 лет. В 1961 г. 67% маори составляла молодежь до 21 года и только 5% — люди старше 55 лет.

Маори в основном (75%) живут в северной части Северного острова. В 1961 г., несмотря на быстрый абсолютный рост городского населения маори, в процентном отношении оно еще далеко уступало пакеха. В городах жил 41% всего маорийского населения и 75% «белого» населения. Значительные различия между маори и пакеха имелись и в области профессиональной занятости. По данным 1961 г., в сельском хозяйстве было заня-

то 23,4% маорийского населения и 14,6% — пакеха; в обрабатывающей промышленности — соответственно 47,3 и 34,2; на транспорте — 9,1 и 6,1, зато в учреждениях — 3,1 и 13,3%. Процент безработных маори более чем в 3 раза превышал процент безработных пакеха — 2,4 и 0,7.

Маори имели значительно худшие жилищные условия. Водопровод и канализацию имели в 1961 г. соответственно 65,5 и 54% домов, занимаемых маори, в сравнении с 88,6 и 88,6% домов пакеха. Процент использования холодильников и стиральных машин у маори и пакеха весьма различен: 55,6 и 46,7% — в домах маори и 81,4 и 78,3% — в домах пакеха [128, 15.V.1971, с. 34].

Большая разница была и в размерах зарплаты. Так, свыше 1100 долл. в году маори получали 6,3%, а у пакеха — 19,1% работающих. Медицинское обслуживание маори было значительно хуже, чем пакеха. Достаточно сказать, что смертность маори от различных эпидемических заболеваний в 3—4 раза выше, чем у пакеха [128, 15.V.1971, с. 34].

Все этн явления в общем сохранялись на протяжении 60-х годов, изменяясь лишь количественно.

К 1 января 1970 г. общая численность маори превысила 225 тыс. человек, увеличившись за 1969 г. на 2,7%, в то время как прирост европейского населения в 1969 г. составил 1,2%. Рождаемость у маори по-прежнему остается значительно выше, чем у пакеха. В 1969 г. она составила 37,4 на 1000 у маори и 22,5 на 1000 у пакеха. И смертность у маори продолжала оставаться на более низком уровне, чем у пакеха. Но значительно более низкий общий уровень жизни маори, их медицинского и санитарного обслуживания и сейчас ведет к тому, что смертность у маори во всех основных возрастных категориях намного выше, чем у пакеха. У пакеха 66,5% умирает в возрасте старше 65 лет, а у маори — лишь 29%. В то же время у пакеха в возрасте до 5 лет умирает 5%, а у маори — 21,4%, а в возрасте от 15 до 24 лет и от 25 до 44 лет — соответственно 1,8 и 5,1%; 4,1 и 13,5%. От туберкулеза у маори смертность сейчас в 5 раз выше, чем у пакеха, от гриппа — в 4, от пневмонии — в 2,5 раза.

Мы привели это обилие цифр потому, что они весьма выразительно рисуют современное положение аборигенов страны «Длинного Белого Облака».

Да, маори многого добился. Выжить в неравной, тяжелой, длительной борьбе с могущественным противником — британским империализмом, заставить признать свое национальное достоинство, добиться формального равноправия с колонизаторами — это пример исключительный в истории колониализма.

Но нынешнее положение маори говорит о том, что их борьба далеко не закончена. Утверждение официальных новозеланд-

ских властей о том, что Новая Зеландия — образец решения национальной проблемы, т. е. страна, где «расовые отношения между маори и пакеха гармонично развиваются на основе равных прав и возможностей», делая ненужным законодательство, запрещающее расовую дискриминацию, является мифом, легко опровергаемым при самом поверхностном анализе современной новозеландской жизни.

В Новой Зеландии действительно нет ни законов о запрещении расовой дискриминации, ни легальных дискриминационных актов, но реальная дискриминация начинает ощущаться уже с первого знакомства с официальной новозеландской статистикой, публикуемой, скажем, в правительственном «Официальном ежегоднике Новой Зеландии». Сведения о маори даются вне общегосударственного баланса, как бы примечанием к общенациональной статистике. Когда же изучишь эти данные, признаки расовой дискриминации становятся очевидными.

Достаточно сказать, что лишь 8% маори заняты в сфере управления и на работах, требующих профессиональной подготовки, а пакеха — 40%. В то же время на неквалифицированных работах используется 50% маори, а пакеха — 35% [88, с. 73]. «Таким образом, — пишет новозеландский ученый К. Т. Хоу, — маори имеют обычно меньше экономических возможностей, чем европейцы, и гораздо чаще оказываются безработными во время спада» [88, с. 73].

Политика новозеландских властей направлена на ограничение изучения языка и культуры маори, с тем чтобы ускорить процесс их ассимиляции в «обществе белых». Это привело к тому, что сейчас, как утверждает маорийский ученый-антрополог Пат Хохепа, лишь один маори из четырех свободно владеет своим родным языком. Пат Хохепа справедливо замечает, что отсутствие знания языка ведет к отрыву от национальных культурных традиций [128, 15.V.1971, с. 34].

Однако сильно страдает не только языковая, но и общобразовательная подготовка маори. Свыше 90% учащихся-маори выходят из школ без свидетельства об их окончании, у пакеха же — 50%. Из 75 школьников-маори лишь один доходит до последнего — шестого класса [88, с. 73].

Выше уже отмечалось, что число маори, покидающих сельские районы и переезжающих в города, неуклонно растет. Это объясняется как быстрым темпом индустриализации страны, так и плохими условиями жизни в деревнях. Но, попадая в города, маорийская молодежь с трудом находит работу. Это ведет к глубоким психологическим травмам, распространению пьянства и преступности среди маори.

Таким образом, перед нынешним поколением маори стоит задача достижения не формального, а действительного равенства в правах. Они усиливают свою борьбу. Маори отвергли предложенный правительством путь скорейшего растворения в

англо-новозеландском обществе. У них вызвал возмущение призыв министра по делам маори Дункана Макинтайна к маори, переселяющимся в города. Д. Макинтайн убеждал их, чтобы они, придя в город, старались выработать «принадлежность к новому обществу, в которое они вошли» [128, 15.V.1971, с. 39].

Еще в 1960 г. министерством по делам маори был составлен доклад Ханна, названный именем его автора Д. Ханна, в котором делалась попытка оценить общее положение маори в новозеландском обществе, и особенно положение маори, переселившихся в города.

В докладе подчеркивалась необходимость в интересах самих маори их ассимиляции с пакеха. Маорийская общественность выступила против этого предложения, считая его посягательством на права маори.

Публикация доклада вызвала широкую дискуссию в стране, продолжавшуюся на протяжении 60—70-х годов.

* * *

Особенно острым является вопрос о маорийских землях. В послевоенные годы процесс отчуждения земель, принадлежавших маорийскому населению, усилился вследствие принятия правительством актов 1953 и 1967 гг., а также других постановлений. Эти документы давали полный простор для захватов маорийских земель на основе, например, их «неэкономического» использования маори. У маори к началу 70-х годов остался лишь 1 млн. га из 27 млн., которыми они первоначально владели [88, с. 82].

В 1975 г. маори Северного острова провели грандиозный «земельный марш» по всему острову. Центром серьезного столкновения между маори и европейцами был Бэстион-Пойнт — возвышенный участок земли на окраинах Окленда. Четверть века назад он был захвачен у маори. В начале 1977 г. плотник-маори Джо Хок собрал несколько друзей и «занял» Бэстион-Пойнт в знак протеста против планов правительства построить там жилой район. Последующие 18 месяцев конфликт обострялся, а группа Хока все увеличивалась. В начале июня 1978 г. правительство применило силу. Около 500 полицейских вступили в Бэстион-Пойнт и изгнали оттуда маори, уже насчитывающих несколько сотен. Более 200 маори были арестованы. Полиция совершила нападение, прикрываясь постановлением верховного суда, запрещавшим участникам протеста «нарушать границы» Бэстион-Пойнт.

При поддержке подразделений регулярной армии полицейские выступили на рассвете и быстро очистили район. Сразу же вслед за этим армейские команды снесли дома и хижины маори, которые были сооружены в Бэстион-Пойнт. Но этой полицейской акцией новозеландское правительство не остановило борьбу маори за землю.

Социально-экономические проблемы, состояние здравоохранения, образования стоят в центре внутриполитической борьбы, составляют основу дискуссий в период всеобщих избирательных кампаний.

Так же как в самой Великобритании, в Новой Зеландии прочно сложилась, по сути дела, двухпартийная система, несмотря на существование других партий. Начиная с 1935 г. власть в стране находится попеременно то у Национальной, то у Лейбористской партии. С 1935 по 1975 г. каждая партия находилась у власти по два десятилетия. Причем в большинстве случаев партии одерживали победы друг над другом с небольшим перевесом. Это объясняется тем, что программы обеих партий не имеют принципиальных различий. В сущности, у новозеландских избирателей нет альтернативы, хотя, казалось бы, она должна быть, ибо Национальная партия стоит на откровенно буржуазных позициях, отражает интересы крупных фермеров, промышленной, торговой и финансовой буржуазии, а Лейбористская, казалось бы, должна представлять интересы рабочего класса. Но новозеландский лейборизм, подобно британскому, с самого начала своего существования, как говорилось выше, развивался в реформистском духе. Лейбористская партия Новой Зеландии представляет собой типичную социал-демократическую партию западноевропейского образца. Она весьма разнородна и по своему социальному составу. В нее наряду с рабочими и фермерами входят представители мелкой и средней буржуазии.

Рассмотрим политические платформы обеих партий на выборах в парламент 1972 и 1978 гг.

Лейбористская партия выступила на выборах 1972 г. под лозунгом «Время пришло». Партия обещала в случае прихода к власти основное внимание уделять решению внутренних проблем страны, обвинив правящую Национальную партию в игнорировании этих проблем. «Хотя события, происходящие за границей, имеют важное значение для Новой Зеландии,— подчеркнул лидер лейбористов Норман Кирк,— прежде всего надо держать свой собственный дом в порядке. Те, кто сейчас находится у власти, не понимают реальных проблем, стоящих перед всеми новозеландцами» [109, с. 143].

«Нам необходимо,— продолжал он,— определить национальную цель, восстановить чувство национального единения и подтвердить свою независимость. Общество утратило цель, а бесцельное существование создает дополнительные социальные трудности и усиливает социальную болезнь, которой немедленно нужно противоядие, если не хирург» [109, с. 143]. Лейбористы заявляли, что социальная справедливость в развитом индустриальном обществе основывается на четырех основных правах: на

работу, на жилище, на образование, на хорошее здоровье — «право на хорошее здоровье является основным правом каждого человека. Ничто так не лишает человека независимости, безопасности и свободы, как болезнь или несправедливость» [109, с. 144].

Лейбористская партия обещала избирателям «восстановить социально справедливую и экономически обеспеченную основу новозеландской семьи, способствовать укреплению связей между парламентом и народом...» [109, с. 145]. Она заявляла, что ее целью является превращение Новой Зеландии в «благоденствующее государство». «Новая Зеландия — маленькая страна. Слишком мала, чтобы быть военной державой... и слишком мала, чтобы быть индустриальной державой. Но единство и независимость наших взглядов и социального законодательства могут показать пример более многочисленным, сильным и более могущественным нациям. Мы можем создать такую превосходную систему, которую весь мир будет уважать, которой большинство стран будет завидовать, а многие — подражать» [109, с. 145].

Но все эти прекрасные слова не были подкреплены какими-нибудь конкретными позитивными действиями.

Не менее высокопарными были заявления Национальной партии. «С тех пор как в 1936 г. образовалась Национальная партия, сложившаяся из старых Либеральной партии и Партии реформ, она стоит за свободу... — заявил лидер партии Д. Маршалл, — мы считаем, что каждый человек имеет право жить собственной жизнью и идти собственным путем, только не попирая права других людей. Он должен делать то, что хочет, но в пределах норм закона; хотя каждый закон ограничивает свободу, но без закона свобода не может существовать» [109, с. 147].

«Основополагающими принципами правительства, которое я возглавляю, — продолжал Д. Маршалл, — являются принципы либерализма. Либерализм — это не определенная вера или строгая социальная система, а скорее состояние ума или отношение к человеку и общественным делам, которое определяет политическое суждение, не ограничивая его определенной формулой» [109, с. 147].

Свобода — понятие сложное, подчеркивают «националисты». Она имеет четыре аспекта: национальный, политический, личный и экономический [109, с. 147].

Но заявления лидеров и программные документы партии свидетельствуют, что никаких, в сущности, сложностей нет. «Национальная свобода — это та свобода, которой мы в Новой Зеландии наслаждаемся, как независимая территория в Британском содружестве... — объяснял Д. Маршалл. — Политическая свобода, великое наследие британского народа, лучше всего иллюстрируется свободными выборами и тайным голосованием... Личная свобода — это свобода думать, действовать, говорить и

исповедовать веру, как и где мы хотим, но в рамках закона...» [109, с. 148]. «Что касается экономической свободы, то она обеспечивается,— говорит Д. Маршалл,— существованием частной собственности. Национальная партия верит в частную собственность, потому что она связана со свободой личности» [109, с. 148].

На выборах 1978 г. Лейбористская партия выступила с лозунгом «Восстановить нацию». Манифест партии провозгласил: «Наша основная проблема проста — мы хотим повести Новую Зеландию вперед. В течение трех лет народ сжат тесным экономическим жилетом. Теперь пришло время вернуть ему свободу» [33, с. 2]. В манифесте далее содержалось много справедливой критики трехлетней (1975—1978) деятельности находившейся у власти Национальной партии, подчеркивались трудности в социально-экономической сфере, образовании и здравоохранении, давались заверения не жалеть усилий, чтобы обеспечить «работой всех, кто хочет работать, предоставить каждой новозеландской семье жилище по доступным ценам, снизить подходящий налог, поднять экономику, дать всем новозеландцам возможность твердо стоять на ногах» [33, с. 1].

Но в манифесте Лейбористской партии 1978 г. опять-таки отсутствовала конкретная, конструктивная программа действий по «восстановлению нации».

Национальная партия выступила на выборах 1978 г. с программой, названной «Мы держим свое слово». Националисты заверяли избирателей в своих самых лучших намерениях. «Национальная партия,— говорилось, например, в разделе „Экономика“,— будет продолжать разумно управлять экономикой, не забывая в то же время о новозеландской экспортной индустрии, чтобы держать под контролем инфляцию и сократить задолженность страны иностранным государствам» [22, с. 9].

В разделе «Промышленность» говорилось: «Национальная партия уверена, что интенсивное развитие промышленности является важным для благополучия страны и будет способствовать расширению экспорта и улучшению внешнеторгового баланса. Национальная партия планирует достичь этого путем поддержания конкурирующего частного предпринимательства и намерена создать условия всем отдельным предпринимателям и корпорациям для достижения долгосрочных экономических и социальных целей» [22, с. 36].

В разделе «Сельское хозяйство» Национальная партия заявляла, что ее «аграрная политика акцентирована на четырех жизненно важных и взаимосвязанных аспектах: на повышении чувства доверия между фермерами, сельскохозяйственными рабочими и теми, кто обслуживает аграрный сектор; на поощрении фермеров к увеличению производства продукции как в традиционных областях, так и в новых... на стимулировании развития сельского хозяйства как важной составной части экспорта;

на стимулировании развития сельского хозяйства как важного элемента расширения занятости, экономического и социального развития страны» [22, с. 2].

В разделе «Торговля» говорилось, что «Национальная партия считает, что общество должно основываться на экономической свободе, и поэтому защищает развивающуюся систему сильного частного предпринимательства в торговле, поощряя индивидуальную инициативу...» [22, с. 7].

Соответствующие заверения давались и в отношении развития жилищного строительства, здравоохранения, образования.

Надо сказать, что программа Национальной партии была значительно шире манифеста Лейбористской партии, со многими разделами и подразделами. Однако и она не давала реального плана преодоления стоявших перед страной трудностей.

Новозеландские избиратели отдавали голоса на выборах в парламент в 70-х годах то одной, то другой политической партии. В 1972 г. победили лейбористы, а затем дважды, в 1975 и 1978 гг., верх брала Национальная партия. Между тем сколько-нибудь существенных позитивных изменений в социально-экономической жизни Новой Зеландии на протяжении 70-х годов не произошло. Напротив, внутренние проблемы страны еще более обострились. Кроме Национальной и Лейбористской партий в Новой Зеландии действуют еще две политические организации, стоящие на мелкобуржуазных позициях,— Политическая лига социального кредита и Партия ценностей.

Первая из этих организаций действует фактически уже несколько десятилетий. Еще в 30-е годы образовалась Ассоциация социального кредита, проповедовавшая идеи преодоления негативных черт капиталистических систем кредитования и достижения, таким образом, полного экономического обеспечения всего населения страны. До начала 50-х годов движение социального кредита не имело четкой организации. Первое официальное сообщение о создании Политической лиги социального кредита появилось в новозеландской прессе 20 мая 1953 г. В 1954 г. Лига впервые приняла участие в выборах в парламент. На протяжении 50—60-х годов она собирала не более 9% голосов избирателей, лишь в 1966 г.— 14,5%. В парламенте Лига не имела представительства до 1978 г., когда она сумела получить один мандат, собрав 16% голосов избирателей.

Идеи, пропагандируемые Лигой, изложены в манифесте 1978 г. Лига ни в коей мере не покушается на капитализм, на «священную частную собственность». Она провозглашает идеальным обществом «частнособственническую демократию».

«Политика Лиги социального кредита,— говорится в манифесте,— направлена на честное распределение ресурсов, чтобы каждый новозеландец получил свою долю тех богатств, которые производятся в стране. Экономическая и финансовая системы должны быть преобразованы путем более широкого рас-

пределаения частной собственности и продукции внутри общества, чтобы экономическая мощь, а посему и политический контроль были разделены более широко на всех уровнях. Действительно свободным является тот, кто экономически свободен...» [44, с. 2].

Политическая лига социального кредита исключает борьбу трудящихся за свои права, отрицает классовый антагонизм. Отношения в производстве, по мнению лиги, должны строиться на основе «принципа поощряемого сотрудничества и гармонии между рабочими и предпринимателями, профсоюзами и руководством предприятий» [44, с. 39]. Задача лиги — превратить рабочих в держателей акций. Она считает эту меру одним из главных средств трансформации ныне существующего общества в общество «всеобщего благоденствия».

«Лига социального кредита, — говорится в манифесте 1978 г., — верит в принцип совместного владения акциями предпринимателей и рабочих, в участие рабочих в распределении прибыли и управлении предприятиями... Лига социального кредита разработает схему для промышленных рабочих, предусматривающую передачу в их собственность части капитала предприятий, на которых они работают» [44, с. 39].

Партия ценностей самая молодая. Она возникла в мае 1972 г. В партию входят в основном представители мелкой буржуазии, студенты и преподаватели университетов. На выборах 70-х годов она получала не более 5% голосов избирателей. В своих программных документах партия заявляла, что альтернативой трудного положения страны является переоценка ценностей, как духовных, так и материальных. В манифесте 1978 г. Партия ценностей объявила своей главной целью в политической и экономической области перестройку новозеландского общества в направлении децентрализации. «Существует единственный путь — путь децентрализации, разделения власти. Специфические области государственной власти, особенно в сфере социальных отношений, а также в таких, как налогообложение и управление экономикой, могут быть отняты у центра (правительство, парламент, центральные ведомства) и переданы региональным советам, местным органам, коммунальным советам, добровольным организациям, отдельным лицам» [46, с. 36].

В области политики Партия ценностей, отмечая отсутствие в Новой Зеландии конституции, считает необходимым принятие специального закона о правах новозеландских граждан. «Если правительство будет злоупотреблять своей властью, народ Новой Зеландии не сможет защитить свои права, поскольку эти права никогда не были облечены в форму закона, тем более что само правительство не останавливается перед нарушением положений, содержащихся во Всемирной декларации о правах человека» [46, с. 29].

В области экономики Партия ценностей, указывая на пере-

живаемые страной трудности в области энергетики, а также на инфляцию, безработицу, сосредоточение богатств в руках немногих («Вы думаете, что доходы и богатства честно распределяются в Новой Зеландии? Нет. Этого никогда не было, и положение все время ухудшается. Незначительный процент населения владеет почти половиной всех богатств страны» [46, с. 16]), провозглашает своими целями создание самообеспечивающейся экономики, преобразование корпораций в кооперативные предприятия, перераспределение богатств и доходов с помощью прогрессивного налогообложения, предоставление всем работы.

Однако Партия ценностей, несмотря на кажущийся радикализм, не подвергает сомнению фундаментальные основы буржуазного общества и, в сущности, ничем не отличается от мелкобуржуазных течений подобного толка, распространенных в капиталистических государствах.

На действительно революционных позициях стоит лишь одна партия — Партия социалистического единства. Партия возникла в октябре 1966 г. Ее создали вышедшие из Коммунистической партии Новой Зеландии коммунисты, протестуя против занятого руководством партии с 60-х годов пропскинского курса. Партия социалистического единства стоит на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В октябре 1976 г., отмечая десятилетие своей деятельности, партия провела IV национальную конференцию в Окленде.

В докладе национального секретаря партии Дж. Джексона подчеркивалось: «Вопрос о том, кому принадлежит главная роль — капиталу или труду, представляет собой сегодня ключевой вопрос социального прогресса. Именно здесь мы видим разницу между капиталистической демократией и демократическими формами, призванными служить правам трудящихся... По мере того как широкие слои трудящихся будут убеждаться в крахе капиталистической системы и начнут понимать, что безработица — это ее неизбежный побочный продукт, будут расти и требования более глубоких изменений, чем те, которые удалось осуществить до сих пор» [8, с. 6].

Определяя главную задачу партии, Дж. Джексон сказал: «Наша стратегическая цель — установление общественного контроля, направленного прежде всего на удовлетворение нужд потребителя, а не на извлечение прибылей капиталом. Именно таким образом могут рабочие добиться установления общественного контроля и в конечном счете общественной собственности на основные и решающе важные средства производства. Установление такого контроля возможно только при активной борьбе самих рабочих за власть и плоды своего труда. Наша концепция объединенного фронта и народного движения — это не тактика, а широкая стратегия завоевания политической власти для того, чтобы изменить социальный базис нашего общества» [8, с. 78].

Глава VIII

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ И НЕОКОЛОНИАЛИЗМ В 50—70-х ГОДАХ XX ВЕКА

Вторая мировая война показала большую стратегическую ценность тихоокеанских островов. В послевоенное время значение этих мелких, разбросанных на бескрайних просторах Великого океана островков еще более возросло. Поэтому и без того глубокий и постоянный интерес к ним Новой Зеландии чрезвычайно вырос.

Как отмечалось выше, новозеландцы еще в разгар войны стремились закрепить за собой «особые права» на тихоокеанские острова, заключив Канберрское соглашение 1944 г. Новая Зеландия проявила большой интерес к решению судьбы колониальных и зависимых территорий, и потому представители новозеландского правительства были особенно активны в период создания Устава ООН и в первые годы работы Организации Объединенных Наций именно в тех комитетах, подкомитетах и комиссиях, которые занимались разработкой правового статуса колоний вообще и особенно в бассейне Тихого океана.

Новозеландские представители на Сан-Францисской конференции 1945 г. приложили немало усилий для того, чтобы вновь выработанная система опеки для отдельных зависимых территорий была бы не менее удобной для колонизаторов, чем мандатная система Лиги наций.

Новозеландское правительство хорошо понимало необходимость изменения форм колониального управления в условиях широкого размаха национально-освободительного движения в послевоенное время. Поэтому оно поспешило заявить о своем согласии передать Западное Самоа в систему опеки ООН. Но это совсем не отвечало намерениям самоанцев, представители которых, имея опыт мандатной системы Лиги наций, выразили резонное опасение, что статус опеки не приблизит их к независимости. Тем не менее Новая Зеландия заключила соглашение об опеке над Западным Самоа. В декабре 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила его.

Необходимо подчеркнуть, что самоанцы в течение всего колониального периода активно боролись за свою свободу. Это почувствовали еще германские колонизаторы в период своего

недолгого правления. В 1908—1909 гг. развернулось движение Мау⁴, которое в дальнейшем не прекращалось, по сути дела, до получения Западным Самоа независимости.

Германские власти, стараясь подавить это движение, перебросили на острова 300 полицейских из своей колонии на Новой Гвинее. 10 лидеров движения Мау вместе с женами и дегьми (всего 72 человека) были депортированы на о-в Сайлан (Марнаиский архипелаг, тоже в то время германская колония) и оставались там до 1914 г.— до захвата острова Японией.

Но «беспорядки» на Западном Самоа продолжались до начала первой мировой войны.

Как указывалось выше, по Версальскому мирному договору Новая Зеландия получила (с 1 мая 1920 г.) мандат на управление Западным Самоа. Мандатная система, как известно, призвана была завуалировать существовавшие ранее откровенные формы колониального управления.

Но самоанцы быстро разобрались в ухищрениях колонизаторов, и движение Мау возобновило свою деятельность.

Во главе движения в тот период стоял Ф. Нельсон. Сын шведа и самоанки, он вступил на политическое поприще в 1910 г., когда вместе с другими участниками движения Мау подписал петицию к германскому императору.

Ф. Нельсон создал первую на Самоа оппозиционную газету — «Самоа гардиан». В июне 1927 г. на Западное Самоа прибыл новозеландский министр по делам Самоа У. Носуорти. Он встретился с руководителями движения Мау, которые требовали отмены всех видов налогов, установленных правительством Новой Зеландии. Требования самоанцев были отвергнуты. Более того, два самоанских вождя, участвовавшие в движении Мау, — Фаумуина Фиаме⁵ и Афама Сага Лаголаго — были высланы на островок Аполима, где находились несколько месяцев, пока движение сопротивления колониальным властям не приобрело столь широкий размах, что заставило новозеландцев вернуть их в родные места.

Разбором самоанских дел на протяжении 1927 г. занимались сначала специальный комитет новозеландского парламента, а затем британская королевская комиссия. Они полностью поддержали действия новозеландских колониальных властей. Это еще более укрепило новозеландское правительство в намерении силой подавить сопротивление самоанского народа. В конце 1927 г. Ф. Нельсон и ряд его последователей были арестованы и высланы из Самоа, газета «Самоа гардиан» была закрыта.

---

⁴ Самоанское слово «мау» имеет несколько значений: «твердость», «объединение», «постоянство».

⁵ Фаумуина Фиаме являлся президентом Мау. Он был отцом Фиаме Матаафа — первого премьер-министра независимого государства Западное Самоа.

Видя, что эти меры не только не помогли ликвидировать движение Мау, но даже не уменьшили его масштабов, новозеландское правительство послало на Западное Самоа в феврале 1928 г. два крейсера, а затем специальный полицейский отряд. Но и это не подействовало. Движение ширилось, и теперь уже многие тысячи самоанцев принимали в нем самое активное участие.

В мае 1933 г. Ф. Нельсон возвратился на Западное Самоа и возглавил движение. В начале марта 1934 г. полиция произвела обыск в его доме. Изъятые при обыске документы позволили властям начать судебный процесс против Ф. Нельсона, приговорить его к тюремному заключению и на многие годы выслать с Самоа. Репрессии властей и на этот раз не устроили самоанцев. Движение Мау продолжало наращивать силы. Центр движения находился в Ванмосо, в окрестностях Апна, на здании штаб-квартиры висела сохранившаяся до сих пор доска с надписью: «Мау для Самоа. Самоа для самоанцев».

Пришедшее в конце 1935 г. к власти в Новой Зеландии лейбористское правительство во главе с М. Сэведжем пошло на некоторые уступки самоанцам. Движение Мау было легализовано. Лидеры движения, в том числе Ф. Нельсон, возвращены на родину. Но и это «рабочее» правительство Новой Зеландии не выказало даже малейших колебаний относительно сохранения, по существу, колониального статуса Западного Самоа.

После второй мировой войны борьба самоанцев за независимость приобрела еще больший размах.

Самоанцы обратились в ООН с петицией о предоставлении им независимости. Это была одна из первых петиций, полученных Советом по опеке. На своей первой сессии (март — апрель 1947 г.) Совет вынес решение послать выездную миссию на Западное Самоа для расследования обстоятельств, изложенных в петиции, подписанной влиятельными представителями коренного населения территории. Эту выездную миссию возглавил председатель Совета по опеке.

Несмотря на явное сочувствие к управляющей власти и заключение о невозможности предоставления территории независимости, миссия в своем докладе от 12 сентября 1947 г., оценивая политическое, экономическое и социальное развитие Западного Самоа, отмечала, что политическая организация и социальная структура территории достигли такого уровня, что могут послужить основой для создания прогрессивно развивающегося самоуправления. По докладу выездной миссии Совет по опеке высказал рекомендации управляющей власти о необходимости ускорения политического развития территории.

Но новозеландские власти не спешили заниматься развитием самоуправления на Западном Самоа.

В акте 1947 г. об изменении статуса Западного Самоа говорилось, что управление территорией будет осуществляться управ-

ляющим (позднее он стал называться верховным комиссаром). Учреждались Государственный совет, Законодательное собрание, а впоследствии еще и Исполнительный совет. Но все эти органы имели весьма ограниченную компетенцию и представительство. Законодательное собрание, например, состояло из 5 представителей от европейской части населения, 6 новозеландских должностных лиц и 11 представителей коренного населения.

Таким образом, 70 тыс. коренных жителей и 300 европейцев (по данным на 1949 г.) имели одинаковое число представителей.

Под нажимом коренных жителей Западного Самоа новозеландским властям пришлось ускорить темпы политического развития территорий. В 1954 г. было создано Законодательное собрание, которое приняло ряд резолюций, определивших дальнейшее движение Западного Самоа к самоуправлению. Но осуществление этих резолюций началось лишь в 1957 г. Представительство коренного населения в Законодательном собрании было расширено: теперь в него входили 21 самоанец, 5 европейцев и 2 новозеландских должностных лица — генеральный прокурор и управляющий финансами. Деятельность верховного комиссара «контролировалась» Исполнительным советом.

Формально все это свидетельствовало о заметном расширении политических прав коренного населения, но фактически все оставалось по-старому. Во-первых, избирательными правами пользовалось ограниченное число коренного населения, так как в избирательные списки по 41 избирательному округу вносились лица, значившиеся в регистре как матан (глава большой семьи), а таких в 1957 г. насчитывалось по одному на каждые семь взрослых самоанцев. Только матан имели право выбирать и быть избранными. Заметим в этой связи, что все лица с европейским статусом обладали активным и пассивным избирательным правом при единственном условии — если они жили на Западном Самоа по крайней мере в течение одного года.

Во-вторых, права Законодательного собрания по-прежнему были весьма ограничены. Оно не могло издавать законы, касающиеся обороны, внешних сношений, коронных земель, законы, противоречащие основным положениям закона 1921 г. о конституции Самоа, а также поправкам к этому закону и правилам относительно назначения фаутуа (местного верховного вождя) и избрания членов самого Законодательного собрания.

В-третьих, о том, какой «контроль» за деятельностью верховного комиссара мог осуществлять Исполнительный совет, говорил его состав: верховный комиссар, два фаутуа, семь министров, генеральный прокурор и управляющий финансами территории. Все члены Исполнительного совета, кроме двух фаутуа, назначались на должность верховным комиссаром.

На серьезные уступки в области расширения политических

прав коренного населения управляющая власть пошла лишь в 1959 г. Из состава Законодательного собрания были выведены генеральный прокурор и управляющий финансами. Был образован кабинет министров, во главе которого 1 октября 1959 г. встал Фиаме Матаафа, первый в истории Западного Самоа премьер-министр. В кабинет министров входило девять человек, в том числе обязательно один европеец. Предусматривалось, что Исполнительный совет должен состоять из членов кабинета министров и Государственного совета. В состав Государственного совета входили верховный комиссар и два фаутуа. Председателем совета являлся верховный комиссар. Решения принимались большинством голосов.

В 1960 г. было создано Конституционное собрание, которое 28 октября 1960 г. утвердило проект конституции Западного Самоа. По рекомендации Совета по опеке проект конституции был вынесен на всенародное обсуждение. Референдум состоялся 9 мая 1961 г. Перед голосовавшими ставились два вопроса: 1) согласны ли они с конституцией, одобренной Конституционным собранием; 2) согласны ли они с тем, чтобы Западное Самоа стало независимым государством с 1 января 1962 г. В голосовании участвовало 86,1% избирателей, из них на первый вопрос ответили положительно 83%, а на второй — 79% [43, с. 37].

Новая Зеландия, вынужденная снять опеку над Западным Самоа, отнюдь не собиралась отказаться от фактического господства над территорией. Именно поэтому она предложила заключить с Западным Самоа договор о дружбе до того, как режим опеки прекратится.

Предложение Новой Зеландии встретило резкие возражения со стороны представителя СССР в Совете по опеке. «Управляющая власть, — заявил он, — должна понять, что в 1961 г. Западное Самоа получит полную независимость». Он указал, что нельзя навязывать Западному Самоа проектируемый договор о дружбе, так как это несовместимо с Уставом ООН и ограничит независимость территории еще до того, как она будет провозглашена [43, с. 138].

Новая Зеландия имела в своих руках и экономические средства воздействия на Западное Самоа. Дело в том, что за годы своего господства на подопечной территории новозеландские власти развивали ее экономику лишь в том направлении, которое было выгодно им. Промышленности в современном понимании этого слова в стране не существовало. Народное хозяйство носило исключительно сельскохозяйственный характер и основывалось на производстве трех главных продуктов: бобов какао, бананов и копры, составлявших основные статьи экспорта. Так, в 1958 г. экспорт бобов какао составил (по стоимости) 43% всего экспорта, бананов — 35, копры — 22% [5, с. 125].

Производимые продукты вывозились в основном в Новую

Экспортная выручка территории за свои главные товары в 1958—1960 гг. *,
тыс. ф. ст.

Товар	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Бананы	1007,2	904,3	647,5
Бобы какао	1247,3	996,7	719,8
Копра	618,6	1357,8	989,6

* «Round Table», октябрь, 1961.

Зеландию (бананы, например, вывозились только в Новую Зеландию).

В результате одиобочного развития экономики страна находилась в прямой зависимости от политики Новой Зеландии, от цен на мировом рынке (табл. 7).

Эксперты, посещавшие по поручению ООН Западное Самоа, подчеркивали необходимость такого развития экономики территории, при котором она не зависела бы от случайностей рынка. Они имели в виду создание новых отраслей промышленности, реконструкцию сельского хозяйства на основе современных методов восстановления плодородия почвы, так как 20% обрабатываемой площади истощено. Интересно в связи с этим отметить, что на Западном Самоа имеется такое количество необработанной земли, которое достаточно для беспрепятственного развития сельского хозяйства страны в течение 30 лет [5, с. 125].

На основании данных, представленных экспертами, Совет по опеке указал управляющей власти на необходимость экономического развития Западного Самоа, но это не возымело действия.

Новозеландские власти не выполняли своих обязательств и в области образования, здравоохранения, создания кадров специалистов на подопечной территории. Так, в докладе за 1959 г. Совет по опеке указывал, что треть детей в возрасте от 6 до 14 лет не посещает школы, что количество начальных правительственных школ и учителей уменьшилось в сравнении с предыдущим годом, что значительная часть учащихся посещает миссионерские школы, которые не контролируются правительством и где больше половины учителей не имеет необходимой квалификации [5, с. 135]. В 1957 г. было 107 сельских школ, а в 1958 г. — 97. В 1956 г. в начальных школах училось 19 026 человек, а в 1959 г. — 16 093. В 1959 г. в средних школах училось всего 300 человек [5, с. 132]. Расходы на образование из года в год сокращались: в 1957 г. они составляли 251 тыс. ф. ст., в 1958 г. — 222,8 тыс. [5, с. 132]. Расходы на здравоохранение также уменьшались из года в год. В 1956 г. было затрачено

230 тыс. ф. ст., в 1957 г. — 215 тыс., в 1958 г. — 191 тыс. ф. ст. В 1958 г. квалифицированный медицинский персонал территории состоял кроме директора департамента здравоохранения из хирурга и двух находившихся на государственной службе врачей. В течение года всего один уроженец Западного Самоа получил медицинское образование в Новой Зеландии и был назначен врачом. Число обученных на месте сестер, сиделок и лаборантов-самоанцев в сравнении с 1957 г. сократилось соответственно с 94 до 68, с 25 до 18 и с 8 до 6 [5, с. 132].

1 января 1962 г. Западное Самоа стало независимым государством. Но десятилетия новозеландской опеки оставили тяжелые последствия в политической, экономической и культурной жизни нового государства.

Вопреки решениям Организации Объединенных Наций Новая Зеландия все-таки навязала Западному Самоа договор.

В договоре указывалось, что связи Западного Самоа с другими государствами будут осуществляться через Новую Зеландию и что последняя будет представлять Западное Самоа на международных конференциях, информировать самоанское правительство о международных делах, обеспечивать дипломатическую защиту западносамоанских граждан за границей и осуществлять в отношении их консульские функции.

Самоанскому народу предстояла еще сложная борьба за осуществление подлинной, а не формальной независимости.

В середине 60-х годов новозеландское правительство было вынуждено предоставить самоуправление о-вам Кука⁶.

Правда, по акту об управлении о-вами Кука, принятому новозеландским парламентом в 1946 г., предусматривалось создание Законодательного совета, но этот орган не имел в действительности какой-либо законодательной власти.

Законодательный совет состоял из десяти неофициальных членов, избравшихся островными советами (три коренных жителя и один европеец — от Раротонги, по одному коренному жителю — от о-вов Аитутаки, Мангана, Пенрин, Маннихики, Атиу и Мауке), и десяти официальных членов, а именно: резидент-комиссара (председатель совета), директоров департаментов (образования, сельского хозяйства, здравоохранения, финансов) и резидентов-агентов на указанных выше шести островах. Все официальные члены были новозеландцами.

По акту 1957 г., принятому новозеландским парламентом, Законодательный совет был преобразован в Законодательное собрание. Внешне этот орган выглядел более демократично. Основным его состав — 22 члена — избирался жителями о-вов Кука. Четыре члена назначались резидентом-комиссаром, он же являлся председателем собрания.

---

⁶ См. подробнее: К. В. Малаховский. История островов Кука. М., 1978.

Но функции Законодательного собрания не были расширены, и это учреждение в той же мере, что и Законодательный совет, было лишь декорумом, скрывающим фактически неограниченную власть резидента-комиссара.

Управление на отдельных островах было организовано следующим образом. Глава администрации — резидент-агент. При нем аппарат управления, состоявший из полицейских, служащих, медицинских работников и др., а также совет острова. Последний состоял из представителей всех деревень острова, избравшихся открытым голосованием жителями, достигшими 18 лет. Председательствовал на заседании совета резидент-агент.

Все сколько-нибудь заметные административные должности на о-вах Кука занимали европейцы. «Острова Кука управлялись европейцами, — пишет Э. Биглхол, — островитяне же выполняли только самые незначительные обязанности» [65, с. 207].

Экономическая жизнь о-вов Кука менялась еще медленнее, чем политическая.

С появлением европейских колонистов были организованы небольшие плантации цитрусовых и бананов, объем продукции которых все время увеличивался, достигнув своего зенита в середине 20-х годов нынешнего столетия, когда вывозилось до 180 тыс. ящиков апельсинов и десятки тысяч ящиков бананов.

В дальнейшем же вследствие игнорирования колониальной администрацией нужд сельского хозяйства произошел его значительный спад. Если в 1930 г. стоимость экспорта составляла 109,5 тыс. ф. ст., то в 1939 г. — 56,7 тыс. ф. ст. В 1935 г. с о-вов Кука было вывезено 48,3 тыс. ящиков цитрусовых, 22,5 тыс. ящиков бананов, 1,4 тыс. т копры, а в 1955 г. эти цифры соответственно составили: 39,5 тыс. ящиков, 0,9 тыс. ящиков, 1,1 тыс. т [42, с. 142].

Рассматривая состояние сельскохозяйственного производства на о-вах Кука, новозеландский ученый К. Кемберленд пишет: «Большинство европейских плантаций перестали производить продукцию. И даже высокие послевоенные цены не смогли внести оживления. Из-за нехватки транспортных средств тысячи ящиков фруктов и овощей остались гнить. В последние годы главными статьями экспорта стали копра с Северных островов и жемчужные раковины, добываемые в лагунах коралловых рифов.

В течение многих лет продовольственные культуры, особенно на Раротонге, возделывались кое-как, большинство же плодородных земель сейчас представляют собой унылое зрелище обширных зарослей сорняков. Террасное земледелие и ирригационные сооружения преданы забвению. Панданус полностью исчез, уничтоженный вредителями. Многие жители Раротонги вернулись к традиционному типу жилищ с крышей из пальмовых листьев: стали использовать листья кокосовых пальм. Это

привело к уничтожению их кроны. Утрата пальмам листьев, ущерб, причиняемый грызунами зеленым кокосовым орехам, нехватка новых насаждений — все это привело к тому, что даже местные потребности в кокосовых орехах не удовлетворяются. За исключением Антутани, копра больше не экспортируется из Южной группы островов. Батат и хлебное дерево встречаются теперь крайне редко. Плодородная земля защищенных от ветра долин, где раньше выращивались бананы, лежит не использованной уже много лет, представляя собой сплошные заросли кустарников. Предав забвению свои сады, жители о-вов Кука стали искать заработки на стороне. Многие отправились в Аварау, причем не только жители деревень Раротонги, но и других островов. Одни находят работу на пристанях, другие — на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, третьи — на недавно организованных небольших мануфактурах, где производятся кожаные туфли и вязаные изделия для новозеландского рынка. Свыше 2000 островитян отправились в Окленд, где нашли работу на быстро растущих промышленных предприятиях. Более того, из-за забвения местных традиционных продовольственных культур (батата, произрастающего на коралловых песчаных почвах, таро — на осушенных землях болот, кокосовых орехов — вокруг прибрежных рифов островов, бананов и хлебного дерева), а также вследствие сокращения экспортной торговли пострадали не только жилища, но и здоровье аборигенов» [42, с. 267—268]. Положение в сельском хозяйстве не изменилось и в середине 60-х годов. Так, в 1967 г. с о-вов Кука было вывезено лишь 61,3 тыс. ящиков цитрусовых, 32,7 тыс. ящиков помидоров, 1,1 тыс. т копры [42, с. 142].

Что касается животноводства, то оно здесь не прижилось. В справочнике о тихоокеанских островах за 1972 г. по этому поводу говорилось: «Департамент сельского хозяйства не имеет отдела животноводства. Небольшое количество скота разводится на мясо в частных хозяйствах на Раротонге, но практически все мясо импортируется. Молока для местного потребления нет» [42, с. 144].

Промышленность на о-вах Кука почти отсутствует и по сей день. В начале 60-х годов появились здесь лишь небольшие швейные предприятия да завод фруктовых соков.

Очень медленно развивался на о-вах Кука и транспорт. Межостровная связь в 50-х годах осуществлялась с помощью одного-двух небольших торговых судов, которые одновременно перевозили пассажиров и совершали торговые операции: куплю-продажу копры и раковин.

В конце 50-х годов власти начали использовать для торгово-пассажирских перевозок кечи (небольшие двухмачтовые корабли), посещавшие острова не чаще одного-трех раз в году. В период штормов, с декабря по март, связь с островами вообще прерывалась.

Между о-вами Кука и Новой Зеландией почти до конца 50-х годов курсировало небольшое судно «Мауи Помаре». Оно было настолько маломощно, что могло перевозить либо грузы, либо пассажиров.

Острова Кука время от времени посещали корабли, осуществлявшие морские перевозки между западными портами Северной Америки и Новой Зеландией. Они заходили на острова, лишь когда были недостаточно загружены.

Остановимся на демографических изменениях на о-вах Кука. С начала XX в. наблюдается заметное увеличение населения островов. В 1902 г. оно составляло 8,2 тыс., в 1936 г. — 12,2 тыс., в 1951 г. — 15,1 тыс., в 1961 г. — 18,1 тыс., в 1976 г. — 19 тыс. человек. Наиболее населенным островом оставалась Раротонга [132, т. 30, 1974, с. 80].

Демографическую ситуацию на о-вах Кука к середине 60-х годов хорошо проиллюстрировали данные переписи 1966 г. Перепись показала значительное снижение ежегодного общего прироста населения архипелага в первой половине 60-х годов (4,7%) в сравнении со второй половиной 50-х (10,2%). Произошло весьма значительное снижение населения Северной группы островов. В период 1961—1966 гг. оно снизилось с 2867 до 2389 человек, или на 16,12%. Население Южной группы, за исключением Раротонги, увеличилось незначительно: с 6835 до 6887 человек, или на 0,76%, а население Раротонги возросло на 14,93% [132, т. 28, 1972, с. 51, 53].

На отдельных островах архипелага уменьшение численности населения было катастрофическим. Так, на Манихики оно упало с 1006 до 589 человек, или на 41,95% [132, т. 28, 1972, с. 51, 53].

Для первой половины 60-х годов характерно значительное снижение числа мужчин на о-вах Кука в возрасте от 15 до 59 лет. Если в предшествующие десять лет процент этой категории оставался практически неизменным, то в период 1961—1966 гг. он снизился на 6,34. Особенно упало число населения на островах Северной группы — почти на одну треть. Численность же мужчин в возрасте от 29 до 39 лет там же сократилась более чем на 60%. В то же время процент лиц в возрасте более 60 лет на островах Северной группы вырос до 8. В Южной же группе он составил 4,8, а на Раротонге — 4,5.

Резкое изменение в количественном и качественном составе населения объяснялось прежде всего тем, что, как указывалось выше, с начала 60-х годов на архипелаге стали создаваться небольшие промышленные предприятия, и почти исключительно на Раротонге, отсюда и односторонняя внутриостровная миграция населения. В этот же период некоторое развитие получило производство цитрусовых и овощей, и опять-таки именно на Раротонге и других островах Южной группы.

В 1966 г. на о-вах Кука в основных отраслях производства

Виды жилищ на островах Кука *,
%

Вид жилища	Северная группа островов	Южная группа островов	Раротонга	Всего
С электричеством	1,1	8,3	45,1	25,0
С радио	29,4	39,4	70,4	52,7
С туалетами	37,7	89,3	72,5	73,6
Те, в которых пища готовится прямо на огне	33,3	33,4	21,1	27,8
С внутренним или наружным водопроводом	4,4	2,8	83,2	41,1
С ванной или душем	5,8	3,7	37,1	20,1

* New Zealand Geographer, т. 28, 1972, с. 61.

был занят 5561 человек, из них на Раротонге — 3309 человек. Сельским хозяйством на архипелаге занималось 2062 человека, в том числе на Раротонге — 668, на других островах Южной группы — 804, на Северной группе островов — 590 человек. В индустриальной сфере работало 1407 человек, в том числе на Раротонге — 1186, на других островах Южной группы — 201, на Северной группе островов — 20 человек. Все предприятия, на которых использовались машины, находились на Раротонге. Всего там трудилось 547 человек, в том числе 118 — на заводе фруктовых соков и 188 — в швейных мастерских. Все работники транспорта, 182 человека, находились на Раротонге. Там же работала основная масса служащих учреждений: 246 из 286, а также школьных учителей и медиков — соответственно 205 из 386 (на островах Северной группы — лишь 42) и 111 из 177 (на островах Северной группы — лишь 16) [132, т. 28, 1972, с. 61].

За 1961—1966 гг. произошли существенные изменения в структуре занятости населения о-вов Кука. Это проявилось прежде всего в том, что число работающих в сельском хозяйстве резко снизилось, в то время как число работающих в промышленности, на транспорте и в административном аппарате значительно увеличилось. Если в сельском хозяйстве в 1961 г. работало мужчин старше 15 лет 3362, то в 1966 г. — 1766, в промышленности, на транспорте и в администрации — соответственно 148 и 573; 187 и 458; 617 и 764.

Наблюдалась огромная разница в социально-экономических условиях жизни коренного населения на Раротонге и других островах Южной группы и островах Северной группы.

Но и на Раротонге существуют резкие контрасты между уровнем жизни местных жителей и переселившихся с других островов архипелага. Последние селятся главным образом в де-

ревнях вдоль прибрежной дороги в районе Аварау. Данные переписи 1966 г. показали, что там жила почти половина населения Раротонги. Около 41% населения Аварау — пришельцы с других о-вов Кука. В отдельных деревнях пришлое население достигает 75%.

Деревни этого района отличаются чрезвычайной перенаселенностью, антисанитарными условиями жизни. В большинстве жилищ нет ни электричества, ни воды, отсутствуют кухни и туалеты. Таблица 8 даст представление о жилом фонде различных островов.

Застой в экономическом развитии о-вов Кука привел к росту безработицы.

По данным переписи 1966 г., безработных насчитывалось 566. При этом надо учесть, что в первой половине 60-х годов значительно выросла эмиграция коренного населения за границу, в основном в Новую Зеландию. Если в 1956—1961 гг. архипелаг покинуло 3333 человека, то в 1961—1966 гг. — 5133 (80% из них эмигрировало в Новую Зеландию). Число уехавших в 1961—1966 гг. превысило число прехавших на 3 тыс. человек, тогда как в 1956—1961 гг. эта разница составила 1812 человек [132, т. 28, 1972, с. 57—58].

Критика новозеландской политики в отношении зависимых территорий, постоянно раздававшаяся в ООН и ее специализированных органах, заставила Новую Зеландию с начала 60-х годов проводить более гибкую политику в отношении о-вов.

В 1962 г. было создано некое подобие правительства островов в виде Исполнительного совета, избираемого Законодательным собранием. В функции совета входила подготовка предложений для рассмотрения их в Законодательном собрании. В совете, так же как и в собрании, всеми делами заправляли высшие чины новозеландской колониальной администрации. Его председателем являлся резидент-комиссар.

На пятой сессии Законодательного собрания в июле 1962 г. был наконец рассмотрен вопрос о политическом будущем о-вов Кука. Изучались три возможности: получение независимости, интеграция с Новой Зеландией, создание Полинезийской федерации. Все они были отвергнуты. Зная состав собрания и общую обстановку на территории, это можно было легко предвидеть.

После того как при содействии новозеландской же администрации вопрос о будущем политическом статусе островов оказался неразрешенным, правительство Новой Зеландии проявило «благородство» и послало на о-ва Кука «миссию экспертов по конституционным вопросам», чтобы помочь «неопытным» островитянам решить свою судьбу.

В ноябре 1963 г. миссия представила свои соображения Законодательному собранию, которое их одобрило, а правительство Новой Зеландии утвердило и передало на рассмотрение парламента проект Конституционного акта о-вов Кука.

Новозеландский парламент в ноябре 1964 г. принял этот акт. В нем объявлялось, что о-ва Кука переходят на самоуправление. Британская королева, являющаяся также королевой Новой Зеландии, «становится главой государства островов Кука» [9, с. 16]. На островах «ее, как и правительство Новой Зеландии, будет представлять верховный комиссар» [9, с. 17].

Создавались следующие высшие исполнительные и законодательные органы о-вов Кука: палата верховных вождей (арипи), Законодательная ассамблея, кабинет министров и исполнительный совет. В состав палаты верховных вождей входили по одному представителю от Антутак и Мануаэ, от Атиу, от Мангана, от Манихики и Раротонги (но предусматривалась возможность иметь представителей от каждого острова), от Нассау и Пукапука и по одному от о-вов Мауке, Митнаро и Пенрин. Все члены палаты назначались верховным комиссаром. К компетенции палаты было отнесено обсуждение «мероприятий, направленных на обеспечение благополучия народа островов Кука, с тем чтобы в дальнейшем представить их на рассмотрение Законодательной ассамблеи, а также высказать ей свое мнение и рекомендации по этому вопросу» [9, с. 19]. Палата должна собираться резидентом-комиссаром не менее раза в год [9, с. 20].

Законодательная ассамблея о-вов Кука состоит из 22 членов, избираемых на три года тайным голосованием в следующем соотношении: от Антутак и Мануаэ — три, от Мангана и Атиу — по два, от Манихики, Мауке, Митнаро, Пенрина — по одному, от Раротонги и Палмерстона — девять, от Пукапуки и Нассау — один, от Ракаханги — один. Все акты, принятые Законодательной ассамблеей, должны быть утверждены верховным комиссаром. Состав Высшего суда о-вов Кука также назначается верховным комиссаром.

Кабинет министров состоит из премьер-министра и трех-пяти министров. Весь состав кабинета назначался верховным комиссаром из числа членов Законодательной ассамблеи. Все решения кабинета записываются в протокол, который в течение 48 часов должен передаваться на утверждение верховного комиссара.

Исполнительный совет состоит из верховного комиссара (председатель) и членов кабинета министров. Совет созывается верховным комиссаром для рассмотрения протоколов заседаний кабинета министров.

Протоколы утверждаются только в том случае, если у верховного комиссара не возникает возражений против какого-либо решения, записанного в нем. В противном случае протокол возвращается кабинету на пересмотр [9, с. 24—25].

Даже беглый взгляд на новую конституцию показывает, что, несмотря на известное расширение представительства коренных жителей в исполнительных и законодательных органах, Новая

Зеландия продолжала фактически держать в своих руках управление о-вами Кука.

Когда вопрос об о-вах Кука рассматривался в ООН, представители СССР и Польши отметили, что проводимые новозеландскими властями меры не обеспечивают действительного самоуправления островов. Специальный комитет ООН по проверке выполнения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам подтвердил право народа о-вов Кука, несмотря на малочисленность и экономическую отсталость, на независимость и призвал к проведению срочных мер экономической помощи.

Тем не менее XIX сессия Генеральной Ассамблеи одобрила действия Новой Зеландии и выделила группу своих наблюдателей за проведением выборов в Законодательную ассамблею о-вов Кука.

Советская делегация выступила против этого решения. «Вопрос о будущем статусе островов Кука,— сказал представитель Советского Союза,— относится к числу таких принципиальных вопросов, решения по которым должны приниматься в результате тщательного обсуждения положения на островах в Генеральной Ассамблее с участием представителей коренного населения и разработки таких условий, которые обеспечивали бы действительное волеизъявление населения островов Кука. Поэтому было бы неправильно автоматически принимать решение о посылке наблюдателей ООН на острова Кука без тщательного обсуждения этого вопроса на Генеральной Ассамблее. Подобный подход,— предупреждал советский представитель,— может создать недопустимый для решения колониальных вопросов прецедент».

В начале апреля 1965 г. миссия ООН прибыла на о-ва Кука, а 20 апреля состоялись выборы в Законодательную ассамблею.

Впервые в истории о-вов Кука в выборах участвовали местные политические партии. Они были созданы незадолго до выборов. Первой возникла Партия островов Кука (июнь 1964 г.), второй — Лейбористская партия (ноябрь 1964 г.), третьей — Объединенная партия (март 1965 г.). Более или менее определенной была политическая линия Партии островов Кука. Ее руководитель Альберт Генри откровенно выступил за сохранение тесных уз с Новой Зеландией. Политика остальных партий практически была примерно такой же, но лидеры их выражались менее определенно.

А. Генри наиболее энергично провел предвыборную кампанию. Кандидаты его партии были выдвинуты во всех избирательных округах, за них велась интенсивная агитация. Результаты не замедлили сказаться. Партия островов Кука получила 14 из 22 мест в Законодательной ассамблее. Но ее глава остался вне стен собрания, ибо избирательный закон предусматривал обязательное постоянное проживание на островах в течение не

менее трех лет. Альберт Генри хотя и родился на о-вах Кука, но большую часть жизни провел в Новой Зеландии. Лишь в конце 1964 г. он переехал на острова.

Еще в период избирательной кампании члены Партии островов Кука заявляли, что в случае победы на выборах они немедленно потребуют отмены этого ценза оседлости. И действительно, когда 10 мая 1965 г. открылась первая сессия Законодательной ассамблеи, представители партии внесли поправку к закону о конституции, предусматривавшую снижение ценза оседлости до трех месяцев. Новозеландское правительство приняло эту поправку. На дополнительных выборах лидер Партии островов Кука А. Генри был избран в члены Законодательной ассамблеи.

Ассамблея вновь собралась 26 июля 1965 г. и одобрила закон о конституции островов, предусматривающий предоставление самоуправления с сохранением объединения островов с Новой Зеландией. Официально закон вошел в силу 4 августа 1965 г. Был сформирован кабинет министров во главе с А. Генри, который одновременно выполнял функции министров иностранных дел, торговли, финансов, судоходства, экономического развития, труда, туризма, иммиграции и эмиграции.

Сестра А. Генри Маргарет Стори была назначена новозеландским верховным комиссаром спикером Законодательной ассамблеи. Она не была депутатом, но это не смутило верховного комиссара: он просто одновременно назначил ее депутатом.

Официальная церемония провозглашения самоуправления о-вов Кука состоялась 10 сентября 1965 г. и была обставлена очень пышно. На острова прибыли генерал-губернатор Новой Зеландии Б. Фергюссон, новозеландский премьер-министр К. Холиок. Последний произнес речь, в которой, между прочим, сообщал, что Новая Зеландия презентует о-вам Кука кресло для спикера и стол для Законодательной ассамблеи, а также два кресла тикового дерева для высокопоставленных гостей ассамблеи.

Вскоре после этого А. Генри вылетел в Нью-Йорк с докладом в Специальный комитет ООН по проверке выполнения Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Положение на о-вах Кука обсуждалось на XX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре — декабре 1965 г. Колониальные державы и блокирующие с ними страны «курили фиш» колониальной политике Новой Зеландии. В проект резолюции по этому вопросу были включены самые лестные оценки деятельности новозеландского правительства на управляемых территориях. В одном из пунктов было записано, что поскольку о-ва Кука достигли полного внутреннего самоуправления, то в дальнейшем нет необходимости передавать информацию о них в ООН.

Советская делегация резко возражала против этого пункта

резолюции, доказывая, что острова Кука не получили реальной независимости и они должны находиться под постоянным наблюдением Организации Объединенных Наций. Позиция советской делегации была поддержана представителями социалистических стран и ряда афро-азиатских государств.

При голосовании 6 декабря 1965 г. проект резолюции об островах Кука был принят большинством голосов. Поскольку в пункте пятом резолюции говорилось о том, что Генеральная Ассамблея подтверждает, что на ООН лежит ответственность за оказание в будущем содействия населению о-вов Кука в достижении ими полной независимости, если они того пожелают, советская делегация сочла возможным не голосовать против резолюции, а воздержаться от голосования.

В мае 1968 г. состоялись новые выборы в Законодательную ассамблею, на которых опять победила Партия островов Кука, получив 16 мест из 22. Шесть мест досталось оппозиционной Объединенной партии островов Кука. Партия А. Генри собрала на двух самых населенных островах подавляющее большинство голосов: на Раротонге — 70% и на Аитутаки — 85%. В целом по стране она получила 65% голосов избирателей [134, июнь, 1968, с. 24].

За полгода до третьих выборов в Законодательное собрание, в декабре 1971 г., на о-вах Кука Томом Дэвисом, врачом из Раротонги, была создана новая политическая организация — Демократическая партия, ставшая в оппозицию к Партии островов Кука.

На выборах в Законодательную ассамблею в апреле 1972 г. Партия островов Кука опять победила, но уже с несколько меньшим перевесом. Она получила 15 мандатов, 7 — оказались у Демократической партии. Оппозиционной партии удалось провести своего члена в Законодательную ассамблею от одного из округов на Раротонге. Им стал лидер партии Т. Дэвис. В целом по стране Партия островов Кука собрала значительно меньше голосов, чем на предыдущих выборах: менее 54,5% [134, май, 1972, с. 22]. Это объяснялось известным разочарованием населения политикой, проводимой А. Генри.

А. Генри в период предвыборной кампании повторял буквально все, что говорил и в 1965 и в 1968 г.: обещал улучшить экономическое, социальное и культурное положение страны. А оно оставалось прежним.

В декабре 1975 г. по настоянию А. Генри были проведены внеочередные выборы. Глава Партии островов Кука хотел добиться увеличения числа мест в Законодательной ассамблее. Но выборы показали дальнейшее сокращение голосов. Партия островов Кука получила лишь 51% голосов избирателей.

30 марта 1978 г. состоялись новые выборы. Партия островов Кука победила, но Демократическая партия опротестовала результаты выборов, ссылаясь на допущенные при их проведении

нарушения. По решению Верховного суда о-вов Кука результаты выборов были аннулированы. Правительство А. Генри было вынуждено уйти в отставку. К власти в стране пришло правительство, возглавляемое лидером Демократической партии Т. Дэвисом.

В течение десятилетия, последовавшего за предоставлением самоуправления, экономика о-вов Кука фактически не изменилась. Наблюдается систематический рост цен. Так, овощи и фрукты подорожали в 1967—1970 гг. на 30%. Значительная часть населения не имеет возможности покупать овощи и фрукты, т. е. основные продукты питания. Обследования, проведенные в 1970 г. на о-вах Кука, показали, что до 80% детей дошкольного возраста недоедают. В последние годы существенно сократились площади, на которых возделывались основные сельскохозяйственные культуры [134, июль, 1970, с. 72]. Естественно, что стоимость импорта продуктов питания все время растет. Если в 1968 г. их было куплено на 0,9 млн. долл., то в 1970 г. — на 1,4 млн. долл. Экономическая жизнь островов зависит от новозеландских субсидий, которые покрывают около 70% бюджетных расходов островов [135, май, 1970, с. 101]. При этом размер субсидий постоянно растет. Если в 1964/65 г. он равнялся 1,6 млн. долл., то в 1970/71 г. — около 3 млн. долл. [36, с. 948]. Внешняя торговля островов находится полностью в руках Новой Зеландии. На нее приходится почти 100% экспорта островов и 75% импорта. В 1970 г. из общей суммы экспорта в 2,7 млн. долл. на Новую Зеландию приходилось 2,6 млн. долл., а из импорта в 3,8 млн. долл. — 3,4 млн. долл.

Планы дальнейшего экономического развития о-вов Кука связываются с аэропортом на Раротонге, вступившим в строй в 1973 г., и с развитием турнизма. Полагают, что с созданием аэропорта для приема реактивных самолетов число туристов на островах значительно возрастет.

Работы по строительству аэропорта велись с июня 1970 г. И здесь все находилось в руках новозеландцев. В качестве компенсации за постройку аэропорта Новая Зеландия получила право абсолютного контроля над воздушным транспортом островов на 21 год.

Внутриостровные миграционные процессы шли по тем же направлениям, что и в первой половине 60-х годов. Население Северной группы островов продолжало уменьшаться. За период 1966—1971 гг. оно снизилось по всей группе почти на 1,5%, а на Манихки, например, — на 22,6%. Население же Южной группы островов, особенно Раротонги, увеличивалось. За то же время по всей группе оно возросло на 8,7%, а на Раротонге — на 14,2% [132, т. 30, 1974, с. 82]. В целом же население о-вов Кука в 1966—1971 гг. увеличивалось значительно быстрее, чем в предшествующее пятилетие. Ежегодный прирост его составил 10,7%. В 1971 г. острова населяло 21,3 тыс. человек. Население

Раротонги составило 11,4 тыс. человек, или 53,4% всего населения страны [132, т. 30, 1974, с. 79, 80, 82].

Продолжала расти эмиграция с о-вов Кука. Превышение числа выезжающих из страны над числом приезжающих с каждым годом увеличивалось. Если в 1961 г. разница составляла 382 человека, а в 1966 г.— 550, то в 1973 г.— 684 человека [132, т. 30, 1974, с. 78]. Соответственно увеличивалась численность коренных жителей о-вов Кука, работающих в Новой Зеландии. Если в 1961 г. она составила 4,5 тыс., а в 1966 г.— 8,7 тыс., то в 1971 г.— 11,5 тыс. человек. Эмиграция вела к постепенному снижению числа молодежи. В 1966—1971 гг. процент мужчин в возрасте от 15 до 34 лет ко всему населению островов уменьшился с 13,6 до 13,5, а на островах Северной группы — с 9,8 до 9,3. Лишь на Раротонге наблюдалось некоторое его увеличение — с 15 до 16,3 [132, т. 30, 1974, с. 81].

Причины всех этих демографических изменений оставались прежними. В их основе была сохраняющаяся громадная разница в социально-экономических условиях между Северной группой и Раротонгой и другими островами Южной группы. Но и Раротонга не могла обеспечить работой всех приезжающих с других островов и становилась своего рода трамплином для дальнейшей эмиграции за пределы архипелага. С 1973 по 1975 г. общая численность населения о-вов Кука снизилась с 20,4 тыс. до 18,1 тыс. человек [37а, с. 822].

Прошло шестнадцать лет после предоставления о-вам Кука самоуправления. Но с самого начала было очевидно, что новозеландское правительство не намеревалось менять свое традиционное отношение к этой территории. За эти годы, в сущности, ничего не изменилось. Представитель о-вов Кука на X Южнотихоокеанской конференции министр здравоохранения Джозеф Уильямс, характеризуя современное положение территорий, сказал, что о-ва Кука страдают от трех основных несчастий. Во-первых, от нищеты, проявляющейся в мизерном размере ежегодного дохода на душу населения, низком уровне экономического развития и плохих путях сообщения. Во-вторых, от неграмотности подавляющей части населения, отсутствия местных квалифицированных кадров, необходимых для развития промышленности. В-третьих, от массовых заболеваний, плохого медицинского и санитарного обслуживания. «Развивать необходимо в первую очередь не иностранный туризм,— говорил Дж. Уильямс,— а промышленность и сельское хозяйство, образование и медицинское обслуживание» [134, октябрь, 1970, с. 23].

О-ва Кука одними из первых в Океании получили статус самоуправляющейся территории, но в дальнейшем в политическом отношении оказались позади многих океанийских стран.

Опыт национально-освободительной борьбы везде, и в частности в Океании, убедительно показывает, что эффективное раз-

вание народа начинается лишь после его политического освобождения.

Новая Зеландия владеет еще двумя океанскими территориями: о-вом Ниуэ и группой о-вов Токелау. На о-ве Ниуэ стоит сейчас острая проблема — «исчезновение молодежи». Молодые островитяне, не видя будущего на родине, предпочитают покинуть ее. Более 3 тыс. островитян живет в Окленде. За 1963—1968 гг. с Ниуэ уехало 1,5 тыс. человек. Около 50% населения составляют дети дошкольного и школьного возраста и лишь 7,5% — мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. С 1971 по 1976 г. население острова сократилось с 5 тыс. до 3,8 тыс. человек и продолжает уменьшаться [37а, с. 823].

19 октября 1974 г. о-в Ниуэ получил статус самоуправляющейся территории, но, в сущности, Новая Зеландия сохраняет там всю полноту власти.

Острова Токелау тоже очень быстро теряют свое население. Очевидная бесперспективность существования на островах заставляет жителей покидать их. Если в 1966 г. население островов составляло 1,9 тыс. человек, то в 1968 г. — уже 1,8 тыс., а в 1969 г. — 1745 человек. В 1976 г. на Токелау насчитывалось 1575 человек [37а, с. 824].

Процесс деколонизации в Океании, начавшийся в 60-х годах, достиг кульминации в следующем десятилетии. Если в 60-х годах в Океании получили независимость лишь два государства — Западное Самоа и Науру, то к концу 1979 г. к ним прибавилось еще шесть: Тонга, Фиджи, Папуа Новая Гвинея, Соломоновы острова, Тувалу и Кирибати. В 1980 г. независимость получили Новые Гебриды.

В независимых океанских государствах живет более 85% всего населения Океании (без Новой Зеландии, Гавайских островов и Ириан Джая). Общая площадь освободившихся от колониализма островов составляет 93% территории Океании.

Таким образом, к концу 70-х годов Океания вступила в завершающую стадию ликвидации прямого колониального господства.

Однако, соглашаясь на предоставление океанским территориям формальной независимости, империалистические государства стараются сохранить контроль над своими бывшими владениями, ибо значение тихоокеанских островов как в военно-стратегическом, так и в экономическом отношении все возрастает. Тихоокеанские острова используются империалистическими державами для размещения военно-морских и военно-воздушных баз, станций космического наблюдения и оповещения. На островах создаются склады оружия, сооружаются испытательные полигоны для отработки ракетно-ядерных систем и т. д.

Острова Океании лежат на пересечении основных трансокеанских морских и воздушных линий, связывающих США и Ка-

наду с Японией, Австралией и Новой Зеландией, между которыми интенсивно развиваются торгово-экономические отношения.

Острова Океании уже сейчас служат своего рода узловыми станциями, где перераспределяются грузовые и пассажирские потоки, заправляются горячим кораблями и самолеты.

В 60—70-е годы расширились геологоразведочные работы в Океании: на островах обнаружены залежи бокситов, медной руды и других полезных ископаемых; это подняло значение тихоокеанских островов как поставщиков сырья в промышленно развитые страны. В будущем при освоении морского дна и добычи там полезных ископаемых роль Океании еще более возрастет.

Океания имеет большое значение для интенсивного рыболовства.

Иностранных предпринимателей тихоокеанские острова привлекают и как район, весьма перспективный для развития международного туризма.

Все это повышает заинтересованность империалистических держав в том, чтобы в Океании и после деколонизации продолжала существовать необходимая им «стабильность». Для удержания тихоокеанских островов империалистические государства используют весь арсенал неокOLONиалистских средств и методов. Серьезная роль как аванпоста «Запада» в этом районе отводится Новой Зеландии, развитой капиталистической стране. И Новая Зеландия охотно выполняет эту роль.

Выступая в 1969 г. на конференции Новозеландского института международных отношений, министр иностранных дел Г. Лейкинг говорил: «Южнотихоокеанский район является во многих отношениях микрокосмом слабо развитого мира. У него гораздо меньше проблем — политических, экономических и социальных, — чем в других развивающихся районах, но они все время усложняются. Правда, Южнотихоокеанский район не ставит перед нами такие же проблемы безопасности, что и азиатский район. Но мы не должны тешить себя надеждой, что положение в Южнотихоокеанском районе не влияет на нашу безопасность. Поэтому после окончания второй мировой войны мы оказывали военную помощь многим британским территориям, в том числе Фиджи и Тонга, при создании там собственных вооруженных сил, а также предоставляли финансовую и другие виды помощи Фиджи. Нам следует решить, в наших ли оборонных интересах предоставлять такую помощь в будущем. Нам придется это делать. Многие политические, экономические и социальные факторы, которые вызывают нестабильность в Азии, существуют сейчас в Тихом океане, более того, они все время усиливаются. Несмотря на это, пока Южнотихоокеанский район — один из самых спокойных районов в мире. Останется ли он таким, будет зависеть от обстоятельств, не поддающихся

Новозеландская торговля со странами Океании в 1977 и 1978 гг. *,
млн. долл.

Страна Океании	Экспорт		Импорт	
	1977 г.	1978 г.	1977 г.	1978 г.
Восточное Самоа	5,7	9,8	—	—
Острова Кука	8,4	10,4	3,1	3,1
Фиджи	34,2	38,0	17,2	22,2
Французская Полинезия	10,2	11,1	0,031	0,054
Кирибати	0,676	0,972	7,0	3,5
Науру	7,7	9,4	0,099	0,053
Новая Каледония	1,9	2,4	0,002	0,056
Новые Гебриды	1,5	1,5	—	0,004
Норфолк	1,6	2,3	0,146	0,284
Ниуэ	10,6	16,9	2,1	5,1
Папуа Новая Гвинея	0,032	0,070	0,0001	0,0002
Питкэрн	1,2	118	0,164	0,430
Соломоновы острова	0,004	0,006	0,015	0,003
Токелау	6,1	7,1	1,7	1,5
Тонга	0,009	0,038	1,7	1,5
Западное Самоа	8,7	12,2	3,5	3,1

* «Pacific Islands Monthly», июнь 1979, с. 48.

контролю Новой Зеландии, но на которые она может оказать существенное влияние» [23, с. 20].

О значении Южнотихоокеанского района для Новой Зеландии в 70-х годах с одинаковой страстностью говорили и лейбористы и консерваторы. В предвыборном манифесте Национальной партии 1978 г. по этому поводу отмечалось следующее: «Национальная партия всегда рассматривала южную часть Тихого океана как район непосредственных интересов Новой Зеландии и будет соответственно: продолжать содействовать теснейшему сотрудничеству с независимыми и самоуправляющимися странами в этом районе; оказывать поддержку Южнотихоокеанскому форуму, Южнотихоокеанскому бюро экономического сотрудничества и Южнотихоокеанской комиссии, парходной линии Южнотихоокеанского форума и созданию Южнотихоокеанского регионального рыболовного агентства; сохранять и расширять Программу промышленного развития тихоокеанских островов как основу единого, процветающего и взаимосвязанного Южнотихоокеанского района» [22, с. 19].

Укрепляя свои позиции в Океании, Новая Зеландия весьма активизировала свою деятельность в таких влиятельных в Южнотихоокеанском районе международных организациях, как Южнотихоокеанский форум, Южнотихоокеанское бюро эконо-

**Новозеландская экономическая помощь странам Океании
в 1977/78 и 1978/79 гг. *,
долл.**

А) На двусторонней основе (млн.)

Страна Океании	1977/78 г.	1978/79 г.
Острова Кука	6,2	6,1
Фиджи	3,7	3,7
Кирибати	6,3	0,2
Новые Гебриды	0,1	0,1
Ниуэ	2,9	3,0
Папуа Новая Гвинея	2,2	2,5
Соломоновы острова	0,3	0,5
Токелау	0,9	0,9
Тонга	1,9	2,3
Тувалу	0,02	0,1
Западное Самоа	3,5	3,3
Региональная помощь	3,1	3,5
Помощь, оказываемая новозеландскими дипломатическими представителями	0,2	0,2

Б) На многосторонней основе

Название международной организации	1977/78 г.	1978/79 г.
Южнотихоокеанская комиссия	510 724	610 000
Южнотихоокеанское бюро экономического сотрудничества	127 795	173 000

* «Pacific Islands Monthly», июнь 1979, с. 44.

мического сотрудничества. Она значительно усилила свою экономическую экспансию в Океании.

В 1976 г. начал действовать новозеландский проект промышленного развития тихоокеанских островов. По этому проекту 31 новозеландская компания приступила к созданию на Фиджи, Тонга, Западном Самоа, Ниуэ и о-вах Кука своих предприятий [134, июнь 1979, с. 45].

Новозеландский экспорт в страны Океании вырос за 1974—1978 гг. с 47,9 млн. до 194,6 млн. долл., а импорт из этих стран — с 16,8 млн. до 55,7 млн. долл. [134, июнь 1979, с. 47]. Товарооборот Новой Зеландии с отдельными странами Океании характеризуется табл. 9.

Одной из важных форм укрепления позиций Новой Зеландии в Океании является оказание ею экономической помощи странам этого района. В 1978/79 г. Новая Зеландия израсходо-

вала на оказание экономической помощи странам Океании на двусторонней основе 26,3 млн. долл., а на многосторонней основе (Южнотихоокеанская комиссия и Южнотихоокеанское бюро экономического сотрудничества) — 783 тыс. долл. В 1977/78 г. на экономическую помощь было израсходовано соответственно 25,3 млн. и 638,5 тыс. долл. Таблица 10 показывает, как распределяется эта помощь по отдельным островам.

Новая Зеландия имеет свои представительства на Фиджи, Новой Каледонии, в Папуа Новой Гвинее, на о-вах Кука, Западном Самоа и Соломоновых островах.

Следует сказать, что важным фактором, усиливающим влияние Новой Зеландии в странах Океании, является предоставление работы островитянам на новозеландских предприятиях. Эмигранты с южнотихоокеанских островов составляют сейчас 1,6% населения Новой Зеландии [134, июнь 1979, с. 42].

Глава IX

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ В 50—70-х ГОДАХ XX ВЕКА

Утрата Великобританией своих позиций в международных делах и неспособность ее защитить интересы стран Содружества, ясно продемонстрированная в период второй мировой войны, заставили новозеландцев после войны еще энергичнее стремиться к самостоятельности во внешнеполитических вопросах, к поискам более надежного покровителя.

Поэтому в «Договоре о взаимной обороне», заключенном Новой Зеландией после войны в 1951 г., мы не встречаем Англии.

Его участниками были три государства: США, Австралия и Новая Зеландия. В этом первом послевоенном тихоокеанском военно-политическом пакте отчетливо проявились новые тенденции в расстановке сил на Тихом океане, а именно: возросшая роль Соединенных Штатов, значительное падение влияния Великобритании. Англия не была приглашена участвовать в пакте, более того, все ее попытки на протяжении 1952—1953 гг. войти в состав его участников закончились неудачей.

Однако, добиваясь покровительства США, Новая Зеландия не думала порывать старых связей с Англией. И когда последняя выдвинула идею о заключении договора о «стратегических резервах» стран Содружества наций в Юго-Восточной Азии, она охотно ее поддержала. Соответствующий договор (АНЗАМ) был заключен между Англией, Австралией, Новой Зеландией и Малайской федерацией в 1955 г.

Наряду с участием в этих договорах Новая Зеландия вошла в число членов, подписавших международные соглашения, касающиеся всей Азии: СЕАТО и «План Коломбо».

Новая Зеландия в послевоенные годы проявляла большую активность в международных организациях, прежде всего в Организации Объединенных Наций. В 1954/55 г. Новая Зеландия избиралась в Совет Безопасности, в 1966 г. она вновь вошла в его состав; Новая Зеландия неоднократно была членом Экономического и Социального совета, является членом Совета по опеке. Представители Новой Зеландии занимали посты предсе-

дателей Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи, Экономического и Социального совета, Совета по опеке и др. Новозеландское правительство ищет пути расширения отношений с европейскими державами. Так, в начале марта 1966 г. премьер-министр К. Холиок объявил о решении правительства создать посольства в ФРГ и Италии. К началу 70-х годов Новая Зеландия имела уже дипломатические представительства в следующих европейских странах: Англии, Бельгии, Греции, Франции, ФРГ, Италии и Швейцарии. В Новой Зеландии помимо дипломатических представительств указанных стран имеются представительства Болгарии, Дании, Нидерландов, Норвегии, Польши, СССР, Финляндии, Чехословакии, Швеции, Швейцарии, Югославии.

Однако все больше и больше политические интересы Новой Зеландии концентрировались в бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии. Еще в 1955 г. тогдашний министр иностранных дел Т. Макдональд, определяя внешнюю политику страны, заявил, что, поскольку основная угроза благополучия Новой Зеландии идет из Азии, особенно от «коммунистических режимов» в Юго-Восточной Азии, «внешняя политика Новой Зеландии исходит из необходимости примирить географию и историю, экономический фактор и фактор стратегический. Практически это означает, что мы должны, не ослабляя многочисленных связей, которые объединяют нас с Британией и всем Атлантическим сообществом, усилить наше участие в делах Юго-Восточной Азии» [35, с. 32].

К середине 60-х годов Новая Зеландия имела в азиатских странах значительно больше своих представительств, чем в Западной Европе. Она вошла в состав Азиатского банка развития, стала членом АЗПАК.

Для политики Новой Зеландии в 50—60-х годах характерна активная поддержка действий империалистических держав, направленных против национально-освободительного движения народов. Новая Зеландия безоговорочно поддержала Великобританию в ее агрессии против Египта в 1956 г. Премьер-министр С. Холланд заявил, что Новая Зеландия будет «стоять вместе с матерью-родиной и в радости, и в горе» [40, с. 889—890]. В отличие от австралийских лейбористов новозеландская Лейбористская партия целиком поддержала свое правительство. Так, заместитель лидера партии К. Скиннер оправдал действия Англии в Египте и заявил, что ее военное вмешательство оправданно [93, с. 48].

Новозеландское правительство посылало свои войска в Корею. На призыв США послать войска в Южный Вьетнам Новая Зеландия не замедлила дать положительный ответ. В 1964 г. первые новозеландские военнослужащие прибыли во Вьетнам и находились там до начала 70-х годов.

Свое участие в агрессии США против вьетнамского народа

новозеландское правительство старалось оправдать перед общественностью ссылками на свои договорные обязательства. В заявлении новозеландского правительства по поводу Вьетнама говорилось: «Наши действия в Южном Вьетнаме обусловлены нашими обязательствами по СЕАТО... они предприняты в соответствии с призывом Совета СЕАТО» [93, с. 75].

Действительно, Совет СЕАТО на своих заседаниях в 1964 и 1965 гг. призывал своих членов «предпринять дальнейшие конкретные шаги» в оказании «помощи Южному Вьетнаму» [93, с. 75].

Но не это было главным фактором, повлиявшим на решение новозеландского правительства. Оно стремилось оказать американцам услугу, относительно небольшую (за время войны во Вьетнаме находилось около 600 новозеландских военнослужащих), с тем чтобы в случае необходимости потребовать ответной, но уже более серьезной услуги от США, иначе говоря, получить своего рода «страховой полис». Американцы прекрасно понимали позицию Новой Зеландии и были уверены, что им не придется долго уговаривать новозеландское правительство принять участие в агрессии во Вьетнаме.

Прибывший в Новую Зеландию в апреле 1965 г. специальный представитель президента США Генри Кабот Лодж сразу же заявил: «Я не собираюсь просить Новую Зеландию о военной помощи — она сама знает, что делать» [93, с. 76].

Во время своего визита в Новую Зеландию в феврале 1966 г. вице-президент Г. Хемфри обратился к новозеландским министрам со следующим заявлением: «Я должен сказать вам, что вы и ваши соседи в Австралии чувствовали бы себя далеко не так уверенно, если бы наш договор являлся лишь историческим фактом, а не реальностью сегодняшнего дня» [113, с. 315].

Новая Зеландия, как уже говорилось, одной из первых отозвалась на призыв США. В 1964 г. во Вьетнам прибыло 25 военных инженеров, а через год, 27 мая 1965 г., премьер-министр К. Холиок объявил о направлении во Вьетнам артиллерийской батареи. Тогда же, выступая в парламенте, министр юстиции Д. Хэнен заявил: «Никогда еще не было столь удачного случая для нас поддержать Соединенные Штаты, если мы хотим получить их поддержку в случае нападения на нас» [41, с. 23]. Премьер-министр вполне разделял мнение члена своего кабинета. «Если мы не готовы сейчас сыграть нашу роль, — говорил К. Холиок, — то вправе ли мы рассчитывать, что наши союзники помогут нам позднее?» [113, с. 317].

Но осуществлять столь реакционную политику правительству становилось все труднее. Народ страны проявлял все большее беспокойство по поводу подобных авантур. Когда в мае 1965 г. в парламенте рассматривался вопрос о посылке войск в Южный Вьетнам, в стране проходили бурные демонстрации протеста. Правительству с трудом удалось добиться одобрения

своих действий. Результаты голосования в парламенте были следующие: 39 — за и 33 — против.

Премьер-министр К. Холиок на себе испытал гнев новозеландских трудящихся. В начале июля 1966 г. в Веллингтонском аэропорту его встретили демонстранты, несшие обращенные к нему плакаты: «Вина за убийство новозеландских солдат ляжет на вас», «Избавьте нас от вашей грязной войны» и др.

Г. Лоджа встретили демонстранты с лозунгами: «Новозеландцы против вашей войны» и т. п. Такая же демонстрация встретила Г. Хемфри. Демонстранты несли лозунги: «Дипломатия США — это бомбы и подкуп», «Губерт, убирайся домой!»

В мае 1966 г. Лейбористская партия опубликовала заявление, осуждающее политику правительства в отношении Южного Вьетнама. Это заявление было предварительно одобрено на ежегодной конференции Новозеландской федерации труда. Тем не менее новозеландское правительство продолжало упорно следовать своему политическому курсу. Оно сразу же откликнулось на решение правительства США провести совещание в Маниле осенью 1966 г., на котором должны были обсуждаться меры военного подавления вьетнамского народа. «Новая Зеландия, — заявил К. Холиок в конце сентября 1966 г., — окажет максимальную поддержку любому решению этого совещания». Он подчеркнул, что Новая Зеландия якобы имеет во Вьетнаме «жизненно важные интересы».

Выступления новозеландской общественности против участия в военных авантюрах США не ослабевали и в последующие годы. Когда в начале августа 1969 г. государственный секретарь США Роджерс прибыл в Окленд, завершая свою поездку по странам Азии и Тихого океана, он был встречен демонстрантами, бурно выражавшими протест против войны во Вьетнаме. «Прекратите свою грязную войну!», «Не отдадим сынов Новой Зеландии за доллары янки» — вот лозунги, под которыми проходила демонстрация.

Отношение к вьетнамской войне было одним из основных вопросов, дебатировавшихся на выборах в новозеландский парламент в 1969 г. Во время одного из предвыборных митингов в Окленде в ноябре 1969 г., на котором выступал премьер-министр К. Холиок, толпа из 5 тыс. человек — противников войны во Вьетнаме окружила здание, где проходил митинг, ворвалась в зал и не дала возможности Холиоку говорить.

Антивоенные, антиамериканские демонстрации проходили в стране во время визита вице-президента США С. Агню в январе 1970 г. Антивоенные настроения проявились на 33-й конференции Новозеландской федерации труда, состоявшейся в апреле 1970 г. Многие профсоюзы предложили федерации обсудить меры для усиления движения и поддержки прогрессивных организаций, выступающих за прекращение войны и вывод

всех иностранных войск из Вьетнама. Однако новозеландское правительство продолжало свой курс.

Выступая в Окленде 25 ноября 1969 г., накануне выборов в парламент, К. Холиок заявил, что участие Новой Зеландии во вьетнамской войне является таким же морально оправданным, каким было ее участие в двух мировых войнах.

Во время своего визита в США в апреле 1971 г. К. Холиок подчеркивал полную поддержку новозеландским правительством политики Никсона во Вьетнаме.

Недовольство новозеландского народа политическим курсом страны привело к падению консервативного правительства, находившегося у власти почти четверть века. На выборах в парламент в 1972 г. Национальная партия потерпела поражение, и к власти в стране пришли лейбористы.

Приход к власти правительства лейбористов привел к известным позитивным изменениям во внешней политике Новой Зеландии. Новое правительство полностью вывело новозеландские войска из Вьетнама и отменило мобилизацию восемнадцатилетних юношей. Лейбористское правительство объявило о признании КНР, ДРВ и ГДР. Дипломатическая миссия СССР в Веллингтоне была преобразована в посольство, а в Москве было открыто новозеландское посольство. В связи с этим событием премьер-министр Новой Зеландии Н. Кирк обратился 13 апреля 1974 г. с посланием к председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину, в котором подчеркивал, что теперь «заложена прочная основа для расширения контактов и усиления сотрудничества в областях, представляющих общий интерес... что способствует укреплению духа дружбы и взаимопонимания, которые необходимы для благополучия всех народов» [24, с. 10]. Расширились отношения с СССР и другими социалистическими странами в области торговли, науки и культуры.

Новая Зеландия в период правления лейбористов неоднократно выражала протесты против испытания ядерного оружия КНР и Францией, запретила заходы в новозеландские порты американских кораблей с ядерным оружием на борту, предложила объявить южную часть Тихого океана зоной, свободной от ядерного оружия, приняла решение вывести новозеландские войска из Сингапура. «Моя страна с особым вниманием следит за ростом ядерного вооружения, несущим страшную опасность,— говорил в своем выступлении на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 22 сентября 1975 г. заместитель министра иностранных дел Новой Зеландии Дж. Уолдинг.— Теперь, как никогда раньше, нам необходим договор о полном запрещении ядерных испытаний, договор, который бы навсегда положил конец дальнейшему развитию и испытанию новых, еще более страшных средств массового уничтожения» [26, с. 40]. Дж. Уолдинг сообщил Генеральной Ассамблее о решении Южнотихоокеанского форума по поводу объявления южной части Тихого океа-

на безъядерной зоной и передал Генеральному секретарю ООН совместный новозеландско-фиджийский меморандум с просьбой включить в повестку дня сессии обсуждение проекта «Создание в южной части Тихого океана зоны, свободной от ядерного оружия».

В меморандуме говорилось, что «Фиджи и Новая Зеландия вместе с другими странами южной части Тихого океана всегда поддерживали предложения, направленные на достижение соглашений о полном запрещении испытаний ядерного оружия, недопущении распространения этого оружия, обеспечении того, чтобы любой ядерный взрыв, проводимый в мирных целях, осуществлялся под международным контролем, и вообще на прекращение гонки ядерных вооружений... Фиджи, Новая Зеландия и другие страны южной части Тихого океана считают, что создание в Южнотихоокеанском районе зоны, свободной от ядерного оружия, послужит безопасности и благополучию народов, живущих в этом районе, и сведет к минимуму опасность их здоровью и среде обитания» [26, с. 55].

Тем не менее лейбористское правительство не намеревалось вносить каких-либо принципиальных изменений во внешнеполитический курс страны. Оно целиком поддерживало договор АНЗЮС, выражало одобрение АЗПАК.

В разделе программы Лейбористской партии, посвященном обороне и внешней политике страны, говорилось: «Договор АНЗЮС... будет сохранен... Лейбористское правительство будет продолжать поддерживать АЗПАК, как вносящий конструктивный вклад в развитие азиатско-тихоокеанского региона» [108, с. 130].

Поражение лейбористов на выборах 1975 г. и возвращение к власти консерваторов привели к явному поправлению внешней политики Новой Зеландии. Консервативное правительство, возглавляемое Р. Малдуном, поддержало строительство американской военной базы на о-ве Диего-Гарсия, вновь разрешило заходить в новозеландские порты американским кораблям с ядерным оружием.

Р. Малдун и члены его кабинета выступили за расширение участия Новой Зеландии в военно-политических блоках, ссылаясь на мифическую «советскую угрозу».

В апреле 1976 г., перед началом и в период поездки в европейские страны, Японию и Китай, премьер-министр Р. Малдун неоднократно выступал с антисоветскими заявлениями [27, с. 10—11, 63].

По возвращении в Новую Зеландию Р. Малдун в конце августа вновь заявил, что, по его мнению, «глобальная стратегия Советского Союза является экспансионистской...» [138, 26.VIII.1976].

Следует подчеркнуть, что позиция Новой Зеландии в этом вопросе совершенно совпадала с позицией Соединенных Шта-

тов. На заседании Совета АНЗЮС в Канберре в августе 1976 г. заместитель государственного секретаря США К. Робинсон заявил, что Тихий океан является очень нестабильным районом и что особенно советское присутствие в южной части Тихого океана может создать серьезную угрозу, которой Соединенные Штаты должны будут противостоять [140, 5.VIII.1976].

Позиция консервативного новозеландского правительства вызывала критику внутри страны. Так, на научной конференции на тему «Новая Зеландия. Внешняя политика и оборона», проходившей в Данидине в мае 1977 г., в докладе «Новая Зеландия и Советский Союз», представленном Б. Густафсоном, говорилось: «Насколько основательны высказывания мистера Малдуна относительно наращивания советской военно-морской мощи в Тихом океане? Конечно, за двадцать лет наблюдалось резкое качественное улучшение советской военно-морской мощи, и, конечно, в последние десять лет произошло увеличение советских военно-морских сил в Средиземном море, Индийском океане и северо-западной части Тихого океана, у берегов Советского Союза и Японии. Однако почти все специалисты... считают, что Советский Военно-Морской Флот служит для оборонительных целей» [32, с. 110].

В другом докладе, «Перспективы России на Тихом океане», представленном Д. Уэстом, отмечалась несостоятельность заявлений Р. Малдуна о «советской военной угрозе» в Тихом океане. Докладчик подчеркнул, «что эта угроза является более мифической, чем реальной, и главным образом основывается на представлениях периода „холодной войны“, а не на зрелом размышлении» [32, с. 99].

В условиях разрядки международной напряженности консервативное правительство не могло уже вернуться к проведению старого курса. Из партийных программных документов были изъяты фразы о «коммунистической угрозе» и т. п. Более того, в предвыборном манифесте Национальной партии 1978 г., в разделе «Внешняя политика», говорилось: «Национальная партия расширила дипломатические представительства в Восточной Европе, включив Чехословакию и Германскую Демократическую Республику, и намеревается в дальнейшем наладить торговые и экономические отношения с Восточной Европой. При правительстве Национальной партии торговля с СССР быстро расширялась. Национальная партия верит, что имеются все условия для дальнейшего развития взаимовыгодных торгово-экономических отношений между двумя странами, и будет продолжать свои усилия в этом направлении» [22, с. 20].

Активно участвуя во всякого рода военных акциях международного империализма, Новая Зеландия не могла не видеть, что страны азиатско-тихоокеанского региона, несмотря на старания США, все решительнее проводили самостоятельную политику и оказывали влияние на ход мировых событий. Поэтому ново-

зеландское правительство все серьезнее размышляло над проблемами отношений со странами этого региона. Одной из новых форм отношений стало оказание экономической помощи и технических услуг.

Прямое участие Новой Зеландии в оказании экономической и технической помощи развивающимся странам Азии началось с ее присоединения к «Плану Коломбо» в 1950 г.

План экономического развития стран Южной и Юго-Восточной Азии обсуждался на конференции министров иностранных дел Британского содружества в Коломбо в январе 1950 г. Встреченные быстрым ростом национально-освободительного движения стран Востока после второй мировой войны, колониальные державы искали новые пути и методы, которые позволили бы заставить это движение служить их целям и интересам.

Именно одной из таких акций и явился «План Коломбо», вышедший далеко за рамки Содружества и включивший в сферу своего действия все страны Южной и Юго-Восточной Азии, а не только те, что входили в состав Содружества. Государствами-«благотетелями», или, как их называют, «государствами-донорами», стали не только такие страны Содружества, как Англия, Канада, Австралия и Новая Зеландия, но и США и Япония.

«План Коломбо» связан густой сетью двусторонних договоров стран Южной и Юго-Восточной Азии с ведущими империалистическими державами. С 1951 по 1969 г. Новая Зеландия израсходовала на экономическую и техническую помощь по «Плану Коломбо» 34,9 млн. долл., в том числе 21,6 млн. долл. в виде капиталовложений, 8,6 млн. долл.— на подготовку местных кадров и 4,7 млн. долл.— на содержание своих экспертов в азиатских странах. Число азиатских студентов, прошедших обучение в новозеландских университетах по «Плану Коломбо», за период 1951—1969 гг. составило 2,7 тыс. человек. Количество новозеландских экспертов, работавших в странах Азии в рамках «Плана Коломбо», на апрель 1969 г. составляло 416 человек. Экономическую и техническую помощь странам Азии и Тихоокеанского бассейна Новая Зеландия оказывала и через СЕАТО, Азиатский банк развития, Южнотихоокеанскую комиссию и другие организации.

Общий объем экономической и технической помощи Новой Зеландии развивающимся странам постоянно увеличивался: если в 1967 г. на эти цели было израсходовано 10,7 млн. долл., то в 1969 г.— 12 млн. долл.

В 1976 г. Новая Зеландия израсходовала на оказание помощи развивающимся странам 66,3 млн. долл., или 0,57% валового национального продукта страны [37, с. 37].

Огромное значение для Новой Зеландии имеют внешнеторговые отношения. Доля экспорта в совокупном национальном продукте страны достигает 25%. Развитие новозеландской экономики создавало возможности для расширения внешней тор-

говли. Если в 1950 г. стоимость новозеландского экспорта вылилась в 365 млн. долл., в 1960 г. — 605 млн., в 1970 г. — 1,1 млрд., то в 1977 г. — 3,2 млрд. долл. [37, с. 906]. Основу экспорта неизменно составляют продукты сельского хозяйства, но доля их все время сокращается. Если в 1946 г. сельскохозяйственные товары составляли 90,4% общей стоимости экспорта страны, а в 1969 г. — 84,1%, то в 1977 г. — 77% [18, с. 28]. Главными экспортными товарами по-прежнему являются мясо, шерсть и молочные продукты. В 1976 г. доход от их продажи составил соответственно 675 млн., 456 млн. и 367 млн. долл.

Что касается импорта, то он тоже постоянно растет. С 1950 по 1977 г. новозеландский импорт увеличился с 287 млн. до 4,1 млрд. долл. [37а, с. 896].

Весьма симптоматичные явления наблюдаются в изменении географии внешней торговли Новой Зеландии.

Так же как в области внешнеполитических отношений, Новая Зеландия в сфере внешнеэкономических контактов настойчиво старалась в послевоенное время найти новых партнеров, гарантирующих ее благополучие от колебаний становившегося столь неустойчивым и все более туманным Альбиона. Если в 1958 г. доля Великобритании в новозеландском экспорте составляла 55,8%, а в 1968 г. — 43,3%, то в 1977 г. — 20,4%. Доля Японии и Австралии за эти годы составила соответственно 2,2 и 4,1%; 8,4 и 7,1%; 12,8 и 12,2%. Увеличился объем торговли и с другими странами Азии, а также со странами Северной Америки, Латинской Америки, Океании. Расширились торговые связи Новой Зеландии с СССР и другими социалистическими странами. За период 1958—1977 гг. доля развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки и Океании в новозеландском экспорте увеличилась с 3,7 до 19,5%, а СССР и других европейских социалистических стран — с 1,8 до 6,6% [18, с. 29].

Эти изменения выглядят еще более разительными, если проследить за продажей отдельных товаров новозеландского экспорта. Так, в 1978 г. Новая Зеландия продала говядины всего на 313 млн. долл., причем на английском рынке — на 7,4 млн. долл. Основная часть говядины реализуется в США (на 185,3 млн. долл. в 1978 г.). Мороженой баранины в 1978 г. Новая Зеландия продала всего на 47,3 млн. долл. От продажи этого товара на английском рынке было получено лишь 4,5 млн. долл., тогда как в Японии — 17,2 млн. долл. [37а, с. 555, 565, 566].

Изменилась и география новозеландского импорта. С 1961 по 1976 г. доля Великобритании в новозеландском импорте уменьшилась с 53 до 31%, в то время как доля США, Австралии и Японии увеличилась соответственно с 9 до 26%, с 16 до 20% и с 3 до 12% [18, с. 30].

В результате мер по диверсификации экономики страны в 60—70-х годах несколько изменилась структура новозеланд-

ского экспорта. С 1973 по 1977 г. доля промышленных товаров в экспорте страны увеличилась с 8 до 15% (в 1954 г. она составляла всего 0,2%). Промышленные товары экспортируются Новой Зеландией преимущественно в Австралию (43,1%), Японию (23,6%) и другие страны Азии и Тихого океана (18,5%) [18, с. 11].

Тесные связи с Англией тем не менее продолжали сохранять. Прежде Новая Зеландия продавала Англии почти все свои экспортные промышленные товары и закупала готовые изделия почти исключительно английского производства. Подобное положение вещей устраивало новозеландцев. Правда, в начале 50-х годов начали поговаривать о необходимости поиска новых рынков, но даже после того, как в 1954 г. истек срок действия основных контрактов на поставки продовольствия, которые были заключены во время войны, все еще предпринимались весьма энергичные попытки добиться дальнейшего увеличения продажи молочных продуктов, баранины и шерсти в Англию. Некоторые дальновидные новозеландцы понимали, что столь тесные отношения не могут сохраняться вечно. Поэтому Новая Зеландия уже в конце войны приступила к осуществлению программы индустриализации с целью уменьшить импорт готовых изделий из Англии.

Кроме того, новозеландцы увидели, что на английском рынке можно разместить лишь ограниченное количество сельскохозяйственной продукции, в то время как продуктивность сельскохозяйственного производства Новой Зеландии все увеличивалась, что приводило к необходимости экспортировать ее во все большем количестве. Попытка Великобритании вступить в ЕЭС в 1961 г. послужила Новой Зеландии сигналом о приближении конца традиционных торговых связей с Англией [139, 2.IV.1974].

31 июля 1961 г. британский премьер-министр Г. Макмиллан объявил в палате общин, что английское правительство решило начать переговоры о присоединении Великобритании к Европейскому экономическому сообществу, обещая при этом добиться таких условий, которые удовлетворяли бы «нужды Великобритании, Содружества и европейской зоны свободной торговли».

Английское правительство при переговорах с ЕЭС помимо провозглашения общих деклараций об интересах стран, входящих в Британское содружество, сделало специальное заявление относительно Новой Зеландии. Так, во время визита в Новую Зеландию британского министра по делам Содружества Д. Сандела, состоявшегося в начале июля 1961 г., еще до официального объявления английского правительства о своем намерении начать переговоры с ЕЭС, было подписано совместное англо-новозеландское коммюнике, в котором давалось твердое заверение со стороны английского правительства не только в том, что оно будет на всем протяжении переговоров консультировать-

ся с новозеландским правительством и будет добиваться специальных постановлений, защищающих жизненные интересы Новой Зеландии, но также в том, что «Великобритания не присоединится к ЕЭС, если эти постановления не будут приняты» [93, с. 81]. Ни одна другая страна, входившая в Содружество, не получила подобных заверений.

Однако, несмотря на указанные заявления британского правительства, беспокойство в Новой Зеландии по поводу вступления Англии в «Общий рынок» не ослабевало. И это имело серьезные основания: Новая Зеландия продолжала зависеть от британского рынка. В 1961 г., например, в Англию шло более половины (51%) новозеландского экспорта, а отдельные, важные для Новой Зеландии экспортные товары почти целиком отправлялись на британский рынок: 91% мяса, 94% сыра, 94% баранины. Только эти три товара давали 30% общей экспортной выручки Новой Зеландии [34, с. 657, 660, 666, 668]. Англия вообще являлась самым крупным в мире импортером этих товаров. На нее в 1961 г. приходилось 72% мирового импорта масла и 80% импорта баранины. Понятно, что ни одна страна в мире не могла заменить Новой Зеландии Англию. Но Англия, в свою очередь, была крайне заинтересована в сохранении поставок ей новозеландских сельскохозяйственных товаров, ибо они были наиболее дешевыми. Уже в 1961 г. стало ясно, что в случае присоединения Англии к «Общему рынку» положение резко ухудшится.

В августе 1962 г. в ходе переговоров Англии с ЕЭС была достигнута общая договоренность об охране интересов Новой Зеландии, но никаких специальных постановлений выработано не было. В январе 1963 г. переговоры были прерваны по настоянию французского президента де Голля, возражавшего против вступления Англии в «Общий рынок». Посетивший Новую Зеландию в сентябре 1965 г. британский министр сельского хозяйства Р. Пирт назвал вопрос о вступлении Англии в ЕЭС «уткой» [93, с. 86].

Однако к концу 60-х годов ожидалось возобновление переговоров. Правда, к этому времени в результате интенсивной диверсификации внешней торговли Новая Зеландия значительно сократила объем своего экспорта в Англию. В 1970 г. он составлял 36% общего новозеландского экспорта. Важным рынком сбыта новозеландской баранины стала Япония. Тем не менее к началу 70-х годов Новая Зеландия продолжала вывозить в Англию 91% масла, 78% сыра и 88% ягнятины.

Новая Зеландия имела выгодные соглашения с Англией, гарантирующие доступ ее мясной и молочной продукции на британские рынки. Но срок их действия истекал в 1972 г. В то же время Великобритания весьма активизировалась в отношении допуска ее в «Общий рынок». Это вызывало в Новой Зеландии сильное беспокойство.

Англия давала Новой Зеландии четвертую часть ее экспортной выручки. Потеря английского рынка повлекла бы за собой резкое сокращение поголовья скота. Но, кроме того, аграрная политика «Общего рынка», направленная на поощрение сбыта сельскохозяйственных товаров входящих в него стран, не только захлопывала двери для главных товаров экспорта Новой Зеландии в страны Европейского экономического сообщества, но и создавала дополнительные трудности на рынках других стран.

Поэтому в конце 60-х — начале 70-х годов основное внимание новозеландского правительства во внешних делах было приковано к маневрам Британии в отношении «Общего рынка».

Выступая в конце января 1970 г. перед студентами Веллингтонского университета, министр внешней торговли Д. Маршалл заявил, что вступление Англии в «Общий рынок» явилось бы катастрофой для молочных ферм и вообще всей экономики Новой Зеландии, так как Англия прекратит закупку у Новой Зеландии молочных продуктов. «Переговоры об этом,— подчеркивал Д. Маршалл,— одни из самых важных дипломатических и торговых переговоров за последние несколько лет».

Об этом же говорил президент Новозеландской федерации фермеров П. Фламмер, выступая на ежегодном собрании федерации в Веллингтоне в июле 1970 г. «Последствия вступления Великобритании в „Общий рынок“ без обеспечения достаточных гарантий для Новой Зеландии будут катастрофическими,— сказал он.— Наше существование зависит от дальнейшего развития торговых контактов. Необходимо создать торговые аванпосты в Москве, Варшаве или Белграде, что отнюдь не будет означать поддержки коммунистической идеологии». Для того чтобы успокоить новозеландцев, британское правительство специально послало туда в сентябре 1970 г. главу английской делегации, ведущей переговоры с представителями стран «Общего рынка», Д. Риппона.

По приезде в страну Риппон сразу же заявил, что Новая Зеландия не может послать своего представителя на переговоры, но британское правительство намерено проводить с правительством Новой Зеландии постоянные консультации. Д. Риппон обескуражил новозеландцев сообщением, что ни о каком заключении постоянного соглашения об экспорте новозеландского масла и сыра в случае вступления Англии в «Общий рынок» не может быть речи. Однако, видя вызванную этим заявлением реакцию, Д. Риппон постарался подсластить горькую пилюлю, сказав, что необходимая забота о новозеландцах будет проявлена. «Вы для нас больше чем союзники,— не без сентиментальности заявил он,— вы наши друзья и родные». Но никаких конкретных подтверждений этой сентиментальной сентенции не последовало.

«Риппон старается создать впечатление, что Англия заботится о нас,— справедливо заметил один из лидеров Лейборист-

ской партии, У. Роулинг, выступая в парламенте в сентябре 1970 г., — но, когда доходит до дела, он не говорит ничего конкретного».

Поскольку британский флирт с «Общим рынком» становился все серьезнее, беспокойство новозеландцев усиливалось. В конце ноября 1970 г. в Лондон прибыл заместитель новозеландского премьер-министра Д. Маршалл для переговоров с британским правительством о преодолении губительных для экономики Новой Зеландии последствий возможного вступления Англии в «Общий рынок».

Выступая 24 ноября на заседании Новозеландского общества в Лондоне, Д. Маршалл сказал, что, если Англия вступит в «Общий рынок», существование Новой Зеландии будет целиком зависеть от экономических гарантий. «Этот вопрос имеет большое значение, — продолжал он, — от его решения зависит наше существование как государства».

«Если Англия не сможет гарантировать дальнейший вывоз товаров из Новой Зеландии, — продолжал он, — это нанесет непоправимый ущерб молочной промышленности Новой Зеландии, серьезно повлияет на всю нашу экономику и на уровень жизни. Нелегко будет преодолеть социальные и экономические трудности, связанные с приспособлением страны с населением почти в 3 миллиона человек к такой большой утрате».

Д. Маршалл подчеркивал, что вступление Англии в «Общий рынок» не только приведет к свертыванию более чем половины производства мясо-молочных продуктов в Новой Зеландии, но и для самой Англии будет означать прекращение импорта сравнительно дешевых продовольственных продуктов, что вызовет повышение цен примерно на 20—26%.

Весной 1971 г. в Европу вылетел уже сам премьер-министр К. Холиок.

Проблемы Новой Зеландии, возникавшие в связи с возможным вступлением Англии в «Общий рынок», были основной темой его апрельских переговоров с английским, французским и западногерманским правительствами.

В переговорах с английским правительством К. Холиок доказывал, что Новую Зеландию — в основном сельскохозяйственную страну — особенно беспокоят последствия вступления Англии в «Общий рынок», вследствие чего возникнут затруднения в отношениях между Англией и странами Сообщества, в том числе Новой Зеландией, имевшей с Лондоном преференциальные соглашения. «Если мы не сохраним свои традиционные рынки сбыта продуктов, то это будет иметь для Новой Зеландии катастрофические экономические и социальные последствия».

Особое положение Новой Зеландии создавало, таким образом, одинаковую проблему и для Англии, и для стран Европейского экономического сообщества, для которых «преференции

Сообщества», предоставлявшиеся его участникам, являлись одним из основных принципов «Общего рынка». Чтобы пойти на встречу Англии, защищавшей новозеландские и одновременно свои собственные интересы (поскольку ей пришлось бы платить дороже за молочные продукты, импортируемые из стран Сообщества), а также учитывая особые связи, существующие между Европой и Новой Зеландией, Сообщество должно было согласиться на «временное отступление» от принципа преференций в пользу Новой Зеландии, с тем чтобы ей и Англии дать возможность постепенно приспособиться к новой обстановке. Это «отступление» должно было предусмотреть предоставление Англии «переходного периода», в течение которого преференции, предоставленные ею Новой Зеландии, постепенно бы уменьшались до тех пор, пока совсем не исчезли.

Идя дальше, Холиок выдвинул требование о сохранении исключительного положения Новой Зеландии и после окончания «переходного периода».

Британские министры, с которыми вел переговоры К. Холиок, старались его задобрить заявлениями о том, что Новая Зеландия действительно «особый случай» и для нее не подходят временные соглашения о сбыте сельскохозяйственных товаров.

Примерно так же выступал К. Холиок во время переговоров с французским и западногерманским правительствами. Так, при встрече с французским министром иностранных дел Р. Шуманом К. Холиок прямо заявил, что вступление Англии в «Общий рынок» означало бы для Новой Зеландии «экономический крах».

И французское и западногерманское правительства вроде бы вошли в положение Новой Зеландии и обещали помочь.

В переговорах с французским и западногерманским правительствами К. Холиок вместе с тем подчеркивал стремление Новой Зеландии к диверсификации своего сельскохозяйственного производства и индустриализации экономики страны. Он указывал на опасные последствия одностороннего развития Новой Зеландии. В этой связи Холиок отметил, что падение мировых цен на шерсть привело к тому, что Новая Зеландия, занимавшая в 1960 г. 4-е место среди самых богатых стран мира, отодвинулась в 1970 г. на 14-е, а в 1975 г., вероятно, окажется на 17-м месте. Потому так настойчиво К. Холиок ставил перед французским правительством вопросы расширения франко-новозеландских экономических отношений.

Когда в мае 1971 г. в Брюсселе начались с волнением ожидавшиеся в Новой Зеландии переговоры Англии со странами «Общего рынка», в Лондон вновь прилетел заместитель новозеландского премьер-министра Д. Маршалл.

На сессии Совета министров стран «Общего рынка», открывшейся в Люксембурге 21 июня, Англии наконец удалось добиться принятия соглашения, открывшего ей путь в ЕЭС. В числе основных пунктов соглашения были пункты о гарантиях в от-

ношения экспорта молочных продуктов из Новой Зеландии в Англию. Они содержали в себе следующее:

1. Новой Зеландии разрешено экспортировать молочные продукты на протяжении пяти лет во все уменьшающемся объеме.

2. ЕЭС будет добиваться международного соглашения относительно рынков сбыта молочных продуктов.

3. Гарантированный экспорт масла будет уменьшаться равными долями каждый год на протяжении пяти лет. Гарантированный экспорт сыра уменьшится в последующие годы до 90, 80, 60, 40 и 20%.

4. В 1977 г. сохранится гарантированный экспорт масла в размере 80% и экспорт сыра в размере 20% нынешнего уровня. Гарантированный уровень цен будет представлять собой средние цены на английском рынке в 1968—1970 и 1972 гг.

5. Начиная с 1978 г. закупки сыра не будут более гарантированными.

6. На протяжении пяти лет «Общий рынок» может менять пропорции экспорта масла и сыра.

7. Через три года после вступления Англии в ЕЭС, вероятно в 1975 г., соглашение будет пересмотрено. При этом будет приниматься во внимание прогресс, достигнутый на пути к международному соглашению относительно рынков сбыта молочных продуктов, а также прогресс, достигнутый Новой Зеландией в диверсификации своей экономики и экспорта. Расширенный «Общий рынок» будет проводить политику, которая не будет препятствовать усилиям Новой Зеландии.

8. После пересмотра соглашения «Общий рынок» решит, какие меры следует принять в дальнейшем, учитывая особое положение Новой Зеландии [93, с. 89—90].

Позиция, занятая британским правительством на люксембургских переговорах, встретила бурную реакцию в Англии. Видные деятели лейбористского и профсоюзного движения выступили с резкой критикой правительства, пытавшегося навязать британскому народу тяжелые для него условия вступления в ЕЭС. Не менее остро критиковали лейбористские лидеры Новой Зеландии раздел люксембургского соглашения, касающийся гарантий экспорта новозеландских молочных продуктов в Англию.

Так, лидер новозеландской Лейбористской партии Норман Кирк заявил 24 июня 1971 г., что соглашение о вступлении Англии в Европейское экономическое сообщество неудовлетворительно и нет никаких оснований для того, чтобы Новая Зеландия восприняла его окончательно.

«Новая Зеландия,— добавил он,— проиграла первый тайм, но матч не окончен, поскольку Англия еще не приняла окончательного решения».

Кирк сказал, что Новая Зеландия имеет в своем распоряже-

нии три месяца, в течение которых она может сказать английскому народу, что будет означать для нее это соглашение.

«Новозеландская Лейбористская партия,— продолжал он,— передаст свою точку зрения через английского верховного комиссара».

«В период, когда даже сторонники присоединения Англии к „Общему рынку“ в палате общин говорят, что учетывание интересов Новой Зеландии является обязательным условием этого вступления, глупо нечто неудовлетворительное выдавать за удовлетворительное»,— подчеркивал Н. Кирк.

Кирк в то же время настаивал на необходимости диверсифицировать экономику. Разделяя точку зрения Кирка, Том Скиннер, председатель Новозеландской федерации труда, заявил, что Новой Зеландии придется найти новые рынки и новых друзей, чтобы противодействовать последствиям присоединения Англии к «Общему рынку». Представители же новозеландского правительства, вторя своим британским коллегам, старались теперь всячески успокоить общественность страны. Так, министр сельского хозяйства Дуглас Картер, выступая на собрании фермеров, заметил, что достигнутое соглашение — это лучшее, что Англия смогла сделать для Новой Зеландии.

Лесли Стивенс, президент Новозеландской федерации промышленников, в свою очередь, заявил: «Нам всем хотелось бы более великодушного отношения к Новой Зеландии, но мы должны считаться с действительностью, и нам необходимо искать способы компенсации сокращения доходов от экспорта».

Но все эти успокаивающие заявления не могли повлиять на вполне обоснованную тревогу новозеландского народа, крайне озабоченного мрачной перспективой, связанной со вступлением Великобритании в Европейское экономическое сообщество.

Учитывая складывающуюся обстановку, новозеландское правительство предпринимало шаги к расширению сбыта своих товаров на рынках стран Азии и Тихого океана.

После заключения в 1958 г. торгового договора с Японией эта страна стала третьим по значению экспортным рынком Новой Зеландии. В 1971 г. товарооборот между Новой Зеландией и Японией достиг 110 млн. новозеландских долларов. Увеличился объем новозеландской торговли и с другими азиатскими странами, хотя в абсолютных цифрах он был невелик. Так, в 1966—1969 гг. новозеландский экспорт в Шри Ланку вырос с 721 тыс. до 1,3 млн. долл., в Гонконг — 1,6 млн. до 3,7 млн., в Малайзию — с 4,7 млн. до 6,3 млн., в Сингапур — с 3,2 млн. до 8,2 млн., на Тайвань — с 357 тыс. до 2,5 млн., в Южную Корею — с 0,5 млн. до 1,5, в Таиланд — с 0,6 млн. до 2,6 млн., в Южный Вьетнам — с 3,5 млн. до 4,6 млн. долл.

Налаживались торговые отношения Новой Зеландии с социалистическими странами. Так, в 1966—1969 гг. новозеландский экспорт в СССР вырос с 5,9 млн. до 11,7 млн. долл., в Вен-

грию — с 3,7 млн. до 6,3 млн., в Польшу — с 1,5 млн. до 2,2 млн., в Югославию — с 0,8 млн. до 1,7 млн. долл. [35, с. 639—642].

Но особенно быстро развивались торгово-экономические отношения Новой Зеландии с Австралией, Канадой и США. Новозеландский экспорт в эти страны за 1966—1969 гг. почти удвоился: с 36,4 млн. до 74,5 млн. долл. в Австралию, с 9,6 млн. до 16,3 млн. долл. в Канаду, со 107,6 млн. до 170 млн. долл. в США [35, с. 639—642].

Однако все эти изменения в географии внешней торговли Новой Зеландии не обеспечивали достаточную компенсацию возможной потери британского рынка. В статье, опубликованной 15 мая 1971 г. в журнале «Фар истерн экономик ревью», новозеландский заместитель премьер-министра и министр внешней торговли Д. Маршалл повторил свое печальное высказывание: «Потеря нашего основного рынка масла, сыра и ягнятины была бы катастрофична для Новой Зеландии» [128, 15.V.1971, с. 28].

Так печально начались для Новой Зеландии 70-е годы. Заботы и тревога распростерли свои черные крылья над столь долго преуспевавшей «британской молочной фермой» и заставили ее «работников» всерьез задуматься над своим будущим, искать новые рынки сбыта.

В 1973 г. Великобритания вступила в «Общий рынок». Люксембургская договоренность относительно Новой Зеландии была зарегистрирована в протоколе № 18 к акту о вступлении Великобритании в ЕЭС. В нем определялись квоты на ввоз в Англию новозеландского масла и сыра на 1973—1977 гг. Для 1973 г. они определялись соответственно в 165,8 тыс. и 15,2 тыс. т [18, с. 31]. В заключительной, пятой статье протокола предусматривалось, что квоты на импорт Англией масла из Новой Зеландии будут определены в дальнейшем, но «после 31 декабря 1977 г. исключительные соглашения, принятые для импорта сыра, не смогут далее сохраняться» [18, с. 32].

Совет ЕЭС на своем заседании в Дублине 10 марта 1975 г. принял декларацию по поводу Новой Зеландии, в которой были подтверждены основные положения протокола № 18 и давались поручения Комитету по внешним экономическим отношениям ЕЭС определить квоты на ввоз в Англию новозеландского масла на 1978—1980 гг. Что касается экспорта сыра, то Дублинская декларация обнадежила Новую Зеландию; в ней было сказано, что этой проблеме «будет уделено должное внимание безотлагательно» [18, с. 19].

24 ноября 1975 г. совет по докладу комитета определил следующие квоты на масло: на 1978 г. — 125 тыс. т, на 1979 г. — 120 тыс., на 1980 г. — 115 тыс. т. Одновременно было решено, чтобы Комитет ежегодно, начиная с 15 мая 1979 г., представлял доклады совету ЕЭС об исполнении его постановлений в отношении новозеландского экспорта сельскохозяйственных продуктов в Великобританию [18, с. 16].

В первом докладе Комитета по внешним экономическим отношениям от 2 мая 1979 г. указывалось, что Новая Зеландия, несмотря на диверсификацию внешней торговли, все еще серьезно зависит от британского рынка.

В то же время ее торговые отношения с Великобританией значительно осложнились. «Нельзя отрицать,—говорилось в докладе,—что два события—аграрная политика Сообщества и вступление Великобритании в Сообщество—повлекли за собой тяжелые последствия для экспорта молочных продуктов Новой Зеландии в Великобританию. Это может быть иллюстрировано статистическими данными, взятыми из новозеландских источников. В 1969 г. Новая Зеландия продала 194 тыс. т масла в Великобританию, в то время как другие страны, входящие в Сообщество, экспортировали в Англию 134 тыс. т. Через шесть лет этот экспорт составил соответственно 123 тыс. и 361 тыс. т. Экспорт новозеландского сыра в Великобританию в 1965 и 1973 гг. составил соответственно 83 тыс. и 38 тыс. т, а из стран Сообщества—31 тыс. и 119 тыс. т. Перспективы для Новой Зеландии еще менее обещающие, учитывая, что установленная Сообществом квота на 1980 г. определена в 115 тыс... и с 1977 г. дальнейший импорт новозеландского сыра будет прекращен согласно специальным постановлениям протокола № 18 к договору о вступлении Великобритании в Сообщество. Более того, новозеландцы обеспокоены предполагаемой организацией общего рынка баранины, ибо экспорт ее составляет 22% всей новозеландской экспортной выручки в странах Сообщества» [18, с. 12].

В докладе указывалось, что страны Сообщества причиняют ущерб новозеландской торговле не только в Европе, но и в других частях света. Мощную конкуренцию Новой Зеландии составляет экспорт молочных продуктов из Канады и США.

«Новая Зеландия,—отмечалось в докладе,—встречает серьезные затруднения на рынках третьих стран вследствие усиления конкуренции Сообщества... Особенно это проявляется в молочном секторе из-за возросшей мировой потребности в молочном порошке и сыре. Из 600 тыс. т молочного порошка, проданного в странах, не входящих в ЕЭС, 200 тыс. т было поставлено Новой Зеландией, остальное количество составил субсидируемый экспорт из других стран, включая Канаду и Соединенные Штаты» [18, с. 13]. В докладе указывалось также и то, что географическое положение Новой Зеландии отрицательно влияет на диверсификацию ее внешнеторговых операций. «Почти так же дорого перевозить товары из Новой Зеландии в Японию, Соединенные Штаты и Средний Восток, как и в Великобританию. С этой точки зрения наиболее удобным рынком для новозеландского экспорта являются страны Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана. Но потребность этих стран в традиционных новозеландских экспортных товарах, таких, как масло, небольшая, а их финансовые ресурсы ограничены» [18, с. 12].

Доклад завершился выводом, что для Новой Зеландии «возможности диверсификации очень ограничены» [18, с. 23]. В силу этого, по мнению Комитета, «Сообщество должно считаться с серьезными проблемами, с которыми сталкивается Новая Зеландия» [18, с. 23].

Интересно отметить, что одним из основных аргументов Комитета в пользу сохранения благожелательного отношения Сообщества к Новой Зеландии являлась ее роль в южной части Тихого океана, области, представляющей большой интерес для стран ЕЭС. Для Сообщества было важно, чтобы получившие недавно независимость страны Океании развивались в соответствии с его интересами. «Новая Зеландия,— говорилось в докладе,— политически, как и географически, является неотъемлемой частью Южнотихоокеанского района. Она установила тесные связи со странами этого района, ориентируя на них свою экономику. Мы надеемся, что Новая Зеландия будет продолжать развивать свои отношения с южнотихоокеанскими странами, что, в свою очередь, приведет к укреплению отношений Сообщества с Южнотихоокеанским районом — районом, где сталкиваются интересы великих держав. Для того чтобы... недавно образовавшиеся там государства сохраняли политическую стабильность, Новая Зеландия должна и в дальнейшем играть свою роль... Поэтому она должна быть уверена, что Сообщество — надежный партнер, с которым она может решать проблемы, представляющие взаимный интерес, и в полной мере встречать понимание» [18, с. 24].

Продолжая в 70-е годы политику диверсификации внешней торговли, Новая Зеландия стремилась расширить свои торговые отношения со странами Арабского Востока, Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, Северной и Южной Америки, Тихоокеанского бассейна. Заметно вырос экспорт Новой Зеландии в Канаду. Если в 1971 г. он составлял 32,2 млн., то в 1978 г. — 73,5 млн. долл. Новозеландский экспорт в США за этот же период увеличился с 200 млн. до 439 млн. долл. Однако развитию торговли с США мешали ограничения на импорт, установленные в этой стране в 1964 г. Они были временно сняты в середине 1972 г., но опять введены в 1975 г. [37, с. 541, 562].

Новозеландский экспорт в Японию увеличился более чем в 3 раза: со 102,7 млн. в 1971 г. до 435,6 млн. долл. в 1978 г. [37а, с. 562]. Значительно расширилась торговля Новой Зеландии с целым рядом других азиатских стран. Так, новозеландский экспорт в Индонезию и КНР увеличился с 1970 по 1976 г. соответственно с 0,5 млн. и 0,8 млн. до 24,8 млн. долл. и 43,2 млн. долл. [37а, с. 563].

Особое значение придает Новая Зеландия своим торгово-экономическим отношениям со странами АСЕАН.

В феврале 1975 г. в Сингапуре были начаты переговоры новозеландских представителей с генеральным секретарем

Новозеландская торговля со странами Азии в 1978 г. *,
млн. долл.

Страна	Экспорт фоб.	Импорт сиф.
Бангладеш	2	3,8
Гонконг	41,8	44,9
Индия	4,6	22
Индонезия	24,8	5,5
КНР	43,2	23
Малайзия	47,9	28,9
Непал	0,4	0,03
Пакистан	2,1	0,9
Филиппины	40,2	3,9
Сингапур	95,5	60,7
Шри Ланка	4,6	9,8
Таиланд	12,4	4,5
Бахрейн	1,3	34,1
Иран	70	83,6
Япония	435,6	435,6

* New Zealand Official Yearbook, 1979, с. 563.

АСЕАН об оказании Новой Зеландией помощи странам, входящим в ассоциацию. Эти переговоры были продолжены в Веллингтоне в июле 1975 г. В совместном коммюнике, опубликованном после завершения переговоров, определялись первоочередные проекты, в выполнении которых АСЕАН хотела получить новозеландскую помощь. Эти проекты относились к следующим областям: животноводство, торговля, здравоохранение, лесное хозяйство и лесная промышленность. Страны договорились о ежегодных встречах для обсуждения хода выполнения совместных проектов и разработки программ дальнейшего сотрудничества [25, с. 3—5].

В начале августа 1977 г. новозеландский премьер-министр Р. Малдун встретился в Куала-Лумпуре с премьер-министрами стран, входящих в АСЕАН. Во время этой встречи обсуждалось состояние торгово-экономических отношений Новой Зеландии со странами ассоциации. В заявлении, сделанном после этого совещания, говорилось, в частности, что «главы правительств стран — членов АСЕАН приветствовали намерения Новой Зеландии играть позитивную роль в развитии торговли со странами АСЕАН». Они просили премьер-министра Новой Зеландии принять необходимые меры для увеличения экспорта товаров обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства из стран АСЕАН. Премьер-министр Новой Зеландии сослался на экономические трудности Новой Зеландии, особенно на дефицит ее платежного баланса, но указал, что существует ряд товаров, в отношении ввоза которых в Новую Зеландию можно ожидать

прогресса, так же как и в области выдачи лицензий на импорт [29, с. 16].

В речи, произнесенной на открытии сессии АСЕАН 17 ноября 1977 г., новозеландский министр иностранных дел Б. Толбойз сказал: «АСЕАН приобрела большое значение во внешних отношениях Новой Зеландии. Новая Зеландия поддерживает политические цели АСЕАН, уважает ее экономические достижения и приветствует намерение правительств стран — членов АСЕАН установить прочное и тесное сотрудничество между АСЕАН и Новой Зеландией». Б. Толбойз отметил, что в 1976/77 г. новозеландский экспорт в страны АСЕАН, население которых превышает 230 млн. человек, достиг почти 130 млн. долл., и правительство Новой Зеландии рассматривает страны АСЕАН «как один из двух предпочтительных рынков (вторым является Северная Америка) для развития активности в ближайшем будущем» [30, с. 36—37].

Торговые отношения Новой Зеландии с Австралией всегда были тесными, но в 60—70-е годы они достигли беспрецедентного уровня, особенно в области торговли промышленными товарами. Этому весьма способствовало заключение в 1965 г. новозеландско-австралийского соглашения о свободной торговле (НАФТА). Соглашение предусматривало взаимное значительное сокращение и даже полное освобождение от таможенных сборов большинства товаров. Первоначально список такого рода товаров содержал 990 наименований, а в 1976 г. к нему были добавлены еще 805 наименований. С 1972 по 1978 г. новозеландско-австралийский товарооборот увеличился с 380,6 млн. до 1067,9 млн. долл. Однако в торговле с Австралией Новая Зеландия имеет постоянный дефицит. В 1976 г. Новая Зеландия вывезла в Австралию товаров на 412,6 млн., а ввезла из Австралии на 655,3 млн. долл. [37а, с. 546].

В марте — апреле 1978 г. новозеландский министр иностранных дел Б. Толбойз посетил с официальным визитом Австралию. Выступая в Канберре 15 марта, он подробно остановился на австралийско-новозеландских отношениях и значении их для обеих стран. «У нас много общего, — заявил Б. Толбойз. — Конечно, Австралия и Новая Зеландия во многих отношениях отличаются друг от друга... различия имеются как внутри каждой страны, так и в отношениях между ними. Так и должно быть... Но Австралия и Новая Зеландия имеют между собой больше общего, чем с другими странами... Наше прошлое, образ жизни, взгляды, интересы настолько близки, насколько это возможно... Австралия является третьим по значению рынком для Новой Зеландии... Вы — лучший покупатель товаров нашей обрабатывающей промышленности, которую протекционизм в отношении сельскохозяйственных товаров в других странах заставляет нас развивать с целью увеличения нашего экспорта в будущем. С экономической точки зрения, оставляя в стороне политиче-

скую и стратегическую, Австралия важна для Новой Зеландии как ни одна другая страна в мире... Без австралийского рынка, австралийских туристов, австралийских инвестиций Новой Зеландии пришлось бы туго, как и Австралии без новозеландского рынка, новозеландских туристов и новозеландских инвестиций. Мы, без сомнения, не можем существовать друг без друга... И Австралия и Новая Зеландия находятся в южной части Тихого океана... Часто мы действовали по отдельности, что приводило к различным результатам. Лишь в нескольких случаях мы решали проблемы совместно, выступая как партнеры. Этот вид содружества всегда достигал желаемого успеха... Наша практика в Южнотихоокеанском районе показывает, что мы должны работать вместе».

Вместе с тем Б. Толбойз указал на целый ряд значительных трудностей, стоящих на пути развития австралийско-новозеландских отношений.

«Я буду откровенен с вами,— сказал он.— Я знаю, что проблема (углубления австралийско-новозеландских отношений.— К. М.) слишком сложна и важна, чтобы ее можно было решить быстро и просто. Полная интеграция — это не лучший ответ, чем полное разобщение: и то и другое реально невозможно. Нет никакого другого решения, кроме компромисса... Экономические трудности, с которыми сейчас сталкиваются Австралия и Новая Зеландия, ограничивают возможности для практических действий. Таможенный союз предлагается как одно из решений проблемы, и он заслуживает серьезного изучения наряду с другими. Но прежде чем договориться о таможенном союзе, нам необходимо включить новые виды товаров в приложение А к НАФТА. Мы уже предлагали расширить рамки соглашения о свободной торговле. Такая проблема, вероятно, опять возникнет. Но ни ваше правительство, ни наше в настоящее время не имеет достаточных возможностей для маневра. Единственное, что мы можем сделать сейчас,— это немного подождать. Решение проблемы не должно откладываться надолго: мы вступили в критическую фазу и длительная отсрочка может отрицательно повлиять на решение вопроса. У нас достаточно времени, чтобы тщательно обдумать проблему, внимательно рассмотреть все представленные нами предложения... и выработать решение политически приемлемое, даже если оно не полностью будет удовлетворять нас» [31, с. 20—23].

В 70-е годы значительно вырос товарооборот Новой Зеландии со странами Океании. В 1976 г. он составил 106 млн. долл. [31, с. 552].

В 60—70-е годы получили развитие торговые отношения Новой Зеландии с СССР и другими европейскими социалистическими странами. В августе 1963 г. в Веллингтоне было подписано первое в истории советско-новозеландское соглашение, предусматривающее установление режима наибольшего благо-

Новозеландская торговля со странами Южной Америки в 1976 г. *,
млн. долл.

Страна	Экспорт	Импорт
Бразилия	0,7	5,6
Куба	—	29,3
Доминиканская Республика	1,5	0,003
Эквадор	2,0	3,0
Сальвадор	1,1	0,003
Ямайка	12,5	0,9
Панама	3,4	—
Перу	16,5	0,008
Тринидад и Тобаго	10,0	0,9
Венесуэла	2,4	0,003
Бермудские острова	1,7	—

* New Zealand Official Yearbook, 1977, с. 553.

приятствования. Новая Зеландия поставляет Советскому Союзу шерсть, мясо, масло. СССР, в свою очередь, экспортирует в Новую Зеландию станки, минеральные удобрения, консервы, ткани, тракторы, автомобили, спортивно-охотничьи принадлежности.

Во время визита в СССР в сентябре 1973 г. министра внешней торговли Новой Зеландии Дж. Уолдинга был подписан протокол к торговому соглашению 1963 г., где предусматривалось создание советско-новозеландской комиссии по торговле. Заседания комиссии происходят поочередно в Москве и Веллингтоне. Советско-новозеландский товарооборот за 1978 г. составил 45,1 млн. долл.

Значительное место во внешней торговле Новой Зеландии стали играть страны Южной Америки. Приведем данные, характеризующие новозеландский товарооборот с рядом южноамериканских государств (табл. 12).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Новой Зеландии во многом сходна с историей других «белых доминионов» Британской империи. Так же как Австралия и Канада, Новая Зеландия возникла как переселенческая колония.

Британские колонисты воспроизвели в Новой Зеландии социально-экономические отношения, свойственные Великобритании того времени. Так же как и австралийский, новозеландский капитализм развивался с помощью британской буржуазии в направлении, выгодном для последней. Именно поэтому в новозеландской экономике определился примат сельскохозяйственного производства при очевидном сдерживании развития обрабатывающей промышленности. Новая Зеландия нужна была Великобритании как собственная «животноводческая ферма» и одновременно рынок для сбыта английских промышленных товаров.

Так же как в Австралии, в Новой Зеландии капитализм рано перешёл в стадию империализма.

Однако нельзя не заметить специфические особенности развития Новой Зеландии. Они определялись ее географическим положением, размерами, степенью обеспеченности природными ресурсами.

На земном шаре нет страны, более отдаленной от всех других, чем Новая Зеландия. Даже от ближайшей соседки — Австралии — она отстоит более чем на 2 тыс. км. «Страна на краю света (4 дня до Австралии!)», — отмечал В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму» [4, с. 511]. Между Новой Зеландией и Южной Америкой на протяжении 12 тыс. км нет ничего, кроме необозримых просторов Тихого океана.

Новая Зеландия по своим размерам в 26 раз меньше Австралии и в 33 раза меньше Канады. В отличие от этих двух стран Новая Зеландия крайне бедна полезными ископаемыми.

Все эти обстоятельства определили сугубую привязанность Новой Зеландии к Великобритании. «Новозеландцы — самая „верная“, верноподданная, колония Великобритании» [4, с. 511].

И в наши дни Новая Зеландия продолжает сохранять наиболее тесные по сравнению с другими британскими доминионами политические и экономические связи с Англией.

Определяя политику Новой Зеландии в отношении Великобритании в 70-х годах XX в., новозеландский министр иностранных дел Г. Лейкинг говорил: «Наша политика заключается в том, чтобы сохранить наш традиционный рынок в Англии в максимально возможных для нас размерах и продолжать развивать взаимовыгодные отношения, отражающие нашу великую дружбу» [23, с. 37]. В предвыборном манифесте Национальной партии 1978 г., в разделе «Международные отношения», говорилось: «Национальная партия осознает важность продолжающихся новозеландских экономических и культурных связей с Великобританией и будет поддерживать их» [22, с. 19].

В области внутренней политики новозеландская буржуазия еще в большей степени, чем австралийская и канадская, копировала британский образец, даже несколько утрируя его. В социальной демагогии новозеландская буржуазия превзошла буржуазию метрополии, вызвав еще в начале нынешнего столетия восторг буржуазных либералов всех стран.

Рабочее движение в Новой Зеландии с первых шагов своего развития прочно попало под влияние новозеландской буржуазии. В. И. Ленин отмечал в «Тетрадах по империализму» подкуп рабочих социальными реформами со стороны империалистической буржуазии: «...их „социализм“: „Новозеландцы практичны и оппортунистичны до цинизма“... они вполне „консервативны“» [4, с. 512]. О первом «социалистическом» премьер-министре Новой Зеландии, Р. Седдоне, В. И. Ленин писал: «Премьер Седдон — представитель австралазиатского империализма. „Империалист чистейшей воды“... „Передовой борец за социальную политику стал отступать в нем (Седдоне) на второй план и уступил первое место империалистскому и протекционистскому государственному деятелю“... Хотя и реформатор (за реформы в Новозеландии) — он в Англии юлил около тори. Консерваторы расхваливали „социалиста Седдона“... хвала Седдону, радикалу, демократу, империалисту!» [4, с. 512].

Тенденции, характерные для новозеландского рабочего движения начала нынешнего столетия, отмеченные В. И. Лениным, в значительной степени свойственны ему и в наши дни.

Если в Австралии и Канаде особых проблем в отношении коренного населения, в сущности, не было (оно было в значительной степени истреблено еще в начальный период колонизации, а остатки загнаны в резервации), то в Новой Зеландии процесс колониального «освоения» шел иначе. Маори оказали британцам невиданно упорное сопротивление. Англо-маорийские войны длились десятки лет. Маори не только уцелели в этой борьбе, но и заставили колонизаторов считаться с собой. Они добились редко выпадавшего на долю коренного населения колоний успеха: формального равенства с колонизаторами. В современной Новой Зеландии вопросы взаимоотношений пакеха с маори от-

носятся к числу весьма серьезных внутриполитических проблем страны.

Отмеченные особенности — лишь частности, а в основном Новая Зеландия развивалась и развивается путем, типичным для буржуазных государств. Являясь составной частью мировой капиталистической системы, Новая Зеландия обладает всеми пороками этой системы. Кризис, потрясший мир капитала в 70-х годах, в полной мере отразился на новозеландской экономике. Инфляция, безработица, снижение валового национального продукта, растущий дефицит платежного баланса характеризуют нынешнее положение страны, которую еще недавно идеологи буржуазии называли «лучшей в мире».

В области внешнеполитической Новая Зеландия проявила себя как откровенно империалистическое государство с ярко выраженными колониалистскими устремлениями.

Коренные изменения, происшедшие на нашей планете после второй мировой войны, заставили Новую Зеландию, эту «Британию Тихого океана», пересмотреть привычные представления, искать новые пути во взаимоотношениях с внешним миром. Особенно трудным для новозеландской буржуазии было осознать развал Британской империи, крушение колониализма.

В течение четверти века после окончания второй мировой войны Новая Зеландия все еще в основных чертах продолжала идти проторенным путем. Как в самом начале нынешнего столетия, так и во второй половине века она посылала за моря своих солдат подавлять национально-освободительные движения. Более того, Новая Зеландия не только верноподданно служила имперским интересам, но и весьма охотно «ассистировала» Соединенным Штатам в их азиатских военных авантюрах, превзойдя в этом отношении мать-родину — Великобританию.

В экономическом отношении Новая Зеландия в 50—60-х годах в основном продолжала сохранять старые позиции.

70-е годы заставили новозеландскую буржуазию наконец начать действовать. Разрядка международной напряженности, вступление Англии в ЕЭС, экономический кризис капиталистической системы поставили перед страной серьезнейшие проблемы, требовавшие неотложного решения. Именно в эти годы существенно диверсифицируются внешнеполитические и внешнеэкономические связи Новой Зеландии, активизируется ее политика в азиатско-тихоокеанском регионе, появляются новые черты в ее отношениях со странами Океании.

Но процесс усиления реалистичности в политике Новой Зеландии шел отнюдь не прямолинейно, напротив, он характеризовался заметными зигзагами.

Если в первой половине 70-х годов, в период правления лейбористов, Новая Зеландия полностью вывела свои войска из Вьетнама, расширила отношения с социалистическими страна-

ми, выступила за прекращение ядерных испытаний и превращение южной части Тихого океана в безъядерную зону, то во второй половине десятилетия, после прихода к власти Национальной партии, многие из начинаний предшествовавшего правительства в области внешней политики были преданы забвению.

Что касается внутривнутриполитического положения страны, то ни лейбористскому, ни «националистскому» правительствам в равной степени не удалось преодолеть кризисные явления, более того, кризис с каждым годом все больше поражает новозеландскую экономику.

БИБЛИОГРАФИЯ

*Произведения классиков марксизма-ленинизма **

1. Маркс К. Капитал. Т. 1.— Т. 23.
2. Энгельс Ф. «Kolnische Zeitung» об английских порядках.— Т. 5.
3. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.— Т. 16.
4. Ленин В. И. Тетради по империализму.— Т. 28.

Официальные издания, сборники документов, архивные материалы

5. Доклад Совета по опеке за период со 2 августа 1958 по 6 августа 1959 г. Нью-Йорк, 1959.
6. Appendices to the Journal of the House of Representatives. 1895, g.—1.
7. Appendices to the Journal of the House of Representatives. 1937—1938, A-7 (Imperial Conference 1937, Summary of Proceedings).
8. Conference 76. Discussion Bulletin of the N. Z. Socialist Unity Party. Auckland, 1976.
9. Cook Islands. Reprinted Acts. Wellington, 1967.
10. Department of State, Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1935. Vol. 2. Wash., 1952.
11. Department of State, Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1936. Vol. 1. Wash., 1953.
12. Department of State, Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1937. Vol. 2. Wash., 1954.
13. Department of State, Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1938. Vol. 2. Wash., 1955.
14. Department of State, Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1939. Vol. 2. Wash., 1956.
15. Department of State, Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1941. Vol. 1. Wash., 1958.
16. Documents Relating to New Zealand's Participation in the Second World War, 1939—1945. Vol. 1. Wellington, 1949.
17. Documents Relating to New Zealand's Participation in the Second World War, 1939—1945. Vol. 3. Wellington, 1963.
18. European Parliament. Working Documents. Document 107/79, 2 May 1979. Luxembourg, 1979.
19. Hansard's Parliamentary Debates. Third series. Vol. 221. L., 1874.
20. Hansard, House of Commons. Vol. 645. Col. 930. L., 31.VII.1961.
21. Historical Records of Australia. Ser. 1. Vol. XIX. Sydney, 1914.
22. National Party 1978 General Election Policy. Wellington, 1978.
23. New Zealand and Australia Foreign Policy in the 1970's. Wellington, 1970.
24. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 24, № 4, April 1974. Wellington, 1974.
25. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 25, № 7, July 1975, Wellington, 1975.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по 2-му изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

26. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 25, № 9, Sept. 1975, Wellington, 1975.
27. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 26, № 4, April — June 1976. Wellington, 1976.
28. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 27, № 2, April — June 1977. Wellington, 1977.
29. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 27, № 3, July — September 1977. Wellington, 1977.
30. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 27, № 4, October — December 1977. Wellington, 1977.
31. New Zealand Foreign Affairs Review. Vol. 28, № 1, January — March 1978. Wellington, 1978.
32. New Zealand Foreign Policy and Defence. Dunedin, 1977.
33. New Zealand Labour Party 1978 Manifesto. To rebuild the Nation. Wellington, 1978.
34. New Zealand Official Yearbook, 1964.
35. New Zealand Official Yearbook, 1970.
36. New Zealand Official Yearbook, 1974.
37. New Zealand Official Yearbook, 1977.
- 37a. New Zealand Official Yearbook, 1979.
38. New Zealand Parliamentary Debates. Second Session, 1937.
39. New Zealand Parliamentary Debates. Oct. 27, 1939.
40. New Zealand Parliamentary Debates. Vol. 309, 7 August 1951. Wellington.
41. New Zealand Parliamentary Debates. Vol. 342, 28 May 1965. Wellington.
42. Pacific Islands Year Book. Sydney, 1972.
43. Report of the Trusteeship Council, 1 July 1960 — 19 July 1961. N. Y., 1961.
44. Social Credit 1978 Election Manifesto. Wellington, 1978.
45. Speeches and Documents on New Zealand History. Ox., 1971.
46. The Values Party Manifesto. Wellington, 1978.

Литература

47. Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном». М., 1949.
48. Блинов А. И. Маорийские войны. — Океанийский этнографический сборник. М., 1957.
49. Богомолов В. А. Экономика и политика Новой Зеландии. М., 1978.
50. Бугинов Н. А. Маори. — Океанийский этнографический сборник. М., 1957.
51. Всемирная история. Т. IV—V. М., 1958.
52. Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962.
- 52a. Лазарев М. П. Документы. Т. I. М., 1952.
53. Леруа-Болье П. Новые англосаксонские общества. СПб., 1898.
54. Малаховский К. В. Британия Южных морей. М., 1972.
55. Малаховский К. В. Под Южным Крестом. М., 1974.
56. Малаховский К. В. История островов Кука. М., 1978.
57. Малаховский К. В. История колониализма в Океании. М., 1979.
58. Народы Австралии и Океании. М., 1956.
59. Первое кругосветное плавание капитана Джеймса Кука. Плавание на «Индевире» в 1768—1771 гг. М., 1955.
60. Скотт Д. Рассказ о событиях в Парикахе. М., 1957.
61. Таганский М. Демократическая республика и Новая Зеландия. СПб., 1906.
62. Чумаков Н. О народном самоуправлении в Новой Зеландии. М., 1906.
63. Allan R. M. Nelson, a History of Early Settlement. Wellington, 1965.
64. Appleton M. They Came to New Zealand. L., 1958.

65. Beaglehole E. Social Change in the South Pacific. Aberdeen, 1957.
66. Brookes J. J. International Riverly in the Pacific Islands. 1800—1875. Los Angeles, 1941.
67. Brown B. The Rise of New Zealand Labour. L., 1964.
68. Buick T. L. The Treaty of Waitangi. New Plimouth, 1936.
69. Burdon R. M. The New Dominion. L., 1965.
- 69a. Clark C. M. H. A History of Australia. Vol. I. Melbourne, 1963.
70. Companies with Overseas Affiliations 1970—1971. Wellington, 1975.
71. Condliffe Y. B. New Zealand in the Making. L., 1959.
72. Contemporary New Zealand. A Survey of Domestic and Foreign Policy. Auckland, 1939.
73. Cumberland K. Southwest Pacific. Auckland, 1960.
74. Documents Relating to New Zealand's Participation in the Second World War, 1939—1945. Vol. 3, Wellington, 1963.
75. Douglas A. P. The Dominion of New Zealand. L., 1911.
76. Elder J. R. The Letters and Journals of Samuel Marsden (1765—1838). Dunedin, 1932.
77. Fong Ng Bickleen. The Chinese in New Zealand. Hong Kong, 1959.
78. Frith R. W. Economics of New Zealand Maori. Wellington, 1959.
79. German Colonisation. L., 1920.
80. Gillespie O. A. Official History of the New Zealand in the Second World War, 1939—1945: the Pacific. Wellington, 1952.
81. Gordon B. K. New Zealand Becomes a Pacific Power. Chicago, 1960.
82. Gordon D. C. The Dominion Partnership in Imperial Defence, 1870—1914. Baltimore, 1965.
83. Harrop A. J. England and New Zealand. L., 1926.
84. Harrop A. England and the Maory Wars. L., 1937.
85. Harrop A. J. New Zealand After Five Wars. L.
86. Hickey P. N. Red Fed Memoirs. Wellington, 1925.
87. Holt E. The Strangest War. L., 1962.
88. Howe K. R. Race Relations. Australia and New Zealand. Wellington, 1977.
89. The Journal of Abel Tasman 1642 with Documents Relating to his Exploration of Australia in 1644. Adelaide.
90. Joy W. Birth of a Nation. Sydney, 1963.
91. Kajima M. The Emergence of Japan as a World Power, 1895—1925. Tokyo, 1968.
92. Kay R. New Zealand in the War 1939—1945. Wellington, 1968.
93. Kennaway R. New Zealand Foreign Policy. 1951—1971. Wellington, 1972.
94. Leighton R., Coakley R. United States Army in the World War 2. The War Department: Global Logistics and Strategy, 1940—1943. Wash., 1955.
95. Lissington M. P. New Zealand and the United States. Wellington, 1971.
96. Lissington M. P. New Zealand and Japan. 1900—1941. Wellington, 1972.
97. Mander A. E. The Making of the Australians. Melbourne, 1958.
98. Marais Y. S. The Colonisation of New Zealand. Ox., 1927.
99. Marder A. I. From the Dreadnouth to Scapa Flow: the Royal Navy in the Fisher Era. 1904—1919. Vol. 1. L., 1961.
100. Matloff M., Snell E. Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941—1942. Wash., 1953.
101. Metgs J. A New Maori Migration. Wellington, 1962.
102. Metgs J. The Maoris of New Zealand. L., 1967.
103. Milner I. New Zealand's Interests and Policies in the Far East. N. Y., 1939.
104. Morrell W. P., Hall D. A History of New Zealand Life. Wellington, 1957.

105. New Zealand and Australia Foreign Policy in the 1970's. Wellington, 1970.
106. New Zealand Continuing Development. Wellington, 1969.
107. New Zealand's External Relations, ed. by T. Larkin. Wellington, 1962.
108. New Zealand Politics. Cheshire, 1975.
109. New Zealand Politics. Melbourne, 1978.
110. Oliver W. N. The Story of New Zealand. L., 1960.
111. Paul J. T. Landmarks in the History of New Zealand Politics. Wellington, 1936.
112. Prichard Lloyd M. F. An Economic History of New Zealand to 1939. Auckland, 1970.
113. Reese T. R. Australia, New Zealand and the United States. A Survey of International Relations 1941—1968. L., 1969.
114. Rose A. New Zealand Aspirations in the Pacific in the Nineteenth Century. Ox., 1964.
115. Scott E. Australia During the War. Sydney, 1936.
116. Sinclair K. The Origins of the Maori Wars. Wellington, 1957.
117. Sinclair K. A History of New Zealand. L., 1961.
118. Sinclair K. The Liberal Government. 1891—1912. Auckland, 1969.
119. Stevens S. K. American Expansion in Hawaii. 1842—1898. Harrisburg, 1945.
120. Tapp E. J. Early New Zealand. Melbourne, 1958.
121. Waters S. D. Official History of New Zealand in the Second World War, 1939—45: the Royal New Zealand Navy. Wellington, 1956.
122. Williams J. A. Politics of the New Zealand Maori. Ox., 1969.
123. Williamson J. A. Cook and the Opening of the Pacific. L., 1946.
124. Wood F. The New Zealand People of War. Wellington, 1958.
125. Wood G. A. The Discovery of Australia. L., 1922.
126. Wright H. M. New Zealand (1769—1840); Early Years of Western Contact. Cambridge, 1959.

Журналы

127. Бюллетень коммерческой информации.
128. «Far Eastern Economic Review».
129. «The Guardian Weekly».
130. «Historical Records of Australia».
131. «National Education».
132. «New Zealand Geographer».
133. «New Zealand Journal of History».
134. «Pacific Islands Monthly».
135. «Pacific Viewpoint».
136. «Round Table».
137. «Wall-Street Journal».

Газеты

138. «Auckland Star».
139. «The Financial Times».
140. «New Zealand Herald».
141. «The Press».
142. «Times».

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аваруа, о-в 188, 191
 Австралия 19, 22, 23, 26, 32, 37, 43, 57, 69, 71, 81—83, 90, 92, 99, 101, 103, 106, 107, 112, 120, 122, 124, 133, 134, 136—139, 142—145, 147, 148, 150—153, 155—158, 199, 203, 210—212, 219, 223, 224, 226, 227
 Аитутаки, о-в 186, 188, 192, 195
 Акароа 52—55
 Алеутские о-ва 152—153
 Англия 8, 9, 17, 21, 22, 27—30, 33—36, 38—40, 44, 46, 51—55, 57, 63, 65, 66, 69, 73, 81—83, 90, 96, 107, 108, 110—114, 119, 120, 122, 124, 130, 133, 135—137, 139—146, 148—150, 158, 203, 204, 210—223, 226—228. См. также Британия, Британская империя, Британские о-ва, Великобритания
 Апка 82
 Атту, о-в 153
 Атиу, о-в 186, 192
 Бангладеш 222
 Банкс, п-ов 35
 Батавия (Джакарта) 3
 Бахрейн 222
 Бей-оф-Айлендс зал. 18—22, 24—26, 30, 32, 35, 45—47, 51—52, 54, 63, 64
 Бейкер, о-в 134
 Белград 214
 Бельгия 151, 204
 Бермудские о-ва 225
 Блафф 160
 Ближний Восток 117, 148, 152
 Болгария 204
 Бразилия 225
 Британия 33, 37, 57, 73, 89, 111, 114, 127—129, 147, 204, 214
 Британская империя 43, 44, 71, 101—103, 116, 127, 131, 136, 138, 139, 226
 Британские о-ва 27, 39
 Британское содружество 128, 148, 150, 157, 175, 203, 210, 212
 Брюссель 216
 Бэстен-Пойнт 173
 Варшава 214
 Вашингтон 111, 134, 147, 149, 150, 152
 Великобритания 12, 29, 30, 35, 40, 43, 44, 46, 47, 52—54, 82, 83, 90, 102, 103, 108—110, 113—116, 119, 120, 122, 124, 129—131, 133, 134, 136, 137, 143, 147—150, 154, 174, 203, 211—213, 218—220, 227, 228
 Велья-Левелья, о-ва 154
 Веллингтон 43, 55—57, 60, 79, 81, 87, 91, 93—95, 112, 121, 126, 150, 154, 159, 160, 207, 222, 225, 229
 Венгрия 218—219
 Венесуэла 225
 Версаль 119
 Вест-Индия 43, 107
 Восточное Самоа 131, 132, 155, 200
 Вьетнам 204—207, 218, 228
 Вэйхайвэй 143
 Гавайские о-ва 111, 112, 133, 134, 138, 150, 198
 Галлиполи 117
 ГДР 207
 Германия 84, 108, 111, 112, 116, 119, 132, 143, 144, 146—149
 Гилберта, о-ва 106, 152, 156. См. также Кирибати.
 Гисборн 13
 Голден-Бей, зал. 5
 Голландия 5, 110, 148, 151, 158
 Гонконг 143, 151, 218, 222
 Гонолулу 111
 Греция 204
 Гуадалканал, о-в 153, 154
 Гудзонов пролив 7
 Дальний Восток 8, 129, 139, 145, 149, 151, 221
 Данидин 89—92, 95, 130, 209
 Дания 84, 148, 204
 Дарвин 136, 152
 Даски-Саунд, зал. 19
 Джарвнс, о-в 134
 Диого-Гарсиа, о-в 208
 Доброй Надежды, м. 106
 Доминиканская Республика 225

ДРВ 204
Дублин 219
Дуврский пролив 151

Египет 116, 120, 148, 204

Западная Африка 111
Западная Европа 204
Западное Самоа 116, 119, 130, 131,
143, 145, 155, 156, 180—186, 198,
200—202
Земля Ван Димена, о-в см. Тасмания,
о-в.

Индия 8, 19, 55, 70, 143, 156, 222
Индонезия 221, 222
Иран 222
Ириан Джая 198
Ирландия 28, 82
Испания 3, 17, 112
Италия 149, 154, 203

Каир 149
Канада 9, 40, 119, 122, 124, 134, 142,
146, 150, 155, 198—199, 210, 219—
221, 226, 227
Канберра 156, 157, 209, 223
Кантон 134—136
Каролинские о-ва 106, 143, 144, 156
Катикара 71
Квебек 9
Кентерберри 57, 60, 66, 81, 83, 87, 121,
159, 160
Керикери 25, 30
Кермадек, о-ва 113
Киао-Чiao (Цзяочжоу) 143
Кирибати 198, 200, 201
Китай 19, 106, 136—139, 142, 143,
207, 208, 221, 222
Коломбо 210
Коралловое море 153
Корея 138
Королевы Шарлотты пролив (пролив
Кука) 13, 15, 42
Корорарека 20, 32, 34, 45—47, 49, 52,
63—66
Кота-Бару 151
Крайсчерч 92, 93
Куала-Лумпур 222
Куба 225
Кука, о-ва 113—114, 134, 157, 186—
197, 200—202
Кыска, о-в 153

Латинская Америка 211
Литтелтон 95

Лондон 6, 7, 22, 24, 31, 33—36, 44,
54, 89, 101, 102, 107, 111, 112, 128,
129, 136, 138, 141, 144, 145, 147,
215

Лонгстон 57
Люксембург 216

Малайзия 218, 222
Малайская федерация 203
Малайя 151
Малаккский пролив 151
Манила 151
Маньчжурия 145
Марианские о-ва 143, 144, 156
Марокко 156
Маршалловы о-ва 106, 143, 144, 156
Мельбурн 107
Мидуэй, о-в 136, 152
Микронезия 106, 143, 157
Молуккские о-ва 3
Москва 207, 219, 225
Мюнхен 129

Навигаторские о-ва 109. См. также
Самоа, о-ва, Самоанский архипелаг
Нассау, о. 192
Науру, о-в 120, 143, 198, 200
Нгаруавахиа 67, 72
Нельсон 55, 56, 62, 83, 84, 87
Непал 222
Нидерланды 204
Ниуэ, о-в 115, 198, 200, 201
Новая Англия, штат 19
Новая Гвинея, о-в 30, 110, 143, 152,
153, 181
Новая Гренада, о-в 33
Новая Зеландия 5, 12—27, 29—47,
51—58, 60, 61, 63, 65—71, 73—75,
78, 80—92, 94—97, 99, 101—122,
124—172, 174—186, 189—228
Новая Каледония, о-ва 138, 154, 157,
200, 202
Новые Гебриды, о-ва 112, 114, 157,
198, 200, 201
Новый Ленстер 54
Новый Манстер 54, 60
Новый Ольстер 54, 60
Новый Южный Уэльс 17, 19, 20, 22—
24, 26, 30—33, 35, 37, 42, 44—47,
54, 57, 63, 64
Норвегия 7, 148, 204
Нордкап, м. 7
Норфолк, о-в 17—19, 22, 154, 157,
200
Нутка-Саунд, зал. 18
Нью-Плимут 55, 56, 67, 68, 70, 71
Ньюфаундленд, о-в 9

Общества, о-ва 13
Океания 14, 107, 110, 113, 132, 134,
155, 157, 197—202, 211, 224, 228
Окленд 21, 34, 55, 56, 60, 64—66, 70,
72, 81, 83, 87, 89, 91, 92, 95, 107,
113, 114, 121, 132, 159—161, 173,

179, 188, 198, 206, 207
Оклендский п-ов 23, 25
Онекака 121
Отаго 60, 66, 71, 72, 83, 84, 87, 91,
121
Ост-Индия 142
Ост-Индия Нидерландская 152, 156
Оттава 129
Охазаваи 64

Паго-Паго 107
Паихиа 25, 50
Пакистан 222
Палмерстон, о-в 192
Панама 225
Панамский канал 138
Панамский перешеек 33
Папуа Новая Гвинея 198, 200—202
Парраматта 22, 25
Париж 36, 54
Пенрии, о-в 186, 192
Перл-Харбор 151
Перу, 225
Пиронгиа 75
Питкэрн, о-в 200
Пленти, зал. 56
Плимут 11
Поверти, бухта 13, 74
Полинезия 114
Польша 193, 204, 219
Пориуа 161
Порт-Джэксон 18, 19, 22—24, 48
Порт-Николсон (Веллингтон) 42, 54,
55
Порт-Морсби 136, 153
Пукалука, о-в 192
Пукетуту 64

Рабанул 153
Раиатеа, о-в 13
Рангивахиа 66
Раротонга, о-в 114, 186—192, 195—
197
Расселл, о-в 52, 55, 56
Рождества, о-в 134, 136

Сайпан, о-в 181
Самоа, о-ва 107, 108, 110, 111, 114—
116, 132, 153, 155, 181—183
Сандей, о-в 113
Сан-Франциско, г. 106, 134, 158
Северное море 141
Северный, м. 5
Северный о-в (Новой Зеландии) 5,
13, 14, 26, 31, 43, 51, 54, 62, 66,
73—77, 80, 87, 117, 152, 170, 173
Святой Елены, о-в 7
Сидней 19, 21—25, 30—32, 35, 36, 44,
45, 57, 107, 110

Сингапур 136, 137, 145, 149, 151, 152,
207, 218, 222
Соломоновы о-ва 111, 152—154, 198,
200—202.
Сомма, р. 117
Средиземное море 43, 148, 151
Средиземное море 154
Средний Восток 220
СССР 155, 193, 204, 207—209, 218,
224, 225
Стьюарт, о-в 54
США 20, 52, 54, 84, 90, 92, 102, 106—
109, 111, 112, 122, 124, 129—134,
136, 138, 140, 143, 146, 148—151,
153—156, 158, 199, 203—211, 219—
221, 228
Сува 152
Суматра, о-в 7
Суэцкий канал 116

Таиланд 151, 218, 222
Таити, о-в 7, 11, 12, 14, 33
Тайвань, о-в 218
Таранакн 60, 70, 71, 73, 74, 83
Тасмания, о-в 33, 37, 57
Тасманово море 57, 152
Таупо 56
Тауранга 73
Темза, р. 10, 11
Тихоокеанский бассейн 157, 158
Токелау, о-ва 135, 198, 200, 201
Токио 153
Тонга, о-ва 107, 110, 112, 152—154,
157, 198—201
Торресов пролив 11
Тринидад и Тобаго, о-ва 225
Тувалу, о-ва 198, 201
Тулагу, о-в 153
Турин 36

Уаикато, р. 21, 66, 71, 72
Уаимате 64
Уаитанги, р. 25, 34, 46, 47, 50—52,
55, 60, 76, 77, 100
Уаирау 62
Уаитара 67, 70
Уэйк, о-в 136
Уполу 156
Уреуэра 79, 80
Уэльс 82

Феникс, о-ва 106, 134
Фиджи, о-ва 87, 106, 107, 109, 110,
114, 150, 152, 153, 198—202, 208
Филиппины 132, 150, 152, 222
Финляндия 156, 204
Франция 8, 30, 36, 52, 53, 82, 114,
117, 120, 124, 148, 149, 151, 158,
204, 207
Французская Полинезия 200
ФРГ 204

Халл, о-в 134
Хауленд, о-в 134
Хаураки, зал. 56
Хейстингс 78
Хонианга, р. 29, 33, 34, 49, 55
Цейлон (Шри Ланка) 218, 222
Чатам, о-ва 74
Чехословакия 204
Шаньдун, п-ов 143
Швейцария 204
Швеция 204
Шотландия 16, 28, 82
Шпицберген, о-в 7
Эйре 146
Эквадор 225
Эллис (Тувалу), о-ва 152, 157

Эндербери, о-в 134, 135
Эрроутаун 84
Югославия 204, 219
Юго-Восточная Азия 203, 204, 210, 220, 221
Южная Австралия 65
Южная Азия 210
Южная Америка 221, 225, 226
Южная Африка 106
Южноафриканский Союз 146
Южный о-в (Новая Зеландия) 13, 14, 26, 34, 52, 54, 62, 66, 71, 84, 87, 152, 160
Яванское море 152
Ямайка, о-в 225
Яп, о-ва 143
Япония 122, 129, 133, 134, 136—153, 155, 199, 208—213, 218, 220—222

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Открытие европейцами Новой Зеландии	3
<i>Глава II.</i> Начало британской колонизации Новой Зеландии	27
<i>Глава III.</i> Англо-маорийские войны	62
<i>Глава IV.</i> Экономическое и политическое развитие Новой Зеландии со второй половины XIX века до первой мировой войны	81
<i>Глава V.</i> Колониальные захваты Новой Зеландии в 70—90-х годах XIX века	105
<i>Глава VI.</i> Новая Зеландия в первой половине XX века	116
<i>Глава VII.</i> Экономическое и внутривнутриполитическое положение Новой Зеландии в 50—70-х годах XX века	159
<i>Глава VIII.</i> Новозеландский колониализм и неоколониализм в 50—70-х годах XX века	180
<i>Глава IX.</i> Внешняя политика Новой Зеландии в 50—70-х годах XX века	203
Заключение	226
Библиография	230
Указатель географических названий	234

Ким Владимирович Малаховский

ИСТОРИЯ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *М. И. Новицкая*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14224

Сдано в набор 19.5.81. Подписано к печати 18.10.81. А-08647. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15. Усл. кр.-отт. 15,125. Уч.-изд. л. 16,25. Тираж 5000 экз. Изд. № 5031. Зак. № 262. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28